

май – июнь
3 (95) 2020 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- О БУДУЩЕМ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ** 6 **ПАНИОТОВА Т. С.**
БИТВА ЗА БУДУЩЕЕ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ УТОПИЙ
- 21 **ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Е. В., ИНГЕРЛЕЙБ М. Б.**
«ОТКРЫТОЕ БУДУЩЕЕ» И «НЕЗАВЕРШЁННОЕ ПРОШЛОЕ»:
К ВОПРОСУ О ТЕМПОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
- 35 **РОМАНЕНКО М. А.**
ВООБРАЖАЯ БУДУЩЕЕ:
ПРОШЛОЕ В УТОПИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ
- 44 **ГУСЕВА Н. В.**
ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА И КУЛЬТУРА:
К АНАЛИЗУ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ
- 52 **МИТРОХИНА М. В.**
МЕДИАКУЛЬТУРА КАК РЕАЛИЗУЮЩЕЕСЯ БУДУЩЕЕ
- РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА** 64 **ЕРМИШИН О. Т.**
МОРФОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. Н. ИЛЬИНА
- 73 **АЛЕКСАНДРОВ Л. Г.**
КОСМОСОФИЯ Ф. В. Й. ШЕЛЛИНГА В ЭСТЕТИКЕ РУССКИХ
ШЕЛЛИНГИАНЦЕВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
- 86 **МАРКОВ А. В.**
СЕМИОТИЧЕСКОЕ МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ В. Н. ТОПОРОВА
КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

98 ШОШИНА С. И.

СТАНОВЛЕНИЕ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО КЛУБА
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

107 ВАХИТОВ Р. Р.

СТАЛИНИЗМ: ТРАГЕДИЯ БЕЗ КАТАРСИСА

ЭСТЕТИКА 120 СКУРИДИН О. А.

ЭЛЛИНСКИЙ ВОИНСКИЙ ПАМЯТНИК И МЕХАНИЗМ
КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

129 КОЩЕЕВ А. Е.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТРУКТА ТЕЛЕСНОСТИ
В ЭСТРАДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

135 ПОРТНОВА Т. В.

СОВПАДЕНИЕ ИДЕИ МИСТИЧЕСКОЙ КРАСОТЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА ЭПОХИ РОМАНТИЗМА
(на примере сопоставления второго акта балета «Жизель»
А. Адана и живописных полотен К. Д. Фридриха)

**НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

146 ЛОПАТИНА Н. В., БУЛДИНА Г. И.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ
МЕТОДИК АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

**КУЛЬТУРА И
ПРОСВЕЩЕНИЕ:
ОПЫТ СОВЕТСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ**

158 ЯРОШЕНКО Н. Н.

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ И СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

172 ГЛАЗКОВ М. Н.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ
МАССОВОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ СЕТИ В СССР 1974–1982 ГОДОВ

НОВЫЕ КНИГИ 190 ГЕРАСИМОВ Н. И.

ВОЗМОЖНО ЛИ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ?

Рецензия на книгу А. А. Макушинского «Предместья мысли.
Философическая прогулка» (Москва : Эксмо. 2020. 320 с.)

May – June
3 (95) 2020
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- ABOUT THE FUTURE OF CIVILIZATION AND CULTURE**
- 6 PANIOTOVA TAISIYA S.**
THE BATTLE FOR THE FUTURE
AT THE INTERSECTION OF UTOPIAS
- 21 ZOLOTUKHINA-ABOLINA ELENA V., INGERLEIB MIKHAIL B.**
“OPEN FUTURE” AND “UNFINISHED PAST”:
TO THE QUESTION OF TEMPORAL CULTURE
- 35 ROMANENKO MAXIM A.**
IMAGINING THE FUTURE: THE PAST IN UTOPIAN DIMENSION
- 44 GUSEVA NINA V.**
THE PHENOMENON OF CIVILIZATIONAL CHOICE AND CULTURE:
TOWARDS THE ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION
- 52 MITROKHINA MARIA M.**
MEDIA CULTURE AS A REALIZABLE FUTURE
- RUSSIAN PHILOSOPHY AND CULTURE**
- 64 ERMISHIN OLEG T.**
MORPHOLOGY OF CULTURE IN V. N. ILYIN'S INTERPRETATION
- 73 ALEXANDROV LEONID G.**
COSMOSOPHY OF F. V. Y. SCHELLING IN THE AESTHETICS
OF RUSSIAN SCHELLINGIANS OF THE FIRST HALF
OF THE 19TH CENTURY
- 86 MARKOV ALEXANDER V.**
THE SEMIOTIC CLOSE READING BY V. N. TOPOROV
AS A METHOD OF STUDYING RUSSIAN SPIRITUAL CULTURE

98 SHOSHINA SVETLANA I.

FORMATION OF AN ARISTOCRATIC CLUB
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

107 VAKHITOV RUSTEM R.

STALINISM: A TRAGEDY WITHOUT CATHARSIS

AESTHETICS 120 SKURIDIN OLEG A.

THE HELLENIC MILITARY MONUMENT AND THE MECHANISM
OF CULTURAL CONTINUITY IN THE ERA OF ANCIENT

129 KOSCHEEV ARTEM E.

TRANSFORMATIONS OF THE CONSTRUCT
OF CORPOREALITY IN VARIETY ART

135 PORTNOVA TATIANA V.

THE COINCIDENCE OF THE IDEA OF MYSTICAL BEAUTY
IN THE WORKS OF ART OF THE ROMANTIC ERA
(on the example of comparing the second act of the ballet
"Giselle" by A. Adan and paintings by C. D. Friedrich)

RESEARCH ACTIVITY 146 LOPATINA NATALIYA V., BULDINA GALINA I.

MODERNIZATION OF INFORMATION AND ANALYTICAL
METHODS FOR ANALYZING THE EFFECTIVENESS
OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE ORGANIZATION

**CULTURE AND EDUCATION:
THE EXPERIENCE
OF SOVIET
MODERNIZATION 158 YAROSHENKO NIKOLAY N.**

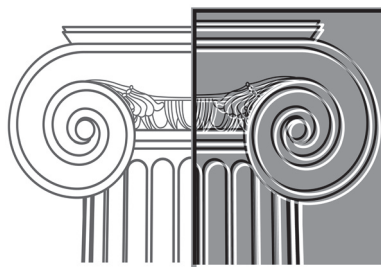
THE FIRST ALL-RUSSIAN CONGRESS ON EXTRACURRICULAR
EDUCATION AND THE FORMATION OF A SYSTEM
OF CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY IN SOVIET RUSSIA

172 GLAZKOV MIKHAIL N.

STATE POLITICS OF MASS LIBRARY NETWORK
CENTRALIZATION IN USSR 1974–1982

NEW BOOKS 190 GERASIMOV NIKOLAY I.

IS A LITERARY COMPREHENSION
OF RUSSIAN PHILOSOPHY POSSIBLE?
Review of the Book by A. A. Makushinsky
"Suburb of Places. Philosophical Walk"
(Moscow, Publishing House "Eksmo", 2020. 320 p.)

О БУДУЩЕМ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
И КУЛЬТУРЫ

БИТВА ЗА БУДУЩЕЕ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ УТОПИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00581

УДК 008:167.5

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10301

Т. С. Паниотова

Южный федеральный университет

Статья посвящена рассмотрению альтернативных сценариев будущего, относящихся к началу «самого утопического десятилетия советской истории» (К. Кларк). Критический обзор основывается на материалах из идейного наследия В. И. Ленина, А. А. Богданова, А. К. Гастева и А. В. Чайнова. Представленные сценарии будущего, которые самими мыслителями рассматривались как научные и реалистические, в интерпретации автора статьи предстают как официальная, технократическая и крестьянская утопии. Сравнительный анализ представленных в текстах сценариев будущего позволил выявить в них не только оригинальные, но и общие черты, такие как «зачарованность техникой», регламентация, эгалитаризм, авторитаризм и другие.

Ключевые слова: утопия, утопическое десятилетие, социализм, коллективизм, сценарий будущего, В. И. Ленин, А. А. Богданов, А. К. Гастев, А. В. Чайнов.

Taisiya S. Paniotova

Southern Federal University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dneprovskii lane, 116, 344065, Rostov-on-Don, Russian Federation

THE BATTLE FOR THE FUTURE AT THE INTERSECTION OF UTOPIAS

The article focuses on consideration the alternative scenarios of the future related to the beginning of “the most utopian decade of Soviet history” (C. Clark). The critical review is based on materials from the ideological heritage of Vladimir Lenin, Alexander Bogdanov, Aleksei Gastev and Alexander Chayanov. The presented scenarios of the future which were considered as scientific and realistic by the thinkers are appeared as an official, technocratic and peasant utopia in the author’s interpretation. Not only original, but common features of the future scenarios like “fascination with technology”, authoritarianism, etc., are found in the examined texts by comparative analysis.

Keywords: utopia, utopian decade, socialism, collectivism, scenario of the future, regulation, equalization, V. Lenin, A. Bogdanov, A. Gastev, A. Chayanov.

Для цитирования: Паниотова Т. С. Битва за будущее на перекрёстке утопий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 6–20. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10301

ПАНИОТОВА ТАИСИЯ СЕРГЕЕВНА – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

PANIOTOVA TAI SIYA SERGEEVNA – DPhil, Full Professor, Professor at the Department of Theory of Culture, Ethics, and Aesthetics, the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, the Southern Federal University

e-mail: tspaniotova@sfnedu.ru
© Паниотова Т. С., 2020

Утопия – светило мироздания,
 Поэт-мудрец, безумствуй и пророчь, –
 Иль новый день в невиданном сиянье,
 Иль новая, невиданная ночь!

Н. Тихонов «Перекрёсток утопий»

Экономический кризис, экологический кризис, кризис культуры и т.д. – все эти концепты, прочно вошедшие в современный дискурс, не что иное, как маркеры глобального социокультурного кризиса, который мы наблюдаем в современном обществе. Основой для выхода из мировоззренческой фрустрации может стать формирование позитивного образа будущего. И здесь имеет смысл вспомнить об утопии, которая, задавая определённые ценностные ориентиры в будущее, привлекает внимание и к настоящему. «Утопия расположилась между молотом будущего и наковальней настоящего», – говорил Ф. Полак. Это «движущая сила в будущее» и «рычаг прогресса» [31].

На фоне громких заявлений о «конце утопии» и спетого после распада СССР «реквиема по утопии» [19; 21] на Западе формировалось направление Utopian Studies, появились международные общества исследователей утопии, стали издаваться специализированные научные журналы, проводиться международные конференции. И хотя исследовательское поле постоянно расширялось, а проблематика утопии и утопического мышления обретала междисциплинарный статус, культурологических работ, посвящённых данной теме, по-прежнему было мало. В связи с этим следует согласиться с М. Д. Сусловым о перспективности перевода исследований утопии «в область культурологии, где больше возможностей анализировать этот предмет в историческом контексте. Такая “историза-

ция” позволила бы возвратиться от общего академического теоретизирования к конкретным фактам возникновения утопий в России» [25, с. 39].

Постановка проблемы

На фоне наблюдаемой сегодня «ностальгии по СССР» представляется целесообразным обратиться к историческому периоду, который поэт Н. Тихонов назвал «перекрёстком утопий», а американский исследователь К. Кларк – «самым утопическим десятилетием советской истории». Обращаясь к советскому прошлому, мы отдаём себе отчёт в том, что это «некая данность, которую ничто не властно изменить» [2, с. 35], а тем более вернуть. Однако прошлое способно влиять на будущее, которое содержит в себе множество альтернатив. Статья предлагает внимательнее присмотреться к дискуссиям тех лет, сопоставить их с реалиями сегодняшнего дня и, возможно, извлечь уроки для будущего. Как говорил А. де Сен-Симон, «изучение развития человеческого разума в прошлом откроет нам путь, по которому он пойдёт в будущем» [23, с. 218]. Сегодня всё чаще говорят об участии человека в конструировании желаемого будущего, о «делании» будущего (making the future), вместо пассивного его ожидания. Обращение к идейному наследию выдающихся мыслителей прошлого (В. И. Ленин, А. А. Богданов, А. К. Гастев, А. В. Чаянов) позволяет увидеть это стремление к «деланию» будущего, воплотившееся в утопических альтернативных сценари-

ях, из которых суждено было реализоваться только одному.

Как известно, утопии основываются на обломках истории, и эта «формула» настолько часто получала подтверждение, что, похоже, превратилась в абсолютную истину. Утопии – продукт кризисного развития общества, и утопическое мышление особенно активизируется в революционные периоды. Это в полном объёме продемонстрировали и Февральская, и Октябрьская революции 1917 года, которые привели к небывалому расширению пространства воображения и интенсивному утопическому творчеству. К нему оказались причастны представители самых разных политических, научных и художественных течений. Как писала К. Кларк: «Двадцатые можно назвать самым утопическим десятилетием всей советской истории. Утопическое воодушевление переживали тогда не только большевики и другие энтузиасты революции, но и многие неревolutionные интеллектуалы ...» [29, с. 7]. Все партии, все общественные силы устремились к новому «золотому веку», как будто уверовав в слова Сен-Симона: «Золотой век человечества не позади нас, а впереди, и заключается он в усовершенствовании общественного порядка; наши отцы его не видели, наши дети когда-нибудь к нему придут. Наша обязанность – проложить им путь ...» [12, с. 143]. Ленин, который, по словам Троцкого, неоднократно обещал через полгода после революции войти в «великолепное здание социализма», спустя всего три года вынужден был признать: «Мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по развёрстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабри-

кам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [18]. В этом признании – ключ к пониманию проблемы. Как утверждает М. Геллер, «главным препятствием на пути к “золотому веку” стал главный конфликт времени – столкновение города и деревни, крестьянства и партии, называвшей себя авангардом пролетариата ... Конфликт между городом и деревней был, бесспорно, конфликтом материальным, но также – идеологическим. После Октября в России столкнулись две утопии. “В одной постели оказались два сна”» [30]. «Дуэль двух утопий», возникшая задолго до Октябрьской революции, приобрела теперь «характер жёсткого поединка: кто кого? ... Патриархальная идиллия Чайнова и сатира Замятина на город-казарму не случайно возникли в это время» [24, с. 10]. Показательно, что оба эти произведения вышли в свет в 1920 году.

Пространство воображения формировало реальность, в которой мечте о прорыве в будущее крестьянской пасторали противостояли теория и практика диктатуры пролетариата, укрепления власти компартии и технократические концепции механизированного рая.

Взгляд в будущее из Кремля

Первый вопрос, который возникает, имела ли большевистская партия ясный план действий на будущее? Как утверждает Н. Н. Суханов в «Записках о революции»: «Большевики не знали, что они будут делать со своей победой и с завоёванным государством ... Большевистская партия проявила утопизм, взявшись за выполнение этих задач» [26].

Со столь категоричным утверждением вряд ли можно безоговорочно согласиться, как и с тем, что большевики «действо-

вали *против* Маркса, *против* научного социализма» [26]. Если обратиться к главному «утопическому» тексту Ленина (глава V из «Государства и революции», август-сентябрь 1917 года) [7, с. 178], то мы увидим, что он представляет собой детальнейший анализ работ К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросам, связанным с сущностью государства, отмиранием государства, характеристикой этапов становления коммунистического общества. Другое дело, что этот труд увидел свет уже после победы Октябрьской революции и его содержание к моменту переворота было неизвестно не только широкому пролетарским массам, но и многим большевистским деятелям. Но самый общий, весьма абстрактный и в целом почерпнутый из марксистских книг план у Ленина был. Если кратко суммировать, то основные его пункты можно свести к следующим: переход «капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность»; подавление сопротивления буржуазии; ликвидация армии, полиции, замена их «поголовно вооружённым народом»; «полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего»; немедленное, «с сегодня на завтра», введение рабочего контроля за производством и распределением, для чего «достаточно знания четырёх действий арифметики». Общество превратится в «один крупный синдикат», «будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы». И только на высшей фазе коммунизма строжайший контроль будет не нужен, и формальное равенство сменится фактическим. Необходимыми условиями для этого станут не только развитость материальной базы общества, но и высокий уровень созна-

тельности и дисциплины трудящихся. При этом, «какими этапами, путём каких практических мероприятий пойдёт человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем», – заключает В. И. Ленин [13].

Стало ли более чётким виденье будущего после прихода большевиков к власти? И да, и нет. С одной стороны, Ленин признаёт, что революция в России произошла не совсем «по Марксу», «иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс» [14, с. 279]. При сохранении в неизменном виде принципиально важных положений (экспроприация экспроприаторов, замена частной собственности общественной, всенародный учёт и контроль и других) образ будущего в ряде работ, и прежде всего в «Очередных задачах Советской власти», подвергается корректировке. Подчёркивается, что поскольку социализм порождён крупной машинной индустрией, а машинная индустрия требует единства воли, постольку *беспрекословное подчинение* (воле пролетарского авангарда, партии, выдающейся личности) становится необходимым.

Соответственно, существенно усиливается акцент на насилии и принуждении, главных методах управления и воздействия на массы, и сущности диктатуры пролетариата: «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов» [15, с. 196]. Насильственные меры варьируются – от «расстрела на месте» саботажников до создания специальных промышленных судов, которые будут привлекать к ответственности нарушителей «меры труда». Причём это не кратковременные меры. Ленин неоднократно указывает, что «переход от капитализма к социализму потребует долгих мук родов, *долгого* (выделено нами. – Т. П.) периода диктатуры про-

летариата» [14, с. 278], что бросает тень на «великолепное здание социализма».

Оптимальное устройство общества и государства представляется Ленину в виде сети производительно-потребительских коммун, в которые *всё* население объединяется принудительно [17, с. 74]. Каждая коммуна сама ведёт учёт производства и потребления, заботится о повышении производительности труда и снижении продолжительности рабочего дня. Через коммуны проводятся и все сделки купли-продажи, не отменяя (временно) денег. Здесь примечательно слово «временно», то есть вопрос отмены денег должен быть решён в ближайшем будущем.

Благодаря научной организации труда, в том числе применению системы Тейлора, в довольно короткий период времени можно будет решить следующую задачу: «шесть часов физической работы для каждого взрослого гражданина ежедневно и четыре часа работы по управлению государством» [16, с. 141]. Ленин специально подчёркивает необходимость «привлечения всё большего числа граждан, а затем и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством» [17, с. 74], уничтожения парламентаризма, соединения законодательной и исполнительной властей.

Одновременно предполагается «полное осуществление всеобщей трудовой повинности» сначала для представителей буржуазии и имущих классов, а затем и всех остальных слоёв общества, «универсализация учёта и контроля за всем производством и распределением продуктов», «постепенное выравнивание *всех* заработных плат во *всех* профессиях и категориях» [17, с. 75]. Вместе с тем можно видеть

определённые колебания в вопросе о равенстве труда и заработной платы. Ленин предусматривает возможность более высокой оплаты труда специалистов, поскольку своими силами наладить функционирование народного хозяйства пролетариат и крестьянство в обозримом будущем не смогут.

Наконец, совершенно в духе Платона и его последователей вождь мирового пролетариата рекомендует применять «неуклонные систематические меры к (переходу к *Massenspeisung*) замене индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей» [17, с. 75], то есть своеобразными сисситиями.

Таким был сценарий ближайшего будущего в представлении вождя Октябрьской революции, а также практического воплощения утопических идей, получившего впоследствии название «политики военного коммунизма». В утопии «военного коммунизма» – при всех отсылках к Марксу и Энгельсу – можно увидеть и «технократические цитаты» из «Промышленной системы» Сен-Симона, «Государства» Платона и «Города Солнца» Кампанеллы, трудов Фурье и Оуэна. Но доминирует здесь, несомненно, бабувизм с его идеей «насильственного коммунистического переворота, опирающегося на “бедноту”, провозглашающего диктатуру, с помощью которой подавляется сопротивление господствующих классов; это труд как повинность, суровая регламентация, грубая уравнительность и всеобщий аскетизм, плебейская подозрительность к широкому развитию духовной культуры из страха перед возникновением новой “аристократии духа”» [9, с. 73]. И даже после смены курса с «военного коммунизма» на новую экономическую политику бабувистская линия осталась господствующей в официальной утопии.

Технократические сценарии будущего

Однако наряду и параллельно с официальной утопией возникали и другие проекты. Один из наиболее интересных создал А. Богданов (Малиновский), автор литературных утопий «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1912), в которых воплощены представления автора о коммунистическом обществе, якобы существующем на Марсе. Эти произведения, переизданные после Октябрьской революции, рассматривались многими в качестве «путеводной звезды к социализму».

Мы обратимся к другим работам автора, к тем, что написаны после революции и которые сам он не считал утопиями. В них Богданов обращается к осмыслению опыта Октябрьской революции, полемизирует. Наиболее отчётливо его расхождения с идеологами официальной утопии сформулированы в письме к Луначарскому от 2 декабря 1917 года, в котором появляется термин «военный коммунизм».

Богданов пишет, что суть военного коммунизма состоит в нормировании потребления, сбыта, производства. Такие отношения характерны для армии. Эту «логику казармы, все её методы, всю её специфическую культуру и её идеал» [3, с. 353] усвоил большевизм и перенёс на общество в целом. Логика казармы «понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда»; «она знает только *паёк*», то есть усреднённую оплату труда, и в итоге она ведёт к установлению «демагогически-военной диктатуры» [3, с. 355]. Богданов полагал, что в России произошла не социалистическая, а «солдатско-коммунистическая революция», совершенно противоположная по смыслу, что происходит «сдача социализма солдатчине», «грубым шахма-

тистом Лениным, самовлюблённым актёром Троцким» [3, с. 354].

Каким же видится Богданову не военно-коммунистический, а подлинно социалистический строй?

В «Вопросах социализма» (1918) он пишет, что методами абстрактного анализа можно выяснить «лишь самые общие, но зато и главные черты социальной системы доступного нашему предвиденью будущего» [3, с. 295], причём в «условной форме». Далее крупными мазками обрисовываются контуры нового строя.

Для Богданова социализм – это строй коллективизма, базирующийся на высоко развитом машинном производстве. В будущем в руках людей окажутся мощные материальные силы, которые с необходимостью потребуют контроля всего общечеловеческого коллектива. Это «неограниченно широкие запасы энергии», «автоматически регулируемые механизмы», революционные способы связи и транспорта, благодаря которым исчезнут все препятствия для образования единого общечеловеческого коллектива [3, с. 298–299].

Трансформация средств производства неминуемо повлечёт за собой изменения в рабочей силе, потребует повышения культурного уровня работников. Появится «синтетический» тип работника, совмещающего функции организаторского и исполнительского типа. Будут преодолены техническая специализация работников, разграничение простого и квалифицированного труда. «Психологическое содержание» различных трудовых процессов будет становиться всё более однородным, поскольку функции наблюдения, контроля и управления машиною по своей сути идентичны. В таких условиях переход от одного вида деятельности к другому не будет вы-

зывать никаких затруднений и даже превратится в потребность.

Система товарищеского сотрудничества при строе коллективизма будет централизованной, сознательной и планомерной, а не авторитарной и бюрократической. Регулирование производственных процессов, обработка поступающей информации о производимой продукции, потребности в рабочей силе в различных отраслях будут осуществлять не партийные органы, а научно-статистические учреждения.

Не давая точных прогнозов относительно сроков наступления социализма, Богданов тем не менее считает возможным две стадии движения к нему: переходный к коллективизму этап и развитый коллективистский строй.

На первом этапе, когда ещё существуют паразитические классы, будут наличествовать и ограничения свободы в выборе занятий. Частная собственность ликвидируется, но сохраняется индивидуальная; распределение осуществляется пропорционально трудовому вкладу каждого и с определёнными ограничениями в силу недостаточной развитости материальной базы общества. В развитом «коллективистическом строе» труд превратится в потребность человеческого организма и выбор занятий станет свободным. Исчезнут все формы собственности, включая индивидуальную, а распределение будет происходить по принципу: «от каждого по силам, каждому по его потребности» [3, с. 304].

Заключая, Богданов даёт общую характеристику строя коллективизма: это «научно организованная система товарищеских связей, централистический коллектив, основанный на величайшей подвижности его элементов и их группировок, при высокой психической однородности трудящихся

как всесторонне развитых сознательных работников» [3, с. 304].

Наступлению такого общества, по мнению Богданова, мешает незрелость пролетариата. Пролетариат не сможет выполнить «дело социализма», если не пройдёт серьёзную организационную и культурную подготовку: «Социализм осуществится тогда, когда старому культурному миру, с его опытом тысячелетий и вполне сложившимися методами, будут противопоставлены не только политическая сила и “хозяйственный план”, а новый мир культуры, с новыми высшими методами» [3, с. 334]. А как же при капитализме, в условиях тотального господства буржуазной культуры, возникнет культура пролетарская? «Ответом на этот вопрос для А. А. Богданова стала идея Пролеткульта – особой, независимой от существующих общественных институтов организации, которая и ставит своей целью выработку пролетарской культуры» [1, с. 13].

Таким образом, можно констатировать, что в отличие от практически ориентированной на ближайшее время программы Ленина, у Богданова мы встречаем теоретизирование о будущем на манер утопистов XIX века. Несомненно, что его концепция – это «отрицание бабувистского “социализма натиска” в пользу рационального социализма Сен-Симона, достигаемого, по возможности, мирным путём» [8, с. 85]. Но это не конкретная программа действий, а почерпнутые из трудов «предшественников научного социализма» и переосмысленные в русле «всеобщей организационной науки» идеи, которые образуют утопию в форме научной теории. Здесь прослеживаются идеи Сен-Симона о промышленной системе, замене управления людьми управлением производственными процессами, едином плане и централизованном управ-

лении; закон перемены труда Фурье; теория поэтапного развития коммунистического общества Маркса и Энгельса и другие. И даже идея Пролеткульта – это, в сущности, очередная попытка решения старой как мир проблемы: обстоятельства изменяются людьми, но откуда же в плохом обществе возьмутся новые люди, способные изменить обстоятельства?

Богданову, как ведущему теоретику Пролеткульта, приходилось вести полемику с другим, более радикальным представителем этой организации – А. Гастевым. Технократическая утопия последнего полнее, чем любая другая, воплотила «первый порыв революционного энтузиазма, когда индустриализация и современная наука должны были достигнуть утопического господства над судьбой человека» [32, с. 166].

В отличие от теоретика Богданова, Гастев переносит задачу формирования пролетарской культуры в практическую область. Для него *«культура – это не грамотность и не словесность: мало ли у нас есть грамотных, учёных людей, но они беспомощны, они созерцательны, они – скептики. Современная культура, та, которую нам надо для переделки нашей страны, это прежде всего сноровка, способность обрабатывать, приспособливать, подбирать одно к другому, приплюсывать, припасовывать, способность монтировать, мастерски собирать рассыпанное и нестройное в механизмы, активные вещи»* [5, с. 44].

Для решения этой задачи Гастев в 1920 году основывает Центральный Институт Труда, а в 1921 году Лигу времени, изучает идеи Тейлора, переписывается с Фордом. Главная задача ЦИТ – это разработка модели, с которой начнётся «восстание конструкций и восстание человека» [5, с. 8–9]. По сути, речь идёт о технократической мо-

дели нового общества и человека, которая в дальнейшем будет реализована в мировом масштабе. Общественный строй для Гастева не имеет значения: индустриальное производство самопроизвольно формирует сознание пролетариата и при «сверхимпериализме», и при «мировом социализме». Причём доминирующее воздействие на пролетарское сознание и культуру оказывает не «русская современная промышленность с отсталой кацапской индустрией», а «металлургия нового света, автомобильные и аэроплан-ные фабрики Америки и Европы и, наконец, военная промышленность всего земного шара» [6, с. 44].

Пролетарская культура – дело будущего, потому что «новая индустрия и выросший на её основе быт» ещё не стали «обыденностью». Общество будущего конструируется инженерами, вооружёнными знанием законов математики и кинематики, как механизм. В нём восторжествует «голый принцип технологии», «техническое нормирование труда мало-помалу превратится в социальное», проникнет «во весь социальный быт, во весь уклад». Мир обретёт единство во всеобщей унификации и стандартизации: «Постепенно, шаг за шагом, вместо рассыпанных местных обычаев, конструируется ... экстерриториальный план рабочих часов, рабочих отдыхов, рабочих перерывов и проч. Постепенно расширяясь, нормировочные тенденции внедряются в боевые формы рабочего движения ... социальное творчество, питание, квартиры и, наконец, даже в интимную жизнь, вплоть до эстетических, умственных и даже сексуальных запросов пролетариата» [5, с. 43–44]. Как следствие «механизированного коллективизма» и «биологического реформирования человека» изменится психология и поведение пролетариата: «Уже нет человече-

ского индивидуального лица, а есть ровные, нормализованные шаги, есть лица без экспрессий, душа, лишённая лирики, эмоции, измеряемые не криком, не смехом, а манометром и таксометром» [5, с. 44–45].

Как точно подметила О. А. Павлова, «это описание мира-машины, управляемого “механизированным коллективом”, панегирическое в технократической утопии Гастева, имплицитно содержит ценностный модус негативной утопии, вследствие чего, неведомо для автора, обретает гротесковый “отсвет”» [22, с. 61]. Не случайно Е. Замятин в романе-антиутопии «Мы», спародировав идеи технократической утопии Гастева, назвал не имеющих имён жителей Единого государства «нумерами» и сравнил «первых прооперированных» с «человекообразными тракторами». «Биологически реформированный» человек Гастева воспринимается как прямой предшественник киборгов и мутантов, которые прочно «прописались» в современной массовой культуре.

В целом же сконструированный Гастевым (анти) утопический мир как нельзя лучше соответствует архетипу мегамшины, о котором писал Л. Мамфорд в книге «Миф машины»: «... Новый коллективный механизм – неважно, снаряжался он для труда или для войны – навязывал людям ту же общую регламентацию, практиковал те же способы принуждения и наказания и распределял ощутимую награду главным образом среди господствовавшего меньшинства, которое создавало и контролировало мегамашину. Кроме того, он сужал границы общественной автономии, личной инициативы и самоуправления. Каждый подогнанный под единый стандарт компонент, находившийся под чьим-то началом, был человеком лишь отчасти, выполнял лишь часть работ и жил лишь от-

части ... В идеале, обслуживающий персонал мегамшины должен состоять из людей безбрачных, лишённых всякой семейной ответственности, общинных связей и просто человеческих привязанностей ...» [20, с. 279–280].

Будущее «страны крестьянской утопии»

На фоне всеобщей или, по крайней мере, доминирующей в эти годы «одержимости» техникой несколько особняком стоит утопия А. Чайнова. В отличие от предыдущих авторов, утопизм теорий которых не был явно выражен и стал очевиден со временем, заглавие произведения «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» говорит само за себя. Перед нами ухрония, написанная в жанре путешествия во времени. Действие перенесено в «магическую» для утопизма дату – 1984 год. И это не «место, которого нет» в буквальном смысле: топонимика, лексика, имена исторических деятелей, формирующие историко-культурный контекст, явно указывают на Россию.

Нельзя сказать, что идеи технического прогресса были абсолютно чужды Чайнову: своими фантастическими метеорофорами, аэропилями, движущимися автоматами он продемонстрировал равнодушие к техническому прогрессу. Особенностью является использование достаточно редкой для эры индустриализма модели утопии-сада (Г. Гюнтер). Она как нельзя лучше соответствовала патриархально-крестьянской направленности «Путешествия». Гюнтер говорит об отличиях утопии-сада от утопии-града следующее: «Если в городской утопии в центре внимания находится общественно-государственный, технико-цивилизаторский аспекты жизни, то утопия-сад отводит это место непринуждённой семейной

жизни в кругу близких и исконной близости человека к природе» [10, с. 253]. Эти же черты мы наблюдаем и в утопии Чаянова, которая вся пропитана скрытой, а порой и явной полемикой как с «кремлёвскими мечтателями», так и с утопистами-технократами.

Со страной будущего, в которую после потери сознания, чудесным образом попадает советский функционер Алексей Кремнев, его знакомит «гостеприимный хозяин» А. А. Минин, воплощающий собой классический архетип «путеводителя», или рассказчика, присутствующий во многих утопиях. «Вы спрашиваете, – начал он, – о тех новых началах, которые внесла в нашу социальную и экономическую жизнь крестьянская власть. В сущности, нам были не нужны какие-либо *новые* начала, наша задача состояла в утверждении *старых* вековых начал, испокон веков бывших основой крестьянского хозяйства» [27, с. 182–183]. Таким образом, общество будущего представляет в своей основе реконструкцию идеальных устоев прошлого дореволюционной России.

Страна крестьянской утопии – это «сплошное сельскохозяйственное поселение». Хотя, как выясняется в дальнейшем, здесь существует многоукладность (капиталистическая, кооперативная, государственная формы собственности), но основу хозяйственного строя составляет индивидуальное крестьянское хозяйство. Именно оно, по мнению рассказчика, является самым совершенным видом хозяйственной деятельности, потому что позволяет каждому работнику непосредственно общаться с природой, чувствовать себя творцом, расти духовно и демонстрировать искусство труда.

Создание народно-хозяйственной системы, опирающейся на крестьянское хозяйство, позволило решить экономическую

проблему, а организация сельского бытия в соответствии с «высшими формами культуры» – проблему социальную. Теперь по насыщенности культурными учреждениями и интенсивности культурной жизни деревни ни в чём не уступает городу. В стране крестьянской утопии вообще преодолено «старомодное деление на деревню и город», и города с существенно уменьшенной численностью жителей превращены в «социальные узлы» сельской жизни.

В политической сфере государство и его аппарат принуждения здесь не являются единственно возможной формой власти и управления: большая часть проблем решается путём общественного обсуждения в газетах, академиях, различных обществах, клубах. Принцип разделения властей и широкая втянутость народных масс в государственное творчество обеспечивают гибкость законодательного аппарата. Государство практически лишено экономических и политических функций.

Наиболее фантастично на фоне пост-революционного, да и нынешнего состояния деревни выглядят фрагменты текста, посвящённые культуре. «Мы напрягли все усилия для создания идеальных путей сообщения, нашли средства заставить население двигаться по этим путям, хотя бы к своим местным центрам, и бросили в эти центры все элементы культуры, которыми располагали: уездный и волостной театр, уездный музей с волостными филиалами, народные университеты, спорт всех видов и форм, хоры общества, всё вплоть до церкви и политики было брошено в деревни для поднятия её культуры» [27, с. 198].

Важная роль в проводимой культурной политике отводится воспитанию. Кремнев узнаёт, что в соответствии с принятыми законами все юноши и девушки обязательно

должны путешествовать и в течение двух лет нести военно-трудовую повинность. Первое установление приобщало к мировой культуре и расширяло горизонты, а второе – приучало к дисциплине.

Завершая свой рассказ, Минин формулирует главную задачу, стоящую перед руководящей элитой: научно решить проблему искусственного отбора и организации талантливых людей, так, чтобы ни один талант не затерялся и не улетел «в царство забвения», чтобы были развиты все заложенные в человека силы. И эту задачу решают «особые общества», состоящие из «людей искусства» [27, с. 201].

На этом месте Кремнева вдруг охватывает ужас: страна крестьянской утопии на глазах превращается в антиутопию, в которой правит «утончённая олигархия ... честолюбцев», что хуже «тирании всех тираний», и где народ по-прежнему остаётся «протоматерией». Столь грустное завершение увлекательного путешествия говорит о том, что скорее всего Чаянов не нашёл ответа на главный вопрос: где гарантии, что «социальные инженеры» идеального будущего общества не окажутся очередными тиранами и всё не вернётся «на круги своя»? Не случайно произведение осталось незаконченным.

В утопии Чаянова, как и у Богданова, присутствует критическая компонента, что характерно для классической модели утопии, где конструированию и презентации общественного идеала всегда предшествует критика настоящего. Так, одной только характеристикой пролетариата, ставящей под сомнение возможность его всемирно-исторической миссии, Чаянов провёл черту между своей крестьянской утопией и официальной утопией большевиков: «Будучи наёмником, рабочий, строя

свою идеологию, ввёл наёмничество в символ веры будущего строя и создал экономическую систему, в которой все были исполнителями и только единицы обладали правом творчества» [27, с. 184].

Вместо заключения

«Возможное богаче реального. Кто лучше обществоведов может знать это? Почему же мы так боимся обсуждать возможное, анализировать и исследовать его? – задаётся вопросом И. Валлерстайн. – Нам следует поместить не утопию, но утопистику в центр обществоведческих исследований. Утопистика – это оценка возможных утопий, их ограниченности и препятствий, мешающих их воплощению. Это анализ реальных исторических альтернатив в настоящем. Это примирение поиска истины с поиском блага» [4, с. 288–289].

Поиск реальных исторических альтернатив происходит постоянно, но особенно активизируется в революционные эпохи. Послереволюционный период в России демонстрирует чрезвычайное многообразие утопических сценариев вхождения в будущее, представленных в виде политических программ, лозунгов, идеологий (Ленин); технократических утопий (Богданов, Гастев); литературных утопий (Чаянов). Ни одна из этих форм в полном объёме не соответствовала классической модели утопии с чертами изоляционизма, автаркии, ахронии, регламентации и урбанизма [28, с. 19–23]. Так, во всех теоретических построениях присутствует международный контекст (мировая революция), нет тотальной изоляции от мира. Наряду с «утопией града» имеет место «утопия сада». Но остаётся общей чертой, хотя и с разной степенью выраженности, регламентация, нормирование, «машинный» порядок.

Однотипность используемых концептов (пролетариат, классовая борьба, производство, коммуна, социализм, коллективизм, мировая революция и т.п.) свидетельствует об общности мировоззренческих установок и конечных целей, о вере в то, что светлое будущее – это коммунизм (коллективизм). Хотя для всех авторов отправной точкой теоретических построений выступает настоящее, которое позиционируется как своеобразный трамплин для «прыжка в будущее», различаются как оценки настоящего, так и представления о векторах и темпах движения к будущему, сроках достижения желаемого результата. Настоящее – политика «военного коммунизма» – расценивается либо как ситуация вынужденная, но необходимая для решения насущных экономических и политических проблем (Ленин); либо как извращающая саму суть социализма (Богданов, Чаянов). Что же касается представлений о путях и способах его достижения, то они существенно варьируются: от современного технико-технологического обеспечения и научной организации труда – до использования механизмов насилия (диктатуры пролетариата). Как справедливо заметил М. Ласки, «мыслимое и желаемое будущее никогда не бывает свободно от отмеченных кошмарами путей к его переходу» [11, с. 174].

Примечания

1. Андреев А. Л., Кузнецова Т. В. Общество, культура, политика в теоретическом наследии А. А. Богданова // *Философия и общество*. 2018. № 1. С. 5–17.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Москва : Наука, 1986. 254 с.
3. Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет. Москва : Политиздат, 1990. 479 с.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. Москва : Логос, 2003. 368 с.
5. Гастев А. Поэзия рабочего удара. Москва : Художественная литература, 1971. 304 с.
6. Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // *Пролетарская культура*. 1919. № 9–10. С. 35–45.
7. Геллер Л., Нике М. Утопия в России / пер. с фр. И. В. Булатовского. Санкт-Петербург : Гиперион, 2003. 312 с.
8. Гловели Г. Д. Три утопии Александра Богданова («Красная звезда», «Инженер Мэнни», «Тектология») // *Социокультурные утопии XX века : антология*. Выпуск 6 / составитель В. А. Чаликова. Москва : ИНИОН АН СССР, 1988. С. 71–97.

В чьих руках находится историческая инициатива? Кто является субъектом грядущих преобразований? Здесь также не найдём однозначного ответа. Если Богданов выступал за постепенное превращение всех членов общества в социальных творцов, а рабочих – в техническую интеллигенцию, то утопии Гастева и Чаянова отводят ведущую роль в социальных преобразованиях технократической либо художественной элите. Что же касается утопии «военного коммунизма», то здесь несомненна абсолютная власть партии большевиков и её лидера. Всё вышесказанное свидетельствует о неверии в способность к социальному творчеству народных масс, пролетариата, крестьянства и т.п. Впрочем, как говорил М. Ласки, «утопия – зеркало, а зеркало, как бы творчески оно ни искажало реальность, отражает только те объекты и тени, которые находятся перед ним» [11, с. 175].

Из четырёх представленных сценариев будущего реализован был тот, создатель которого умел принимать решения в ситуации неопределённости и, говоря словами Гастева, проявил способность «обрабатывать, приспособливать, подбирать одно к другому», «монтировать, мастерски собирать рассыпанное и нестройное в механизмы» [5, с. 44].

9. Горев Б. И. Элементы бабувизма и фурьеризма в социалистических идеях XIX и XX вв. // Под знаменем марксизма. 1922. № 11/12. С. 114–117.
10. Гюнтер Г. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы / сост., предисл. и общ. ред. В. А. Чаликовой. Москва : Прогресс, 1991. С. 252–277.
11. Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / сост., предисл. и общ. ред. В. А. Чаликовой. Москва : Прогресс, 1991. С. 170–210.
12. Левандовский А. П. Сен-Симон. Москва : Молодая гвардия. 1973. 304 с.
13. Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Полное собрание сочинений : в 55 томах. [5-е издание]. Москва : Издательство политической литературы, 1967. Том 33. С. 1–120.
14. Ленин В. И. Доклад о деятельности Совета народных комиссаров // Полное собрание сочинений : в 55 томах. [5-е издание]. Москва : Издательство политической литературы, 1967. Том 35. С. 261–280.
15. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений : в 55 томах. [5-е издание]. Москва : Издательство политической литературы, 1967. Том 36. С. 165–208.
16. Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полное собрание сочинений : в 55 томах. [5-е издание]. Москва : Издательство политической литературы, 1967. Том 36. С. 127–164.
17. Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП (б). Черновой набросок проекта программы // Полное собрание сочинений : в 55 томах. [5-е издание]. Москва : Издательство политической литературы, 1967. Том 36. С. 70–76.
18. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Полное собрание сочинений : в 55 томах. [5-е издание]. Москва : Издательство политической литературы, 1967. Том 44. С. 155–175.
19. Малухин В. Реквием по утопии // Знамя. 1987. № 10. С. 219–221.
20. Мамфорд Л. Миф машины : Техника и развитие человечества. Москва : Логос, 2001. 404 с.
21. Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6 (45). С. 18–23.
22. Павлова О. А. Принцип «мегамашины» в модели пролетарской культуры А. Гастева // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2017. № 3 (75). С. 55–64.
23. Сен-Симон А. Очерк науки о человеке // Утопический социализм : хрестоматия / общ. ред. А. И. Володина. Москва : Политиздат, 1982. С. 217–220.
24. Социокультурные утопии XX века : антология. Выпуск 6 / составитель В. А. Чаликова. Москва : ИНИОН АН СССР, 1988. 200 с.
25. Суслов М. Д. Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 7 (108). С. 34–41.
26. Суханов Н. Н. Записки о революции. Москва : Политиздат, 1991. 398 с.
27. Чайнов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Венецианское зеркало : повести / вступ. статья и примечания В. Б. Муравьева. Москва : Современник, 1989. С. 161–209.
28. Ainsa F. (1997) *La reconstrucción de la Utopía*. Mexico: Correo de la UNESCO : 238. (In Spanish)
29. Clark K. (1985) The City versus the Countryside in Soviet Peasant Literature of the Twenties: A Duel of Utopias. In: Gleason A., Kenez P. and Stites R. (eds.) *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington: Indiana University Press : 175–189. (In English)
30. Heller M. (1984) Утопия в советской идеологии. *Revue des études slaves*. (56/1) : 105–113.
31. Polak F. L. (1971) *Cambio y tarea persistente de la utopía*. Utopía. A. Neusüss (comp). Barral Editores. Barcelona : 185–188. (In Spanish)
32. Suvin D. (1977) *Pour une poétique de la science-fiction: Etudes en théorie et en histoire d'un genre littéraire*. Montréal : 288. (In French)

References

1. Andreev A. L., Kuznetsova T. V. Obschestvo, kul'tura, politika v teoreticheskom nasledii A. A. Bogdanova [Society, Culture and Politics in the Theoretical Heritage of A. A. Bogdanov]. *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]*. 2018, no. 1, pp. 5–17. (In Russian)
2. Bloch M. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika [Apologia of History or the Historian's Craft]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1986. 254 p. (In Russian)
3. Bogdanov A. A. *Voprosy sotsializma: raboty raznykh let [The Questions of Socialism: Works of Various Years]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1990. 479 p. (In Russian)
4. Vallersteyn I. [Wallerstein Immanuel] *Konets znakovogo mira. Sotsiologiya XXI veka [The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century]*. Moscow, Publishing House "Logos", 2003. 368 p. (In Russian)
5. Gastev A. *Poeziya rabocheho udara [Poetry of the Worker's blow]*. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1971. 304 p. (In Russian)
6. Gastev A. O tendentsiyakh proletarskoy kul'tury [About Tendency of Proletarian Culture]. *Proletarskaya kul'tura [Proletarian Culture]*. 1919, no. 9–10, pp. 35–45. (In Russian)
7. Heller L., Nike M. *Utopiya v Rossii [Utopia in Russia]*. St. Petersburg, Publishing House "Giperion", 2003. 312 p. (In Russian)
8. Gloveli G. D. Tri utopii Aleksandra Bogdanova ("Krasnaya zvezda", "Inzhener Menni", "Tektologiya") [Three Utopias by Alexander Bogdanov ("The Red Star", "Engineer Menni", "Tectology")]. In: Chalikova V. A., comp. *Sotsiokul'turnye utopii XX veka. Vypusk 6 [Sociocultural Utopias of the 20th Century. Issue 6]*. Moscow, Publishing House of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1988. Pp. 71–97. (In Russian)
9. Gorev B. I. Elementy babuvizma i fur'erizma v sotsialisticheskikh ideyakh XIX i XX vv. [Elements of Babuvism and Fourierism in the Socialist Ideas of the XIX and XX centuries]. In: *Pod znamenem marksizma [Under the Banner of Marxism]*. 1922, no. 11/12, pp. 114–117. (In Russian)
10. Gunther G. Zhanrovye problemy utopii i "Chevengur" A. Platonova [Generic Problems of Utopia and "Chevengur" by A. Platonov]. In: Chalikova V. A., comp. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie [Utopia and Utopian Thinking]*. Moscow, Progress Publishers, 1991. Pp. 252–277. (In Russian)
11. Laski M. [Lasky Melvin] Utopiya i revolyutsiya [Utopia and Revolution]. In: Chalikova V. A., comp. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie [Utopia and Utopian Thinking]*. Moscow, Progress Publishers, 1991. Pp. 170–210. (In Russian)
12. Levandovsky A. P. *Sen-Simon [Saint-Simon]*. Moscow, Publishing House "Molodaya gvardiya", 1973, 304 p. (In Russian)
13. Lenin V. I. Gosudarstvo i revolyutsiya. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii [The State and Revolution. The Marxist Theory of the State & the Tasks of the Proletariat in the Revolution]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobraniye sochineniy. V 55 tomakh, tom 33. [Complete Works. In 55 volumes, volume 33]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1967. Pp. 1–120. (In Russian)
14. Lenin V. I. Doklad o deiatel'nosti Soveta narodnykh komissarov [Report on the Activity of the Council of People's Commissars]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobraniye sochineniy. V 55 tomakh, tom 35. [Complete Works. In 55 volumes, volume 35]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1967. Pp. 261–280. (In Russian)
15. Lenin V. I. Ocherednye zadachi Sovetskoy vlasti [The Immediate Tasks of the Soviet Government]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobraniye sochineniy. V 55 tomakh, tom 36. [Complete Works. In 55 volumes, volume 36]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1967. Pp. 165–208. (In Russian)
16. Lenin V. I. Pervonachal'nyy variant stat'i "Ocherednye zadachi Sovetskoy vlasti" [The Original Version of the Article "The Immediate Tasks of the Soviet Government"]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobraniye sochineniy. V 55 tomakh, tom 36. [Complete Works. In 55 volumes, volume 36]*. Moscow, Political

- Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1967. Pp. 127–164. (In Russian)
17. Lenin V. I. Sed'moy ekstremnyy s'ezd RKP (b). Chernovoy nabrosok proekta programmy [Seventh Emergency Congress of the RCP (b). Draft of the Program]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobraniye sochineniy. V 55 tomakh, tom 36. [Complete Works. In 55 volumes, volume 36]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1967. Pp. 70–76. (In Russian)
 18. Lenin V. I. Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov [Role and Functions of the Trade Unions under the New Economic Policy]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobraniye sochineniy. V 55 tomakh, tom 44. [Complete Works. In 55 volumes, volume 44]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1967. Pp. 155–175. (In Russian)
 19. Malukhin V. Rekviev po utopii [Requiem for Utopia]. *Znamya*. 1987, no. 10, pp. 219–221. (In Russian)
 20. Mumford L. *Mif mashiny: Tekhnika i razvitiye chelovechestva [The Myth of the Machine. Technics and Human Development]*. Moscow, Publishing House "Logos", 2001. 404 p. (In Russian)
 21. Marcuze H. Konets utopii [The end of utopia]. *Logos*. 2004, no. 6 (45), pp. 18–23. (In Russian)
 22. Pavlova O. A. Printsip "megamashiny" v modeli proletarskoy kul'tury A. Gasteva [The Principle of the Megamachine in the Model of Proletarian Culture by A. Gastev]. *Economics. Right. Printing. KSEI Bulletin*. 2017, no. 3 (75), pp. 55–64. (In Russian)
 23. Sen-Simon A. Ocherk nauki o cheloveke [Essay of Human Science]. In: *Utopicheskiy sotsializm: Khrestomatiya [Utopian Socialism: Anthology]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1982. Pp. 217–220. (In Russian)
 24. Chalikova V. A., comp. *Sotsiokul'turnye utopii XX veka. Vypusk 6 [Sociocultural Utopias of the 20th Century. Issue 6]*. Moscow, Publishing House of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1988. 200 p. (In Russian)
 25. Suslov M. D. Utopiya kak predmet sovremennykh issledovaniy na Zapade i v Rossii [Utopia as a Subject of the Modern Research in the Western World and Russia]. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", Series*. 2013, no. 7 (108), pp. 34–41. (In Russian)
 26. Sukhanov N. N. *Zapiski o revolyutsii [Notes on the Revolution]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1991. 398 p. (In Russian)
 27. Chayanov A. V. Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoy utopii [My Brother Alexei's Journey into the Land of Peasant Utopia]. In: Chayanov A. V. *Venetsianskoe zerkalo: povesti [Venetian Mirror: Novels]*. Moscow, Publishing House "Sovremennik", 1989. Pp. 161–209. (In Russian)
 28. Aínsa F. (1997) *La reconstrucción de la Utopía*. Mexico: Correo de la UNESCO : 238. (In Spanish)
 29. Clark K. (1985) The City versus the Countryside in Soviet Peasant Literature of the Twenties: A Duel of Utopias. In: Gleason A., Kenez P. and Stites R. (eds.) *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington: Indiana University Press : 175–189. (In English)
 30. Heller M. (1984) Утопия в советской идеологии. *Revue des études slaves*. (56/1) : 105–113.
 31. Polak F. L. (1971) *Cambio y tarea persistente de la utopía*. Utopia. A. Neusüss (comp). Barral Editores. Barcelona : 185–188. (In Spanish)
 32. Suvin D. (1977) *Pour une poétique de la science-fiction: Etudes en théorie et en histoire d'un genre littéraire*. Montréal : 288. (In French)

*

ОТКРЫТОЕ БУДУЩЕЕ» И «НЕЗАВЕРШЁННОЕ ПРОШЛОЕ»: К ВОПРОСУ О ТЕМПОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00581
«Социокультурные стратегии формирования
позитивных образов будущего»

УДК 1:141.32

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10302

Е. В. Золотухина-Аболина, М. Б. Ингерлейб

Южный федеральный университет

Статья посвящена рассмотрению «незавершённого прошлого» как того фактора, который не даёт человеку открыться будущему и полноценно жить в настоящем. Авторы считают, что необходимо воспитание темпоральной культуры, которая помогала бы людям успешно соотноситься с модусами времени и не позволяла «застревать в прошлом». В данном тексте речь идёт прежде всего о культуре «закрытия гештальта» и умения ставить цели. Используя термин «гештальт», авторы апеллируют к методологии гештальт-терапии, которую применяют для исследования экзистенциально-философской проблемы темпоральности. В статье показано, что «незавершённое прошлое», которое мы продолжаем переживать, властно оттягивает на себя наше внимание, поглощает эмоции и энергию, не позволяет сформировать уверенность в своих действиях и поступках, воспроизводит в настоящем модель незавершённых ситуаций. Это относится как к личной человеческой истории, так и к политическим и международным отношениям. В статье выделяются главные сюжеты, связанные с «незавершённым прошлым». Это невыясненные отношения, в первую очередь обиды; нереализованные цели; чувство вины; утраченное «прекрасное прошлое», сожаление о котором не оставляет человека. Темпоральная культура может состоять во владении рядом способов «закрытия гештальта» для того, чтобы открыться будущему. Среди них как практические способы завершения прошлого (способность повиниться, отдача долгов, выяснение отношений), так и работа с сознанием – интерпретация событий, гибкая постановка жизненных целей, прощение и т.д.

Ключевые слова: темпоральная культура, модусы времени, незавершённое прошлое, открытое будущее, закрытие гештальта, целеполагание.

¹ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА ЕЛЕНА ВСЕВОЛОДОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

ZOLOTUKHINA-ABOLINA ELENA VSEVOLODOVNA – DPhil, Professor at the Department of History of Foreign and Russian Philosophy, the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, the Southern Federal University

²ИНГЕРЛЕЙБ МИХАИЛ БОРИСОВИЧ – старший преподаватель кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики Южного Федерального университета

INGERLEYB MIKHAIL BORISOVICH – Senior Lecturer at the Academy of Psychology and Educational Sciences, the Southern Federal University

e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru¹, ingerleyb@gmail.com²

© Золотухина-Аболина Е. В., Ингерлейб М. Б., 2020

Elena V. Zolotukhina-Abolina, Mikhail B. Ingerleib

Southern Federal University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Dneprovskii lane, 116, 344065, Rostov-on-Don, Russian Federation

**“OPEN FUTURE” AND “UNFINISHED PAST”:
TO THE QUESTION OF TEMPORAL CULTURE**

The article is devoted to the consideration of “unfinished past” as the factor that prevents a person from his opening up to the future and living a full life in the present. The authors believe that it is necessary to teach “temporal culture” that would help people to relate successfully to the modes of time and would not allow them to “get stuck in the past.” This text is mainly about the culture of “closing gestalt” and the ability to set goals. Using the term “gestalt”, the authors appeal to the methodology of Gestalt therapy, which is used to study the existential-philosophical problem of temporality. The article explains that the unfinished past, which we continue to experience, imperiously draws our attention to itself, absorbs emotions and energy, does not allow us to form confidence in our actions and deeds, and reproduces in the present a model of unfinished situations. This concern to both personal human history and political and international relations. The article highlights the main plots associated with the “unfinished past”. These are unclear relationships, first of all, resentment; unrealized goals; guilt; the lost “wonderful past”, regret about which does not leave a person. Temporal culture can consist of the possession of a number of methods to “close the gestalt” in order to be opened for the future. Among them, there are both practical ways of closing the past (the ability to obey, paying off debts, finding out the burdens), and working with consciousness – interpreting events, flexible setting life goals, forgiveness, etc.

Keywords: temporal culture, modes of time, unfinished past, open future, closing gestalt, goal-setting.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В., Ингерлейб М. Б. «Открытое будущее» и «незавершённое прошлое»: к вопросу о темпоральной культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 21–34. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10302

Постановка проблемы

Вопрос о «темпоральной культуре» – это вопрос об обращении со временем, который весьма скромно представлен в философско-культурологических исследованиях, и хотя психологи и психотерапевты периодически обращаются к различным темпоральным сюжетам, ни в школах, ни в вузах культуры обращения со временем никто не преподаёт и не вменяет. А между тем время – фундаментальный атрибут нашей жизни, мы живём во времени, меняемся, покидаем прошлое и открываемся будущему, в связи с этим каждая эпоха строит свои представления о том, что в Древней Греции именовали Хроносом. Однако задачей нашей статьи является не исторический обзор темпоральных моделей, а рассмотрение того,

как нам, людям актуально живущим, строить свои отношения с временными модусами. Если культура – это совокупность устоявшихся способов действовать, мыслить, переживать [4], то вполне реальна культура обращения с прошлым, настоящим и будущим, которая призвана помочь человеку жить счастливо, не путаясь во временах и не теряясь в них. Мы посмотрим, как людям, «застрявшим в прошлом», возможно избавиться от этого ненужного груза, чтобы открыться тому, что ещё не наступило.

В философской литературе теме связи времени и сознания посвящено множество исследований, начиная от феноменологической классики в лице Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, П. Рикера, продолжая отечественными феноменологами, такими

как В. Б. Мелас [8] или В. И. Молчанов [9]. Немало книг обращено к теме прошлого и памяти, за рубежом это Я. Ассман, Д. Лоуэнталь П. Хаттон, в России – В. Нуркова [10], И. Савельева и А. Полетаев [14] и другие.

Однако для нашей темы более важны работы, находящиеся на стыке культурологии, экзистенциальной философии и психологии. Так, можно упомянуть исследования американского антрополога и кросс-культурного исследователя Эдварда Холла, размышлявшего о монохромном и полихромном восприятии времени; можно вспомнить проблему структурирования времени в работах Э. Берна и, конечно, «эффект Зейгарник», прямо имеющий отношение к избранному нами сюжету. Отечественный исследователь Б. В. Зейгарник [6] ещё студенткой сделала интересное психологическое открытие, которое показывало, что *неоконченные дела запоминаются гораздо лучше, чем те, где дело было завершено и поставлена точка*. Её идеи стали одним из источников современной гештальт-терапии, которая, на наш взгляд, даёт большие возможности для формирования у людей навыков «темпоральной культуры». Наш дальнейший экзистенциально-философский анализ будет опираться на гештальт-терапевтическую методологию, идеи которой представлены в работах зачинателя и классика этого направления Ф. Перлза [12] и в отечественном варианте изложены в работах М. П. Папуша [11]. Важнейшая идея этого направления – наличие «гештальта» – законченного целостного образа, который формируется у человека на фоне мира, и часто это *образ прошлого*: «... мы ищем, – пишет Перлз, – в нынешней ситуации следы неоконченных прошлых ситуаций и, экспериментируя с новыми взглядами и новыми материалами, почерпнутыми из реального повседневного

опыта, стремимся к более полной интеграции» [12, с. 18]. Другими словами, речь идёт об интеграции самого человека, в том числе его темпоральных структур, что должно помочь сделать жизнь богаче, гармоничней, продуктивней. Обратимся же к рассмотрению того, как незавершённые образы прошлого соотносятся с настоящим и будущим, в каких ситуациях они возникают и какие социокультурные средства для обеспечения благополучного движения вперёд существуют.

Связь времён и проблема «незавершёнки»

Итак, если мы осуществляли некоторые планы, делали дела, строили отношения, переживали некие чувства, но субъективные или объективные обстоятельства помешали нам завершить начатые предприятия, то зависшие планы остались для нас «*незакрытым гештальтом*» – началом без конца, «недостроеном», непроявленной фотоплёнкой, загадкой и смутным пятном, которое продолжает тянуть нас в прошлое. Многообразие после двусмысленной фразы заставляет оглядываться назад и снова и снова вопрошать: «так что же это было?», «так как же с этим теперь поступить?», то есть окончательно сломать наш «недострой» или попытаться его достроить? Что он означает для сегодняшнего и завтрашнего дня?

1. Неоконченные дела и недопрожитые чувства, оставшиеся без ответа вопросы продолжают притягивать наше внимание, не давая сосредоточиться на настоящем и будущем. Они в огромных масштабах поглощают *эмоции и энергию*, заставляя, по выражению Д. Карнеги, «пилить опилки». «Опилки пилят» не от плохого характера, а потому, что образ ситуации остался недостроенным и человек не может спо-

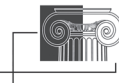

койно вздохнуть, чтобы сосредоточиться на текущих делах и планах. В предыдущих наших публикациях уже шла речь о внимании [7], и мы подчёркивали, что внимание – это всегда сугубая избирательность, это сосредоточение на чём-то одном, на том самом гештальте с проведением границы между ним и всем остальным, что делается фоном. При «незавершённом прошлом» фоном становится настоящее, а будущее вообще снимается с повестки дня, присутствует лишь как эфемерная возможность. Представьте, что вы варите борщ, и успокойтесь и прекратите хлопотать только тогда, когда посыплете сверху зелени и закроете крышку. Но всё время получается так, что борщ-то никак не доваривается, и вроде давно пора, а вы всё не можете бросить половник, и вообще возникают вопросы: борщ ли это? И верен ли был рецепт? И не вылить ли варево, чтобы завести новое? Или всё же закрыть крышку? Так чувствует себя человек, неопределённо долго сосредоточенный на своём эмоциональном и интеллектуальном «недоваренном борще»: он всё время концентрируется на протекшем процессе и, как заколдованный, возвращается к нему, стараясь, наконец, убедиться в готовности содеянного. Все силы туда уходят, перекрывая возможность полноценно прожить настоящее и заботиться о будущем.

2. Ветвящееся «дерево вариантов» возможного будущего начинается именно здесь и сейчас, в той точке и той ситуации настоящего, которые всегда являются закономерным результатом предшествующих событий и совершенных выборов. Человеческому сознанию свойственно искать опору в окружающем мире, стремиться сделать мир предсказуемым, что даёт сознанию чувство контроля над собственной жизнью и собственной судьбой. Опыт – важный компас

для построения проектов и планов, но как быть, если этот опыт смутен и не завершён, не проработан, а его оценки меняются и колеблются? «Незавершённое», «текущее» прошлое многократно увеличивает уровень неопределённости существования личности, такая ситуация делает рискованным построение планов на сколько-нибудь продолжительный период, потому что в прошлом не были получены необходимые ответы, способные стать опорой новых действий. Незавершённое прошлое делает невозможным экзистенциальный процесс определения модуса будущего.

3. Незавершённое прошлое, гипнотизирующее наше сознание, как правило, проецируется на настоящее и на будущее. Это происходит именно потому, что оно «не отработано», чёткие выводы не сделаны, и сопровождающая его тревожность опрокидывается в другие временные модусы. Результатом оказывается *повторение* прежних проблем, бессознательный их поиск в текущем времени. Человек будто притягивает к себе ситуации, похожие на его личную «незавершёнку», всё время наступает на те же грабли. Причём это в полной мере касается как личных, так и социокультурных отношений, когда, например, два народа или два государства, чьи взаимоотношения не были окончательно выяснены в прошедшей истории, вновь и вновь иницируют разбирательства по поводу своих дисгармоничных контактов, попутно заново разжигая страсти, что порой выглядит как нездоровая навязчивость. И если Э. Берн пишет в своих работах о «родительских сценариях», которые заставляют человека ходить по кругу, повторяя одни и те же ошибки, то незакрытые гештальты текущей жизни могут играть ту же разрушительную роль. А создаются они порой в результате слишком

жесткого проектирования будущего, когда человек создаёт в своей голове план предстоящих событий и думает, что обстоятельства должны складываться именно так, как он предположил, а всякий иной ход событий – это аномалия. Подобного рода проектирование – прекрасная почва для последующего его неисполнения и зависания в виде «неоконченного действия». Например, девушка планирует встретиться с прекрасным «принцем на белом коне», ищет его повсюду, но принца нет и нет, а встречаются всё обычные люди, и зависший проект, нереализованное и не отвергнутое желание может беспокоить до старости, создавая чувство несостоявшейся судьбы и незакрытой потенциальности. Нереализованный жесткий сценарий играет роль того «мёртвого», который хватает живого, не позволяя ему открыться реальным возможностям сегодняшнего дня.

Главные сюжеты

«незавершённого прошлого»

Стоит подчеркнуть, что темпоральная культура, понятая как умение обращаться с личным и социальным временем, означает способность успешно справляться и с распределением занятости в текущем настоящем, и с гибким построением планов, и с сохранением памяти о минувшем. Наше прошлое – огромная ценность, в воспоминаниях хранится и воспроизводится наша жизнь, осуществляется синтез целостности личности, поэтому ни в коем случае нельзя сказать, что само по себе прошлое является собой некую негативность. Потеря памяти о прошлом – трагическое упущение, распад темпоральной целостности. Другой вопрос, что прошлое должно быть разумно снято в настоящем, войти в него своей частью, способствующей жизни и развитию.

Вспомним гегелевское определение снятия: «Aufheben имеет в немецком языке двойной смысл: оно означает сохранить и *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*. Само сохранение уже включает в себе отрицательное в том смысле, что для того, чтобы удержать нечто, его лишают непосредственности и тем самым наличного бытия, открытого для внешних воздействий. Таким образом, снятие есть в то же время и сохранённое ...» [3, с. 168].

Прошлое снимается в настоящем, тем самым становится иным видом бытия и не довлеет как таковое, мы можем обращаться к нему произвольно, по мере собственной потребности. Так, все позитивные и эмоционально нейтральные воспоминания при желании доступны нам, и в приятное переживание прошлого вполне можно погружаться в свободные минуты. Но вот «незакрытый гештальт» догоняет нас сам, мы не свободны по отношению к нему, поэтому любая незавершённость прочитывается как тревога и несёт в себе негативную эмоциональность, в лучшем случае – ожидание и надежду, но всегда с оттенком неуверенности, тем более что «завершение ситуации» далеко не всегда принадлежит нам самим – в нём бывают задействованы и другие люди с их волей, и случайные обстоятельства, и то, что именуют «судьбой».

Каковы же основные сюжеты «незавершённого прошлого», способные существенно осложнить нам настоящее и будущее?

1. Первым пунктом стоит назвать *невьясненные отношения*, те, что оборвались без реализации и толковых объяснений или же исторически объективно миновали, но не ушли из души. В основном это *обиды*. Многие проблемы взрослых людей воспроизводят невьясненные и непонятые детские отношения с родителями или братьями и

сёстрами. Но, пожалуй, в сегодняшней ситуации, когда в семье нередко растёт один ребёнок, это прежде всего детско-родительские конфликты. И они вовсе не обязательно являются бессознательными, люди порой прекрасно понимают, что переживают свои давние обиды на родителей, и хотя сами они давно взрослые, обиды никуда не ушли и цепко их держат, заставляя сомневаться во всём: в моральности отца и матери, в собственных качествах (а заслуживаю ли я любви?), в справедливости мира. Такого рода переживания нередко также сопровождаются завистью к другим «счастливицам», у которых было хорошее детство и любящие родители. Вот и получается, что пожилая дама лет шестидесяти по-прежнему барахтается в проблемах подросткового возраста: «почему мама была со мной такой суровой?», «почему папа от нас ушёл?», и, конечно, не может получить ответа, потому что, возможно, родителей уже нет на свете. Объяснить себе самой, почему это было так – это закрыть для себя старый вопрос.

Подобное, порой многолетнее застревание в обиде характерно также для неожиданно и без объяснения прерванных любовных отношений, когда партнёр уходит без видимых для другой стороны причин. У оставленного любящего остаётся неразрешимый вопрос: «чем я был плох?», «почему меня покинули?». Поскольку покинувшая отношения сторона не даёт ответа, возникает тысяча версий – от обвинительных до самоуничижительных, и тема подобной рефлексии становится постоянной. Как правило, неуклонное возвращение к старой обиде превращается в постоянное сопровождение текущей жизни и звучит раз за разом как припев в песенке. В пределе оно превращается в «обиду на жизнь», но именно потому, что человек вовремя не остановился, чтобы

отсечь от себя неудавшийся фрагмент личной истории и продолжает тащить его за собой во всё новые взаимоотношения, отравляя их недоверием и подозрительностью.

Как мы уже отметили, феномен «незавершённого гештальта» обиды вполне характерен и для целых обществ. В современных обстоятельствах он часто разыгрывается как козырная карта в политической борьбе. Это очевидно в Соединённых Штатах Америки, когда прямо в эти дни активно используется вековая обида чернокожего населения США на белых рабовладельцев. Поскольку чернокожее население в массе является менее обеспеченным и социально более уязвимым, очень легко разжечь страсти, акцентируя то, что ситуация не исчерпана, а «белые люди» не покаются за предков и не поделились своими благами с потомками рабов. Разжигатели расового конфликта под лозунгом толерантности ловко вновь и вновь «открывают гештальт», возвращают всех к тому, что вопрос завис, не давая общественному сознанию успокоиться и искать более здоровые формы поведения, чем погромы и крушение памятников.

2. Второй типичный сюжет «незавершённого прошлого» – *недостигнутая цель*. Предположим, некто очень хотел быть художником и даже начинал учиться изобразительному искусству, но по каким-то причинам бросил и художником не стал. Тем не менее мечта продолжает его преследовать, а неисполненный проект заставляет страдать, постоянно сравнивая свою наличную жизнь с нереализованной мечтой. Здесь мы видим как раз тот случай, когда цель, представляющая собой будущее, становится тягостным моментом незавершённого прошлого. Если бы несостоявшийся художник сделался, скажем, отличным инженером, а при этом рисовал для себя, радуя родствен-

ников и друзей, то не было бы проблемы – прошлое осталось бы прошлomu, а любимое занятие органично вписалось в настоящее. Но сохранение «чистой мечты» и чувство жизненного провала (не достиг того, чего хотел!) могут отравлять существование даже вполне благополучному человеку. Нередко такие взрослые, не реализовавшие свою значимую цель, пытаются «исполнить мечту» за счёт своих детей, что приводит порой к драматическим поворотам в судьбах детей: ребёнок не обязан выполнять чужой проект, у него могут быть другие способности и иные стремления, но на него взвалена миссия «закрыть чужой гештальт» – стать жертвой чужой нереализованности.

Дело бывает совсем плохо, если поставленная в прошлом цель выступала чрезвычайно масштабной и однозначно сформулированной типа «хочу быть сверхбогачом», «хочу прославиться как гений», «хочу стать главой государства». Успех, как и счастье, часто выступает побочным продуктом осмысленной деятельности, поэтому «запланировать» большой успех нельзя – он может случиться, а может и не случиться. Избыточная амбициозность, с одной стороны, конечно, выступает как двигатель социальной активности, но, с другой стороны, приводит к эффекту «неисполненного плана», который может преследовать человека до конца дней.

3. Ещё один вид переживаний, которые продолжают влачиться за нами после того, как ситуация давно миновала, это чувство *вины*. Конечно, это мучительное, нередко невротическое чувство, с которым упорно борются психотерапевты, может быть навешанным извне, навязанным, но нередко оно коренится в нашем собственном поведении и непродуктивном отношении к прошлому. В данном случае мы говорим не об

ужасных преступниках, совершивших злодеяния против людей и человечности, не о маньяках или палачах, которых преследуют образы невинных жертв – те переживают свою вину (если переживают) с полным основанием, и никакая «темпоральная культура» не может, да и не должна им помочь. Речь идёт о вполне мирных гражданах, которые не в силах расстаться с представлением о том, что в иную пору своей жизни они стали причиной чужих, а также собственных страданий и источником зла. Их вина – реальная или мнимая – продолжает их сопровождать на новых этапах биографии, прошлое вновь и вновь воспроизводится в настоящем постоянными угрызениями совести и сожалениями, бросает тень на будущее – давняя ситуация живёт во внутреннем мире и никак не может завершиться.

Какие же темы наиболее характерны для переживания вины, которая не даёт оторваться от прошлого?

Среди таковых:

- нанесённая нами другому человеку обида, которая не была ни прощена, ни компенсирована;
- нанесённый другому человеку вред, который изменил в худшую сторону ход его жизни или, предположительно, привёл его к гибели;
- невыполненные обязательства – родственные, служебные, моральные;
- неотданные долги – финансовые, а также любые иные, вроде того «отплатил ли я добром за добро?»
- неверные личные решения, перекрывшие пути нашего собственного развития (вина перед собой).

Речь идёт, конечно, о людях совестливых, ибо у субъектов бессовестных, грутально-бесчувственных, а также легкомысленных чувство вины не выступает в ка-

честве проблемы. Но ответственность и совесть, которые, несомненно, являются прекрасными моральными качествами, когда они превосходят определённую меру, превращаются в экзистенциальный тормоз, и тогда, кроме обычной житейской сообразительности, необходима та самая темпоральная культура, которая позволяет разграничить то, что может и должно длиться, переходя в настоящее, а что следует оставить позади и успокоиться.

4. Последний в нашем размышлении, но отнюдь не последний в реальной жизни сюжет, связанный с деструктивной незавершённостью прошлого, является «хорошее прошлое», которое нас покинуло: умер любимый человек, рассыпался приятный коллектив, захирел любимый город и т.д. В этом случае переживаемая потеря – это сложное страдание, в котором прекрасное и любимое сливается с горем утраты, и такой противоречивый замес сопровождает дальнейшую жизнь, не давая дышать: строить новые отношения и радоваться новым возможностям. Верность утраченному прошлому выражается в том, что любая полноценная жизнь начинает рассматриваться как предательство по отношению к минувшему благу, и человек не живёт, а только вспоминает. Это те случаи, когда вдова всю оставшуюся жизнь ходит в чёрном, а комната погибшего ребёнка становится навсегда мемориалом.

Подобная привязанность к утраченному счастью калечит оставшегося, изгоняя смысл из его жизни. Вот почему народная мудрость, грубо, но откровенно, советует: «Не держитесь за ноги покойника». Это не означает циничного забвения, но означает продолжение полноценного существования, когда образ ушедшего дорогого человека помогает, а не мешает жить дальше,

о чём хорошо писал в своих работах психолог Ф. Василюк [2].

Темпоральная культура: как расстаться с затянувшимся прошлым?

Попробуем, следуя выделенным сюжетам «незакрытого гештальта», взглянуть на приёмы и способы, которые могут помочь человеку открыть будущее, избавившись от постоянных возвратов прошлого. Разговор о них не может быть исчерпывающим, в рамках статьи возможны лишь намётки, порой спорные и вызывающие возражения, потому что за каждым способом стоит много вопросов, прежде всего о том, как осуществить эти способы *практически*. Да к тому же для каждого выделенного сюжета они чаще всего пригодны все, но в разном объёме и очерёдности: на первый план выходят в одних случаях одни подходы, в других – другие. Тем не менее говорить о таких вопросах нужно на перекрестье культурологической, экзистенциальной, психологической и этической проблематики.

1. Невыясненные отношения и обиды

Начнём с того, что пока люди живы, отношения могут быть выяснены, причины конфликтов объяснены, а обиды взаимно прощены. Примирения возможны как между личностями, так и между народами и государствами. Если человек действительно хочет отвязаться от преследующих его негативных эмоций, он либо сознательно ищет возможность поставить все «точки над и», либо пользуется подвернувшимся случаем. Сама по себе понятность мотивов поведения другого человека как бы завершает некий цикл, закрывает сюжет «поиска правды» даже в том случае, если понятое нами не слишком нам приятно. Зато ясно. Конечно, само по себе выяснение отношений не ликвидирует обиды целиком, но может из-

менить наше мнение о человеке, возможно, мы видели его «бескорыстным и добрым», а он оказался корыстным и мелочным, так что и страдать дальше по нему вовсе незачем. Хотя бывает и наоборот, когда претензии снимаются, потому что мотивация другого была вполне благородна. Выяснение отношений ведёт к извинению и прощению, либо к полному отрицанию другого как личности, когда жалеть и вспоминать уже не о ком. Конечно, любое выяснение такого рода требует преодоления собственной гордыни и амбициозности, но зато избавляет от темпоральной привязки, при которой человек всё время возвращается к прежнему, как коза, привязанная за колышек. Что касается акта прощения, то он находится в плоскости эмоциональной жизни, поэтому даже большое количество текстов, написанных по вопросу прощения [13; 15], не даёт однозначного рецепта, ибо прощение – результат всякий раз внутренней духовной работы конкретной личности. Если обида – это преобразованный и «неотработанный» гнев, то прощение – это «отпускание другого с миром» без мести и без гнева, хотя порой именно гневное высказывание обиды саму обиду и уничтожает. Это то, чего не делает месть, которая лишь дополняет обиду злорадством. Люди нередко способны прощать и отпускать прошлое именно потому, что устыдились собственного избыточного гнева.

Если противоположная сторона категорически не желает выяснений даже через годы или если человек умер, то очень важно прояснить ситуацию для самого себя, то есть выработать точку зрения, которая «закроет гештальт». Правду всё равно узнать уже нельзя, на вопрос «что же это было?» уже никто не ответит, но живущий должен сформировать точку зрения, кото-

рая примирит его с реальностью и откроет двери в будущее. Прощение другому его проступков и промахов – это собственное спасение для увязших в дебрях прошедшего.

Разумеется, бывают драматические и неоднозначные жизненные ситуации, довольно часто используемые в сюжетах фильмов, когда, например, некто уходит на войну и не возвращается по неизвестным причинам: то ли убит, то ли пропал, а то ли разлюбил и на другой женился. И вот женщина его ждёт и не может определиться – сохранять ей вместе с ожиданием верность прошлому или «закрыть гештальт» и начать новую жизнь. Думается, подобные случаи всегда конкретны, и только сам человек может решить – посвятить ли свою судьбу мечте прошлого или построить новую жизнь с новыми отношениями.

2. Недостигнутые цели

Мы уже отметили ранее, что особенно трудно реализуются два вида целей: цели грандиозного масштаба, на пути которых встречается масса непредвиденных препятствий, и цели пусть малые, но очень жёстко обозначенные. Соответственно, темпоральная культура, служащая профилактикой последующих «незакрытых гештальтов» предполагает гибкость и вариативность целеполагания. Такую вариативность и гибкость французский автор Ф. Жюльен находит в традиционном китайском мышлении: «... мы и обнаруживаем – в Китае – такую трактовку эффективности, которая не только исключает любые планы, предписываемые обычному ходу событий, но вовсе не предусматривает поведения, руководствующегося различием средств и цели: эффективность представляется в таком случае не результатом “наложения” модели на реальную жизнь (теория составляется заранее, она должна охватить реаль-

ность, с тем чтобы впоследствии быть спроецированной на неё), а скорее результатом её «использования» (нужно извлечь пользу из потенциала, заложенного в конкретной ситуации)» [5, с. 17]. Для нас здесь особенно важно замечание о конкретной ситуации: чтобы «неисполненные цели» не застревали в голове, они не должны быть безальтернативно себе вменены и фанатично преследоваться. Когда цель естественно изменяется с ситуацией, возникают варианты поведения, новые пути, которые также способны принести жизненное удовлетворение, но предлагают осуществить его иным способом. Волевая упёртость в единственный самочинно назначенный сценарий жизни – источник последующих недовольств и «незавершённого прошлого». Поэтому гораздо полезнее сразу видеть будущее вариативным.

В то же время, как мы отмечали, «сверхцели» огромного масштаба, любые мечты о величии, оставляющие при неисполнении тяжёлый осадок личной несостоятельности, могут получать частичную компенсацию в некоем узком спектре, который выбирается из возможностей настоящего момента. «Не признанный человечеством» вполне способен получать признание семьи, дружеского круга, водить вокруг себя поклонников и тем пресекать ту незавершённость, которая осталась как оскомина от наполеоновских планов юности. Актуальная компенсация прошлой «незавершёнки» может принимать порой комические формы, когда некто, построивший утопический проект «всегда быть первым», постоянно участвует в соревнованиях, скажем, по бегу, находя такие дистанции, где у него нет соперника, поэтому он всегда оказывается на призовом месте. Конечно, это вряд ли можно отнести к «темпоральной культуре», но вполне мож-

но причислить к успешным невротическим хитростям.

3. Чувство вины

«Неоконченное прошлое» как проблема сознания, конечно же, подразумевает, что прошлую ситуацию можно завершить, достроить до целостности, установить такой баланс отношений, который снимает проблему. Значит, мы во многих случаях можем действовать, поступать, стремясь свою вину избыть, загладить, компенсировать, тогда и она отпустит нас на волю – в будущее. Самый простой и первый способ – это искреннее раскаяние в нанесённой некогда обиде, донесённое до обиженного, это то прощение, которое просим для себя мы. Дело того, кто обижен, простит он или нет, но совесть того, кто кается, будет чиста, и прошлое отступит от него. Прощения просят, когда хотят показать собственное сожаление о том, что был нанесён вред, не выполнены обязательства, нарушены договорённости, нанесены оскорбления. Если речь идёт о финансовых долгах, то их можно в той или иной форме вернуть, хотя другие виды долгов и обид часто не могут быть компенсированы деньгами. Человек, который раскаялся и попросил прощения, облегчает свою душу, отцепляет её от зацепок за прошлое, он расстаётся с негативными страстями и может уже неотягощённым двигаться по жизни дальше.

Другой вопрос, что нередко чувство вины за некогда произошедшие с кем-то события испытывают те, кто реально не мог и не может отвечать за то, что случилось. Идея «экзистенциальной вины», утверждающая, что «я отвечаю за всё», отстаивалась, конечно, выдающимися мыслителями, такими как К. Ясперс [16] и М. Бубер [1], но она делает виновность всеобщим бытийным качеством, что, несомненно, восходит

к христианскому представлению о перво-родном грехе. На самом деле, наша ответственность и наша вина всегда конкретны и зависят от того, насколько мы можем реально повлиять на события, в противном случае невиновные становятся виновными, а подлинные «авторы событий» остаются в тени, приравненные ко всем остальным. В этом смысле каждый несёт ответственность в свою меру. В реальной жизни мы нередко не можем принять решение за другого человека, определить качество его чувств и пути его души, но именно ответственность за чужие переживания и субъективные состояния активно преследует того, кто чувствует себя виновным, долгие годы: «Он (или она) страдали по моей вине». Если со стороны «виновного» не было насилия, жестокости, издевательского поведения, то гештальт должен быть сознательно закрыт. Другой имеет право на собственные чувства, даже если эти чувства для него мучительны, он сам отвечает за свою душу, так же как и за судьбоносные решения, которые лично принимает.

Но что делать с чувством вины перед собой, о котором нам нередко напоминает Э. Фромм, указывая, что мы ответственны за собственную продуктивность и собственное развитие? Как быть, если «жизнь прошла зря» и «не состоялась», а теперь, в высоком возрасте, прошлое зияет пустотой несвершённости, и несвершёность эта отравляет настоящее и будущее? Закрытием гештальта в этом случае, вероятно, может быть только старание воплотить свои силы сегодня. И если это не классическое «вырастить дерево, построить дом и родить сына», то что-то иное хорошее, что ещё можно успеть сделать, пребывая на этом свете. Печальное прошлое заканчивается, когда есть увлекательное настоящее и маня-

щее будущее и когда самореализация проходит «здесь и сейчас».

4. Потерянное счастье

Привязка к потерянному счастью, «утраченному времени» (М. Пруст) должна и не должна быть преодолена для открытия путей к будущему. Она должна быть сознательно преодолена как та сила, которая не даёт жить сегодня и всё время напоминает, что раньше «небо было синее, а сахар слаще», то есть обесценивает настоящее. Другими словами, вопрос, собственно, в отношении к настоящему, к тому, что мы переживаем сейчас, в текущий период. Именно этот наличный период, даже если он очень труден, следует одобрить как «экзистенциальную актуальность» – принять со всеми его испытаниями, потому что они тоже – наша жизнь. А прекрасное прошлое может оставаться и сохраняться в качестве той ценности, которой мы и сейчас безраздельно владеем. Прекрасное прошлое – это то, чего никто не может отнять и что на самом деле продолжает обладать определённым бытийным статусом – живёт как образ и как ценность в нашем сознании. Именно эстетизация пройденных путей и образов ушедших от нас близких, о которой говорит М. М. Бахтин, позволяет нам синтезировать прошлое, настоящее и будущее. То есть, чтобы «завершить гештальт», его надо просто поместить в настоящее в статусе предмета психологического и эстетического любования, и тогда можно, образно говоря, «носить его с собой» как нечто не утраченное, но наличное и двигаться с ним дальше по временной оси. Прежнее счастье в этом смысле нельзя «потерять», оно как неразменный пятак – всё время здесь. Не заморачиваясь научными доктринами, люди нередко продолжают не только вспоминать, но и мысленно разговаривать с дорогими

ушедшими, и это даёт им силы и пафос продолжать свой жизненный путь, о дальнейших извивах которого нам ничего неизвестно, потому что будущее всегда открыто и только предстоит.

Краткое заключение

Темпоральная культура, лишь одну из задач которой – «закрытие гештальта» – мы здесь рассмотрели, на самом деле касается в полной мере и других временных модусов. Даже в этой небольшой статье мы коснулись вопроса о характере постановки цели, но не менее актуален и сюжет эффективного и вдохновляющего проживания настоящего. Прошлое, настоящее и будущее тесно переплетены, взаимно налагаются, сливаются и перетекают друг в друга, поэтому так важны культурные установки, методы, приёмы, с помощью которых мы можем регулировать их соотношение в нашем сознании. Хочется в заключение подчеркнуть важный момент, который не был подробно обсуждён в основном тексте статьи, а содержится в нём лишь латентно, этот момент – *интерпретация*.

Обновлённое истолкование прошлого, его перепонимание, иное видение, нередко

автоматически закрывает гештальт и властно возвращает нас в настоящее, оно же прямо или косвенно указывает те пути, по которым можно двигаться дальше, рисует образы «от противного». Правда, путь радикальной интерпретации сложен и неоднозначен: Октябрьская революция 1917 года в России «закрыла гештальт» великого царского прошлого, чтобы начать «новую историю» с совсем другими принципами и целями, но события 1991 года привели к расставанию уже с «великой советской историей», и вновь вместе с водой был выплеснут ребёнок: отрицание не получилось диалектическим, и то, что стали истолковывать, как «родимые пятна социализма», сейчас обнаружилось как утраченное гуманистическое содержание. Так же и в личных отношениях: стремясь уйти от старой боли, давая новую интерпретацию пройденному, человек может отказаться от памяти о хорошем, и это будет большой экзистенциальной потерей. Поэтому выработка взвешенного подхода ко времени своей жизни и к жизни общества – важная психологическая и в полном смысле слова культуртрегерская задача.

Примечания

1. Бубер М. Вина или чувство вины? // Консультативная психология и психотерапия. 1999. Том 7. № 1. С. 59–86.
2. Василюк Ф. Е. Пережить горе // О человеческом в человеке / под. ред. И. Т. Фролова. Москва : Политиздат, 1991. С. 230–247.
3. Гегель Г.-В.-Ф. Наука логики : в 3 томах. Москва : Мысль, 1970. Том 1. 501 с.
4. Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1970. 264 с.
5. Жюльен Ф. Трактат об эффективности / пер. с фр. Б. Крушняка ; науч. ред. Н. Трубникова. Москва : Московский философский фонд ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. 236 с.
6. Зейгарник Б. В. Запоминание законченных и незаконченных действий [Электронный ресурс]. URL: <https://psychojournal.ru/books/1989-zeygarnik-b-v-zapominanie-zakonchennyh-i-nezakonchennyh-deystviy.html>
7. Золотухина-Аболина Е. В. Внимание и существование: знакомство с неизвестным и удостоверение наличного // Epistemology & Philosophy of Science. 2011. № 4. С. 161–174.
8. Мелас В. Б. Переживание и событие. Философские очерки. Санкт-Петербург : Изд-во ВВМ, 2009. 237 с.

9. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. Москва : Высшая школа, 1988. 144 с.
10. Нуркова В. В. Сверхённое продолжается: психология автобиографической памяти личности = Past Continuous: The Psychology of Autobiographical Memory. Москва : Изд-во УРАО, 2000. 315, [1] с. : ил.
11. Папуш М. П. Психотехника экзистенциального выбора. Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2001. 544 с.
12. Перлз Ф., Гудмен П. Теория гештальт-терапии. Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2004. 384 с.
13. Рикёр П. Память, история, забвение / [пер. с фр.: И. И. Блауберг и др.]. Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 725, [1] с. : ил. (Французская философия XX века) (Programme A. Rouchkine).
14. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. Москва : ГУ-ВШЭ, 2005. С. 170–220.
15. Янкевич В. Прощение // Ирония ; Прощение / пер. с фр. В. В. Большакова, Б. М. Скуратова ; послесл. В. В. Большакова, Б. М. Скуратова. Москва : Республика, 2004. 334 с. (Библиотека этической мысли).
16. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии : пер. с немецкого. Москва : Прогресс, 1999. 146 с.

References

1. Buber M. Vina ili chuvstvo viny? [Guilt or Feeling Guilt?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*. 1999, vol. 7, no. 1. pp. 59–86. (In Russian)
2. Vasilyuk F. E. Perezhit' gore [Through All That Grief]. In: Frolov I. T., ed. *O chelovecheskom v cheloveke [About Human in Human]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1991. Pp. 230–247. (In Russian)
3. Gegel G. V. F. [Hegel Georg Wilhelm Friedrich] *Nauka logiki. V 3 tomakh, tom 1 [The Science of Logic. In 3 volumes, volume 1]*. Moscow, Mysl Publishers, 1970. 501 p. (In Russian)
4. Davidovich V. E., Zhdanov Yu. A. *Sushchnost' kul'tury [The Essence of Culture]*. Rostov on Don, Publishing House of the Russian State University, 1970. 264 p. (In Russian)
5. Zhyulyen F. [Jullien François] *Traktat ob effektivnosti [Treatise on Efficiency]*. Moscow, St. Petersburg, Publishing House of the Moscow Philosophical Foundation, University Book Publishing House, 1999. 236 p. (In Russian)
6. Zeygarnik B. V. *Zapominanie zakonchennykh i nezakonchennykh deystviy [Remembering the Finished and Unfinished Actions]*. Available at: <https://psychojournal.ru/books/1989-zeygarnik-b-v-zapominanie-zakonchennykh-i-nezakonchennykh-deystviy.html> (In Russian)
7. Zolotukhina-Abolina E. V. Vnimanie i sushchestvovanie: znakomstvo s neizvestnym i udostoverenie nalichnogo [Attention and Existence: Introducing the Unknown and Verifying Cash]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2011, no 4, pp. 161–174. (In Russian)
8. Melas V. B. *Perezhivanie i sobytie. Filosofskie ocherki [Experience and event. Philosophical Essays]*. St. Petersburg, Publishing house “BBM”, 2009. 237 p. (In Russian)
9. Molchanov V. I. *Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii [Time and Consciousness. Criticism of Phenomenological Philosophy]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1988. 144 p. (In Russian)
10. Nurkova V. V. *Past Continuous: The Psychology of Autobiographical Memory*. Moscow, Publishing house of the University of the Russian Academy of Education, 2000. 315 p. (In Russian)
11. Papush M. P. *Psikhotehnika ekzistsial'nogo vybora [Psychotechnics of Existential Choice]*. Moscow, Publishing House of the Institute of General Humanities Research, 2001. 544 p. (In Russian)
12. Perls F., Gudmen P. *Teoriya geshal't-terapii [Theory of Gestalt Therapy]*. Moscow, Publishing House of the Institute of General Humanities Research, 2004. 384 p. (In Russian)

13. Riker P. [Ricoeur Paul] *Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, history, oblivion]*. Moscow, Publishing House of Humanities, 2004. 725 p. (In Russian)
14. Savelyeva I. M., Poletaev A. V. “Istoricheskaya pamiat’”: k voprosu o granitsakh ponyatiya [“Historical Memory”: on the Question of the Boundaries of the Concept]. In: Savelyeva I. M., Poletaev A. V., eds. *Fenomen proshlogo [Phenomenon of the Past]*. Moscow, Publishing House of the National Research University Higher School of Economics, 2005. Pp. 170–220. (In Russian)
15. Yankelevich V. Proshchenie [Forgiveness]. In: Yankelevich V. *Ironiya. Proshchenie [Irony; Forgiveness]*. Moscow, Publishing House “Republik”, 2004. 334 p. (In Russian)
16. Yaspers K. [Jaspers K.] *Vopros o vinovnosti. O politicheskoy otvetstvennosti Germanii [The Question of Guilt. Germany's Political Responsibility]*. Moscow, Progress Publishers, 1999. 146 p. (In Russian)

*

ВООБРАЖАЯ БУДУЩЕЕ: ПРОШЛОЕ В УТОПИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00581

УДК 008:167.5

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10303

М. А. Романенко

Южный федеральный университет

Статья посвящена изучению темпоральных модусов «прошлое» и «будущее» в контексте утопии, понимаемой как пространство реализации оптимистических предвосхищений. Автор задаётся вопросом о том, какую роль играют представления о прошлом, транслируемые памятью, в создании образа совершенного будущего, отнесённого к сфере утопического воображения. На материале классических утопий, философско-социальных идей русского авангарда, а также утопических практик первых послереволюционных лет концептуализируются три стратегии репрезентации прошлого. Стратегии преодоления, конструирования и реконструирования не только демонстрируют различные способы обращения к прошлому, но и раскрывают его потенциал по отношению к будущему, создаваемому утопией.

Ключевые слова: будущее, прошлое, утопия, память, традиция, образ будущего.

Maxim A. Romanenko

Southern Federal University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Dneprovskii lane, 116, 344065, Rostov-on-Don, Russian Federation

IMAGINING THE FUTURE: THE PAST IN UTOPIAN DIMENSION

The article deals with the study of the temporal modes “past” and “future” in the context of utopia that is understood as a space for the implementation of optimistic anticipations. The author has an issue with the role the ideas about the past transmitted by memory play in creating an image of a perfect future referred to as the sphere of utopian imagination. Three strategies of representation of the past are conceptualized based on the material as exemplified in classical utopias, philosophical and social ideas of the Russian avant-garde, as well as utopian practices of the first post-revolutionary years. Strategies for overcoming, constructing, and reconstructing not only demonstrate different attitudes to the past but also reveal its potential about the future created by utopia.

Keywords: future, past, utopia, memory, tradition, image of the future.

Для цитирования: Романенко М. А. Воображая будущее: прошлое в утопическом измерении // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 35–43. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10303

РОМАНЕНКО МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ – аспирант Института философии и социально-политических наук, ассистент Высшей школы бизнеса Южного федерального университета

ROMANENKO MAXIM ANDREEVICH – PhD student at the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Assistant Professor at the Higher School of Business, the Southern Federal University

e-mail: maks291193@gmail.com

© Романенко М. А., 2020

Политические и социокультурные трансформации побуждают общество не только действовать в настоящем, но и, с одной стороны, оглянуться на прошлое, а с другой – задаться вопросом о будущем. Ретроспективный взгляд в этом случае приводит к переосмыслению уже имеющихся образов прошлого либо же к появлению новых, когда актуализируются одни исторические факты, а другие – забываются. Такая превратность наблюдается и в отношении будущего: возникают новые прогнозы, представления и ожидания, формирующие образ будущего как в личностном, так и в социальном измерении. Именно в такие переходные моменты «происходят существенные изменения в привычном порядке сочленения прошлого, настоящего и будущего» [15, с. 183], когда делается акцент на ту или иную темпоральную модальность, что, в свою очередь, определяет «режим исторической рефлексии» – понятие, предложенное Франсуа Артогом для описания восприятия и переживания времени [2].

Отражением изменений темпоральных отношений в современной культуре является не просто отказ от линейного восприятия времени и исторического процесса, но и развитие идей их многослойности и прерывистости. В ситуации, когда история не имеет единого смысла, а характеризуется разнонаправленностью и альтернативностью множества смыслов, будущее приобретает особенное значение.

Рассмотрение представлений о будущем в контексте утопии для нас оправдано не только, и даже не столько, способностью последней производить различные сценарии будущего, сколько использовать будущее с надеждой на лучшее – как пространство реализации оптимистических предвосхищений.

В связи с этим нас интересует вопрос о связи модусов «прошлого» и «будущего» в пространстве утопии. Мы попытаемся выяснить, какую роль играют представления о прошлом, воплощаемые в памяти, в идеализированном пространстве будущего, создаваемом утопией.

На первый взгляд – с формальной точки зрения – понятия памяти и утопии кажутся противоположными и взаимоисключающими. Но за этой формальной противопоставленностью скрываются сложные диалектические отношения, выявлению которых посвящена настоящая статья.

В европейской общественной мысли изучением отношения к прошлому занимался польский исследователь утопии Ежи Шацкий. В центре внимания учёного – традиция, понимаемая им в самом общем виде «как комплекс всех связей настоящего с прошлым» [17, с. 217], которые можно выразить тремя типами отношений, представляющими собой конструкты – веберовские «идеальные типы». Под этими типами Шацкий подразумевает: «(1) “утопическое” отрицание прошлого как такового; (2) “традиционалистское” превознесение прошлого как такового; (3) романтическая апология вполне определённого прошлого, выбранного из множества возможных» [17, с. 222]. Первые два типа, по замечанию самого автора, безусловно, не существуют в своих радикальных потенциях, их, скорее, можно отнести к сфере политической мифологии. Так, освобождение от традиции оказывается лишь «иллюзией», а традиционалистское отношение к прошлому, *a priori* предполагающее выбор и обоснование из прошлого чего-то конкретного, подрывает саму суть традиции.

Российская исследовательница утопии Е. Л. Черткова, в свою очередь, заявляет,

что «историческая память, традиция – чуждые для утопии понятия» [16, с. 74]. С этим утверждением можно согласиться в том плане, что утопия с её критическим пафосом по отношению к настоящему рассматривает прошлое как негативный путь, который привёл к текущему положению, а потому и обращение к истории, принимающее разные формы – от сохранения статус-кво прошлого до провозглашения его безусловной преемственности – видится препятствием на пути создания совершенного общества. Черткова приводит пример из «Путешествия в Икарию» Этьена Кабе, где прошлое трактуется в таких категориях, как «невежество», «безумие»; оно противопоставлено идеальному устройству настоящего. Предлагалось даже «сжечь все старые книги, которые найдены были опасными или бесполезными» [8, с. 311]. Подобная враждебность к прошлому проявилась ещё на заре становления утопической традиции. Платон в «Государстве» писал: «Взяв, словно доску, государство и нравы людей, они [философы. – М. Р.] сперва очистили бы их, что совсем нелегко. Но, как ты знаешь, они с самого начала отличались бы от других тем, что не пожелали бы трогать ни частных лиц, ни государства и не стали бы вводить в государстве законы, пока не получили бы его чистым или сами не сделали бы его таким» [14, с. 306].

Вместе с тем Черткова отмечает, что функциональное значение негативизма к прошлому состоит не только в критике наличной действительности, но и в способе полагания идеала, заключающемся в видении прошлого как несовершенного. На последнем аспекте мы и хотели бы сделать акцент. Отрицание, или преодоление, тоже представляет собой форму взаимодействия: условно скажем, отрицательного взаимо-

действия¹, воплощающего диалектический закон единства и борьбы противоположностей. В результате – чем яростнее идеал устремляется в будущее, тем сильнее он порывает с настоящим и прошлым. Таким образом, абсолютный негативизм к прошлому в пространстве утопии приводит как раз к абсолютной идеализации будущего или к стремлению к абсолютному идеалу. «Свобода от прошлого открывает простор “социальной алхимии”» [16, с. 74].

Действие этого принципа можно проследить в культуре авангарда, представителям различных течений которого в России революционные события 1917 года предоставили широкий простор для утопического творчества и реализации самых смелых идей. Несмотря на всё многообразие форм и направлений художественного творчества, присущий им утопизм приобрёл программный характер [8, с. 35] и воплотился в устойчивом наборе сюжетов. Центральный сюжет – идея создания нового мира² – выражался не только в телеологической и футуристической направленности авангардистского проекта, но в свойственном ему пафосе отрицания и преодоления прошлого. Обратимся к некоторым примерам.

Супрематическая концепция Казимира Малевича – яркая иллюстрация не просто декларативного отказа от прошлого, но и демонстрация возможностей его преодоления. Эта идея у Малевича исходила из ка-

¹ Речь здесь идёт не о негативном опыте, а о «доказательстве от противного», как верно заметила Е. Черткова.

² Комплекс сюжетов и проблем (изменение роли искусства, разработка новых художественных форм и эстетических ценностей, вопросы социального характера, вопросы языка и т.д.) хоть и отличается у представителей различных авангардистских направлений, но сосредоточен так или иначе вокруг идеи нового мироздания.

тегории беспредметности, которая, будучи изначально категорией пластического смысла, была распространена на уровень мироздания, став путём к постижению абсолюта и к началу нового мира. В социальном и культурном смысле это означало стирание индивидуальных, национальных, религиозных, языковых, расовых и иных особенностей, ставших результатом исторического развития: «Как нации должны потерять все свои особенности, язык, религию, обычаи, род, расу, так и весь мир должен потерять свою особенность ... ибо только тогда произойдёт уничтожение воли отдельного “я” за счёт единства общего ...»¹.

Прологом к миру будущего в футуризме было начинание с начала, воплощённое в символике «нуля». Этот символ, претворяя смыслы нигилизма и абсолютного познания, предлагал отречение от старого и предварял новый этап в развитии культуры, созданной как бы заново, с нуля.

Как писал Малевич в одном из стихотворений в футуристический период творчества [10]:

<...>

Если что-либо в действе твоём напоминает тебе уже днейное прошлое и говорит мне голос нового рождения:

Сотри, замолчи, туши скорее, если это огонь,

Чтобы легче были подолы мысли твоих и не заржавели.

Чтобы услышать дыхание нового дня в пустыне,

Очисть слух свой и сотри старые дни ...

<...>

1913 год

¹ Малевич К. О «я» и коллективе // Альманах Уновис. № 1. Цит. по Т. В. Горячевой [6, с. 104].

Отрицание прошлого, как было отмечено Шацким, относится к сфере мифологии. Будучи мифологемой, воплощающей в себе вечные смыслы обновления и перехода, негативизм к прошлому не может рассматриваться как проявление абсолютного начала совершенного мира, который не рождается *ex nihilo*. Такая позиция позволяет разглядеть деятельное начало в других типах отношений к прошлому, не отмеченных огульным критицизмом. Необходимость понять прошлое и отнести к нему с разумной критичностью подводит нас к альтернативности как одной из характерных черт утопии, смысл которой в наличии (пусть и потенциально) иного бытия, либо ещё не наступившего, либо уже прошедшего. Это иное бытие возможно либо в будущем, при условии изменения настоящего, либо *было бы* возможно при допущении иного хода истории. Здесь любопытна идея Т. С. Паниотовой по обозначенной проблеме существования утопии в «сочлениении прошлого, настоящего и будущего»: «Утопия – это не только несостоявшаяся история (прошлое), не только мечта о невозможном (настоящее), но и *реальная возможность*, время превращения которой в действительность ещё не наступило (будущее) <...> Но в полном объёме весь свой динамизм утопия способна проявиться лишь в отношении к будущему» [13, с. 81]. В таком случае «несостоявшаяся история» представляет собой некоторые факты из прошлого, несущие в себе фрагменты совершенства, но в силу каких-то причин не ставшие историей в том смысле, что не привели к совершенному настоящему. Утопия, реализуя в этом случае право на альтернативу, борется с заданностью истории, тем самым превращая несостоявшееся прошлое в источник для утопических построений.

Такой подход Шацкий описывает с помощью механизма «социологического романтизма», который позволяет выйти за рамки дихотомии преодоления и превознесения прошлого, или, выражаясь словами Маркса, создать ситуацию, когда «в самом древнем находят самое новое» [11, с. 44], что, конечно же, открывает путь, во-первых, для вхождения прошлого в утопию, а во-вторых – для его переосмысления.

Любые утопии – утопии бегства или реконструкции¹ – связаны с неустроенностью настоящего и призваны либо уйти от такой реальности, либо же реконструировать её. Следовательно, в качестве ресурса для этого может рассматриваться и прошлое. С такой точки зрения утопия предполагает создание иного мира, в том числе *вбирающего в себя ценности прошлого*, проецируя их во времени (будущее) или/и в пространстве. Так, память как представление о прошлом даёт возможность – реальную или иллюзорную – находить решения сложившихся проблем в прошлом.

В наиболее радикальной форме подобный интерес к прошлому выражается в его превознесении. В утопической традиции это представлено мифологемой о «золотом веке», или «потерянном рае», которой присущ ностальгический оттенок как «совершенному времени». В «Трудах и днях» Гесиода мы встречаем миф о «золотом» поколении: «Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой, Горя не зная, не зная трудов» [4, с. 55]. Несмотря на то, что это идеальное время безвозвратно утрачено, мечта о его достижении продолжает существовать. Ф. Аинса выделил в описании «золо-

¹ Эту классификацию предлагает Фернандо Аинса в работе «Реконструкция утопии» [см.: 1], такую же классификацию по способу достижения идеала можно встретить и у Ежи Шацкого в работе «Утопии» [см.: 18].

того века» характерные для утопии черты: «<...> не зная ни преступлений, ни законов, ни наказаний, ни войн, люди живут счастливые и беспечные на изобильной земле. “Золотой век” не знает эволюции. Всё установлено изначально и навсегда» [1, с. 42].

В основе утопического проекта необязательно должен лежать полноценный образ какого-то совершенного прошлого, это могут быть отдельные элементы, подвергнутые идеализации. Следы такого «взгляда назад» можно выявить и в утопии Платона, и в утопии Мора. В первом случае речь идёт об улучшенной версии полиса [6, с. 140–175], во втором – о вдохновении дисциплиной монастырской жизни [19].

Выявление следов прошлого в идеальном пространстве будущего позволяет обнаружить противоречивые отношения между прошлым и будущим в утопии, составляющие в своей парадоксальности её важную фундаментальную характеристику. Так, футуристический проект Велимира Хлебникова, несмотря на устремлённость к миру будущего, тем не менее был ретроспективным. Такое сопряжение стало результатом авторской концепции времени как четвёртого измерения. Время у Хлебникова – едино и непрерывно, а прошлое, настоящее и будущее соединяются в нём как фрагменты в результате циклического развития. «Потому так легко располагаются в пространстве хлебниковской утопии архаические мифопоэтические компоненты в соседстве с техническими достижениями будущего, образуя удивительный мир», – объясняет Т. В. Горячева [5, с. 93].

Такое сочленение прошлого и будущего свойственно авангардной культуре в целом (во всём её многообразии и многоязычии), когда присущий ей «антитрадиционализм» одновременно сопровождался «тра-

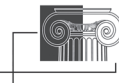
диционностью» и интересом к прошлому. Как отмечает М. Ф. Надъярных, такая ситуация была возможна благодаря принципу дополнительности, соответствующему свойственной авангарду пограничности и стремлению к «разрыву» [12]. Действие этого принципа можно проследить в коллаже как художественном приёме, популярность которого в этом случае объясняется возможностью перекодировки смыслов и ценностей прошлого в новой коммуникативной системе.

Отдельного внимания заслуживает практика обращения создателей различных проектов совершенного общества будущего к влиятельной утопической традиции, уже сложившейся в общественной мысли, когда творцы нового мира заимствуют и комбинируют классические темы и сюжеты утопии¹. Один из ярких примеров – это план монументальной пропаганды, идею которого Ленин позаимствовал у Кампанеллы. Предполагалось, как и в «Городе Солнца», с помощью выразительных надписей, барельефов и памятников (правда, вместо фресок – как было в оригинале) представить «всё достойное изучения» – объяснять лозунги марксизма и сохранять память о великих исторических событиях. Попытка создания большевиками идеального локуса, таким образом, не представлялась абсолютно новой и привходящей. Не только обращение к утопической форме, но и развитие с её помощью чувства преемственности (революционных идей, идеалов и смыслов) объясняли происходящие изменения и легитимировали новое мироустройство.

¹ В этом ключе интересна идея Ирины Каспэ об использовании классических иллюстративных канон утопии в развитии навыка утопической рецепции [см.: 9].

За интересом утопии к прошлому скрывается ситуация, при которой «взаимодействие утопии и исторической памяти может порождать специфическое невнимание к подробностям прошлого» [7]. Это связано с такими механизмами памяти, как забывание и вспоминание. «Невнимание» к подробностям И. Н. Ионов характеризует, с одной стороны, как неспособность сохранять многообразие событий прошлого, а с другой – как использование воображения для подмены или достраивания некоторых фактов прошлого. Повышение внимания к фактам прошлого следует, как отмечает Ионов, обращаясь к Мангейму, из воплощённости утопии – её постепенной историзации. «Но “историческая амнезия” не бывает полной и безусловной. Вытесняя из сознания память об отдельных событиях, она зачастую помогает при помощи спекулятивного инструментария структурировать большие группы образов прошлого, придавая уцелевшему содержанию исторической памяти более цельный и логичный характер» [7]. Таким образом, проективность в отношении будущего симметрично отражается и в прошлом, которое также оказывается спроектированным. «Утопии, – как пишет Лиман Саргент, – чётко осознают, что прошлое – это не евтопия², поэтому прошлое также должно быть изменено и помещено в более достижимое место <...> Евтопия как раз о том, как выглядело бы прошлое, если бы было правильным» [20, р. 312]. Такое понимание может отражаться либо в романтизировании прошлого, о чём мы уже говорили выше, либо в ностальгировании по нему, но в последнем случае – речь всегда о прошлом, которого и не существовало. Ностальгический образ возникает в памя-

² Прим.: евтопия – от греч. εὐτόπος – ‘хорошее место’.

ти для того, чтобы вытеснить неприятные воспоминания.

Обращение утопии к памяти при одновременной футуристичности её устремлений вновь меняет представление о традиционном сочленении модусов времени, чтобы реконструировать на основе фрагментов совершенного устройства из прошлого совершенный образ будущего.

Рассмотрев категории «прошлое» и «будущее» в контексте утопии, мы можем выделить три стратегии использования прошлого в создании образа совершенного будущего. Первая – преодоление, или отрицание, предполагающее, что через негативизм к прошлому формируется образ идеального будущего. Вторая – конструирование. В этом случае в пространстве утопии как форме альтернативного бытия активную роль выполняет память. Именно она отсылает к прошедшим со-

бытиям, которые могут сочетаться порой в противоречивых схемах, но каждое из них объясняет «неустроенность» настоящего, соединяя тем самым прошлое с идеальным будущим. Хотелось бы отметить в данном случае двустороннюю направленность такого взаимодействия: образы прошлого также подвержены конструированию в соответствии с ожидаемым идеалом. Реконструкция как третья стратегия имеет схожий механизм с конструированием. Обращение к прошлому здесь – попытка создать образ будущего на основе тех элементов идеала, которые утратили в процессе исторического развития признаки совершенства.

Становится понятно, что формирование оптимистических предвосхищений будущего не обходится без опыта прошлого, который может быть творчески реализован в пространстве утопии.

Примечания

1. Аинса Ф. Реконструкция утопии / предисл. Ф. Майора ; пер. с фр. Е. Гречаной, И. Стаф ; Российская академия наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН. Москва : Наследие, 1999. 207 с.
2. Артог Ф. Время и история // *Анналы на рубеже веков : антология* / Российская академия наук, Институт всеобщей истории ; отв. ред. А. Я. Гуревич ; сост. С. И. Лучицкая. Москва : XXI век : Согласие, 2002. С. 147–168.
3. Бобринская Е. А. Русский авангард как историко-культурный феномен // *Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.) : Теория. История. Поэтика : в 2 книгах* / [под ред. Ю. Н. Гирина]. Москва : ИМЛИ РАН, 2010. Книга 2. С. 5–65.
4. Гесиод. Труды и дни // Гесиод. Полное собрание текстов / вступительная статья В. Н. Ярхо ; комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. Москва : Лабиринт, 2001. С. 51–76.
5. Горячева Т. В. Утопии в искусстве русского авангарда: футуризм и супрематизм // *Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.) : Теория. История. Поэтика : в 2 книгах* / [под ред. Ю. Н. Гирина]. Москва : ИМЛИ РАН, 2010. Книга 2. С. 66–138.
6. Гуторов В. А. Античная социальная утопия: вопросы истории и теории. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1989. 288 с.
7. Ионов И. Н. Цивилизация и утопия: научные и гуманитарные предпосылки исторического синтеза [Электронный ресурс] // *Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория историография и практика конкретных исследований* / под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Репиной. Москва : ИВИ РАН, 2004. С. 32–38. URL: https://www.history.vuzlib.su/book_o004_page_7.html
8. Кабе Э. Путешествие в Икарию: философский и социальный роман : ч. 1–3 : в 2 томах / пер. с франц. под ред. Э. Л. Гуревича. Москва : Изд-во АН СССР, 1948. Том 1. 648 с.

9. Каспэ И. Навык утопического взгляда: на материале авторских фотографий последних десятилетий социализма // Социологическое обозрение. 2015. Том 14. № 2. С. 41–69.
10. Малевич К. Собрание сочинений : в 5 томах / общ. ред., вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. С. Шатских. Москва : Гилея, 2004. Том 5. С. 441.
11. МАРКС – ЭНГЕЛЬСУ, 25 МАРТА 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 томах. Москва : Политиздат, 1955–1981. Том 32. 1964. С. 43–46.
12. Надъярных М. Ф. Авангард и проблема традиции // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.) : Теория. История. Поэтика : в 2 книгах / [под ред. Ю. Н. Гирина]. Москва : ИМЛИ РАН, 2010. Книга 1. С. 229–265.
13. Паниотова Т. С. Утопия в пространстве диалога культур / Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 2004. 303 с.
14. Платон. Сочинения : в 3 томах : [пер. с древнегреч.]. Москва : Мысль, 1971. Т. 3 (1). 685 с.
15. Репина Л. П. «Мост из прошлого в грядущее», или Вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 181–190.
16. Черткова Е. Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.
17. Шацкий Е. Традиция. Обзор проблематики // Утопия и традиция : [пер. с польск.] / общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. Москва : Прогресс, 1990. С. 205–435.
18. Шацкий Е. Утопии // Утопия и традиция : [пер. с польск.] / общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. Москва : Прогресс, 1990. С. 15–204.
19. Duhamel P. Albert (1955) Medievalism of More's 'Utopia.' *Studies in Philology*, vol. 52, no. 2 : 99–126. (In English)
20. Sargent L. (2011) Choosing Utopia: Utopianism as an Essential Element in Political Thought and Practice. In: Moylan T., Baccolini R. (ed.) *Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming*. Oxford, Peter Lang : 301–317. (In English)

References

1. Ainsa F. Rekonstruktsiya utopii [The Reconstruction of Utopia]. Moscow, Publishing House "Nasledie", 1999, 207 p. (In Russian)
2. Artog F. [Hartog François] Vremya i istoriya [Time and History]. In: Gurevich A. Ya. (ed.) *Annaly na rubezhe vekov: antologiya [Annals at the Turn of the Centuries: An Anthology]*. Moscow, Publishing House "21st century: Soglasie", 2002. Pp. 147–168. (In Russian)
3. Bobrinskaya E. A. Russkiy avangard kak istoriko-kul'turnyy fenomen [Russian Avant-garde as a Historical and Cultural Phenomenon]. In: Girin Yu. N. (ed.) *Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poehtika. V 2 knigakh, kniga 2 [Avant-Garde in the Culture of the Twentieth Century (1900–1930): Theory. History. Poetics. In 2 volumes, volume 2]*. Moscow, Publishing house of A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Science, 2010. Pp. 5–65. (In Russian)
4. Gesiod [Hesiod]. Trudy i dni [The Works and Days]. In: Gesiod [Hesiod]. *Polnoe sobranie tekstov [Completed collection of the texts]*. Moscow, Labirint Press Publishers, 2001. Pp. 51–76. (In Russian)
5. Goryacheva T. V. Utopii v iskusstve russkogo avangarda: futurizm i suprematizm [Utopias in the Russian Avant-garde Art: Futurism and Suprematism In: Girin Yu. N. (ed.) *Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poehtika. V 2 knigakh, kniga 2 [Avant-Garde in the Culture of the Twentieth Century (1900–1930): Theory. History. Poetics. In 2 volumes, volume 2]*. Moscow, Publishing house of A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Science, 2010. Pp. 66–138. (In Russian)
6. Gutorov V. A. *Antichnaya sotsial'naya utopiya: voprosy istorii i teorii [Ancient Social Utopia: History and Theory Issues]*. Leningrad, Publishing House of the Leningrad State University, 1989. 288 p. (In Russian)
7. Ionov I. N. Tsvivilizatsiya i utopiya: nauchnye i gumanitarnye predposylki istoricheskogo sinteza [Civilization and Utopia: Scientific and Humanitarian Prerequisites for Historical Synthesis]. In: Mogilnitsky B. G., Nikolaeva I. Yu., Repina L. P., (eds.) *Mezhdistsiplinarnyy sintez v istorii i*

- sotsial'nye teorii: teoriya istoriografiya i praktika konkretnykh issledovaniy [Interdisciplinary Synthesis in History and Social Theories: Historiography Theory and Practice of Concrete Research]. Moscow, Publishing House of the Institute of General History RAS, 2004. Pp. 32–38. Available at: https://www.history.vuzlib.su/book_o004_page_7.html (In Russian)
8. Kabe E. [Cabet Étienne]. *Puteshestvie v Ikariyu: filosofskiy i sotsial'nyy roman: ch. 1–3. V 2 tomakh, tom 1* [The Voyage to Icaria: Philosophic and Social Novel: chapters 1–3. In 2 volumes, volume 1]. Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1948. 648 p. (In Russian)
 9. Kaspe I. Navyk utopicheskogo vzglyada: na materiale avtorskikh fotografiiy poslednikh desyatiletij sotsializma [The Skill of Utopian View: Based on the Material of Author's Photos of the Last Decades of Socialism]. *Russian Sociological Review*. 2015, vol. 14, no. 2, pp. 41–69. (In Russian)
 10. Malevich K. *Sobranie sochineniy. V 5 tomakh, tom 5* [Collection of Works. In 5 volumes, volume 5]. Moscow, Publishing House "Gileya", 2004. P. 441. (In Russian)
 11. MARKS – ENGEL'SU, 25 MARTA 1868 g. [Marx to Engels, March 25th, 1868]. In: Marks K., Engel's F. [Marx Karl, Engels Fridrich]. *Sochineniya. V 50 tomakh, tom 32* [Works. In 50 volumes, volume 32]. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1964. Pp. 43–46. (In Russian)
 12. Nad'yarnykh M. F. Avangard i problema traditsii [Avant-Garde and the Problem of Tradition]. In: Girin Yu. N. (ed.) *Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poehtika. V 2 knigakh, kniga 1* [Avant-Garde in the Culture of the Twentieth Century (1900–1930): Theory. History. Poetics. In 2 volumes, volume 1]. Moscow, Publishing house of A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Science, 2010. Pp. 229–265. (In Russian)
 13. Paniotova T. S. *Utopiya v prostranstve dialoga kul'tur* [Utopia in the Space of a Dialogue of Cultures]. Rostov on Don, Publishing House of the Rostov State University, 2004. 304 p. (In Russian)
 14. Platon [Plato]. *Sochineniya. V 3 tomakh, tom 3 (1)* [Works. In 3 volumes, volume 3 (1)]. Moscow, Mysl Publishers, 1971. 685 p. (In Russian)
 15. Repina L. P. "Most iz proshlogo v gryadushhee", ili Vnov' o metafore pamyati ["Bridge from the Past to the Future", or Again about the Metaphor of Memory]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. 2012, vol. 41, pp. 181–190. (In Russian)
 16. Chertkova E. L. Utopiya kak tip soznaniya [Utopia as a Type of Consciousness]. *Social Sciences and Contemporary World*. 1993, no. 3, pp. 71–81. (In Russian)
 17. Shatsky E. [Szacki Erzy] Traditsiya. Obzor problematiki [Tradition: A Survey of the Topic]. In: Shatsky E. [Szacki Erzy] *Utopiya i traditsiya* [Utopia and Tradition]. Moscow, Progress Publishers, 1990. Pp. 205–435. (In Russian)
 18. Shatsky E. [Szacki Erzy] Utopii [Utopias]. In: Shatsky E. [Szacki Erzy] *Utopiya i traditsiya* [Utopia and Tradition]. Moscow, Progress Publishers, 1990. Pp. 15–204. (In Russian)
 19. Duhamel P. Albert (1955) Medievalism of More's 'Utopia.' *Studies in Philology*, vol. 52, no. 2 : 99–126. (In English)
 20. Sargent L. (2011) Choosing Utopia: Utopianism as an Essential Element in Political Thought and Practice. In: Moylan T., Baccolini R. (ed.) *Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming*. Oxford, Peter Lang : 301–317. (In English)

*

ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА И КУЛЬТУРА: К АНАЛИЗУ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ

УДК 008

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10304

Н. В. Гусева

Международный центр методологических исследований и инновационных программ
Восточное отделение Казахстанского Философского конгресса (ВО КФК)

В статье рассматривается специфика цивилизационных процессов и цивилизационного выбора как социумных явлений. Показывается прямая связь цивилизационных процессов и цивилизационного выбора с глобальным распространением разделения деятельности, которая является основой возникновения и господства частных интересов и отчуждения. Особое внимание уделяется рассмотрению отличия культуры как процесса и культуры как результата, а также тому, что «смычка» цивилизационных форм организации общественной жизни с культурой оказывается возможной в негативной для самой культуры форме в случае функционирования её в статусе результата деятельности, а не процесса, то есть в качестве массивов статичных явлений или объектов («предметов культуры»), допускающих их внешнее использование. Подчёркивается, что культура как процесс имеет место, когда осуществляется субъектами целостной, творческой, созидательной, социально значимой деятельности. Если же она замещается системами действий ситуативного, конечного характера, то это ведёт к закреплению и усилению отчуждения и в конечном счёте к превращению человека в функционера, к утрате человеком своего Я и к деградации общества в целом, ведущей не только к гибели культуры, но и к гибели самой цивилизации.

Ключевые слова: цивилизационный процесс, цивилизационный выбор, культура как процесс, культура как результат, логика социальных процессов, целостная деятельность, разделённая деятельность, человек, системы действий, манипулятивность, замещение социальных связей социальными контактами, деградация общественных состояний.

Nina V. Guseva

International Center for Methodological Research and Innovation Programs
Eastern Branch of the Kazakhstan Philosophical Congress

THE PHENOMENON OF CIVILIZATIONAL CHOICE AND CULTURE: TOWARDS THE ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION

The article deals with the specifics of civilizational processes and civilizational choice as social phenomena. The direct connection of civilizational processes and civilizational choice with the global

ГУСЕВА НИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор философских наук, академик Международной акмеологической академии, руководитель Международного центра методологических исследований и инновационных программ, председатель Восточного отделения Казахстанского Философского конгресса (ВО КФК), г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

GUSEVA NINA VASILYEVNA – DPhil, Academician at the International Acmeological Academy, Head of the International Center for Methodological Research and Innovation Programs, Chair of the Eastern Branch of the Kazakhstan Philosophical Congress, Ust-Kamenogorsk, the Republic of Kazakhstan

e-mail: nin2905471@yandex.ru

© Гусева Н. В., 2020

spread of division of activity, which is the basis for the emergence and domination of private interests and alienation, is shown. Special attention is paid to the difference between culture as a process and culture as a result, as well as to the fact that the "link" of civilizational forms of organizing social life with culture is possible in a negative form for the culture itself if it functions as a result of activity, and not as a process, that is, as arrays of static phenomena or objects ("cultural objects") that allow their external use. It is emphasized that culture as a process takes place as the implementation of integral, creative, creative, socially significant activities by subjects. If it is replaced by systems of actions of a situational, finite nature, this leads to the consolidation and strengthening of alienation, and ultimately leads to the transformation of a person into a functionary, the loss of a person's Self and to the degradation of society as a whole, leading not only to the death of culture, but also to the death of civilization itself.

Keywords: civilizational process, civilizational choice, culture as a process, culture as a result, logic of social processes, integral activity, divided activity, person, action systems, manipulateness, substitution of social connections with social contacts, degradation of social states.

Для цитирования: Гусева Н. В. Феномен цивилизационного выбора и культура: к анализу современной ситуации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 44–51. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10304

Отделение теоретической работы
от практического исследования,
как оказалось, рождает либо пустую,
бездоказательную спекуляцию,
либо бессвязное нагромождение данных.

Дэвид Бидни [8]

Подвижность, скорость современных мировых социальных процессов делают недопустимым любое пребывание в состоянии успокоенности по поводу уже свершившихся исследований, достигнутого понимания как существующего, так и ожидаемого будущего. Это означает, что жизненно важным не только для развития науки, но и для развития самого общества, в котором наука только и может существовать и развиваться, является «движение по логике» происходящих процессов, с тем чтобы отличить её от той логики, которая могла бы привести к результатам более положительным, чем существующая. Здесь надо различать, во-первых, логику движения социальных процессов в их цивилизационной определённости, то есть как процессов социумных, и, во-вторых, логику движения социальных процес-

сов как процессов собственно культурных. Различение этих вариантов логики процессов, происходящих в обществе, основывается на различении сути, с одной стороны, цивилизации и, с другой стороны, культуры.

К различению цивилизационных и собственно культурных процессов

Цивилизация как способ организации общественной жизни (и, соответственно, цивилизационные процессы) имеет в качестве ведущих процессы *использования* того, что создано культурой и в культуре.

К цивилизационным процессам относятся процессы потребления, тиражирования, распределения, обмена, сохранения, передачи и т.п. Цивилизационные процессы имеют не созидательный, а манипулятивный статус. Ведь всякое потребление,

распределение, обмен, распространение, сохранение и т.д. не предусматривает, по существу, создания чего-либо нового, если не считать новым некое прикладное знание, в котором использование оказывается изменённым по сравнению с первоначальным или исходным вариантом.

Культура как процесс всегда есть реальная, совершаемая деятельность, созидательная, творческая, социально значимая. Социальные процессы, построенные по логике культуры, по логике целостной деятельности, всегда имеют внутри себя отношения людей, построенные по типу *связей*, а не внешних контактов, или взаимодействий.

Отметим, что взаимодействия – это такой тип отношений между двумя или более сторонами, при котором каждая из сторон остаётся без качественного изменения в процессе и после взаимодействия. Связь же, напротив, это такое отношение, при котором стороны, вступающие в неё, приобретают новые качества, то есть происходит взаимный переход черт сторон, входящих в связь. Связи, в отличие от взаимодействий, имеющих внешний характер, характеризуют глубинные процессы, ведущие к единению людей и сообществ. Здесь уместно вспомнить отличие контактов и общения. Контакты выражают модель взаимодействий, а общение – характеризует логику связей. В социальных процессах, в которых преобладает логика связей, логика общения, то есть личностно заинтересованного участия в совместной целостной деятельности, есть вполне реальные условия сохранения человеческого потенциала каждого индивида, что не допускает замены человеческого на вещное, при котором сам человек получает статус объекта, подвергаемого использованию.

Для цивилизации жизненно важным является, чтобы культура продолжала развиваться и доставлять цивилизационным процессам всё новые и новые предметы для потребления, распространения или тиражирования, сохранения, распределения, передачи и т.д.

«Смычка» между цивилизационным и собственно культурным может возникать тогда, когда, с одной стороны, имеет место цивилизационный процесс, а с другой – выступает культура как *результат*. Подчёркнём необходимость отличать культуру как процесс от культуры как результата.

Культура как результат всегда выражена в *предметах* культуры, Предметом культуры может оказаться и уже сформированное знание, текст, картина художника, музыкальное произведение, построенное здание, завод, космический корабль, разработанные метод или методика и т.д.

Предметы культуры могут ожидать два варианта «судьбы»: либо *распредмечивание*, в котором будет восстанавливаться и воспроизводиться процессуальность их создания, с их смыслами и логикой, либо они не будут распредмечиваться, а будут просто *использоваться* в качестве неких «готовых» образцов, предметов, матриц и т.п., как самостоятельные объекты, в которых вся процессуальность их становления уже угасла. Здесь под использованием опять подразумеваются отмеченные выше варианты своего рода манипуляций: потребления, тиражирования, распространения, обмена и проч. Именно этот второй вариант позволяет осуществляться смычке цивилизационного процесса с культурой в представленности её как результата уже осуществлённой деятельности.

Культура как процесс не может существовать вне целостной деятельности,

то есть вне такого её варианта, когда субъект деятельности является не формальным, а реальным, другими словами, когда он, как субъект, осуществляет деятельность, начиная от постановки цели, выбора средств до исполнения и получения результата. В случае же если деятельность осуществляется как разделённая, то есть когда один ставит цель, второй определяет средства, третий занимается её исполнительской частью, а четвёртый, или в его лице первый, получает результат и является его хозяином, – в этом случае социальные отношения будут, соответственно, «разделёнными», так как каждый из участников определённого структурно-функционального блока (либо постановки цели, либо выбора средств, либо исполнения, либо получения результата) деятельности будет носителем иного интереса, чем те, которые оказываются закреплёнными на других структурно-функциональных блоках деятельности. В этом случае «построить» в социальном процессе модель *связи*, а не внешнего контакта, внешнего взаимодействия, объективно не удастся. Маркс такую ситуацию называл господством частных интересов, господством вещных зависимостей [4; 5].

Господство вещных зависимостей на основе разделённой деятельности и атомизация индивидов трансформируют социальный процесс в процесс социумный, для которого характерна глобальная деформация смыслов человеческого бытия, человеческой нравственности, человеческого деятельностно-творческого мироотношения. Смысл человеческого бытия переходит в смысл бытия потребителя, пользователя, функционера. Смысл человеческой нравственности превращается в смысл моральной всеядности, где стираются грани дозволенного и недозволенного. Смысл дея-

тельно-творческого мироотношения трансформируется в понимание первостепенности «приватизации», захвата власти, денег, богатств, в любых их видах, и превращении человеческих отношений в формальные манипуляции с позиции силы на фоне всего захваченного.

Отделённость, самостоятельность, замкнутость на себя, атомизированность (по К. Марксу) индивидов, как носителей тех или иных мотивов или интересов, находящихся в статусе участников разделённой деятельности, приводит к отношениям противостояния, конкуренции и даже антагонизма между ними и в обществе в целом [4; 5]. Такой социальный контекст служит углублению ориентации людей на внешние, формальные параметры важных для них направлений, что существенно сужает сферу реального интереса к определению линии своей личной или социальной жизни, то есть здесь речь идёт о процессе цивилизационном. В цивилизационном процессе главным определителем линии человеческой или общественной «судьбы», принимаемых решений оказывается *выбор* – выбор из того, что уже есть, из того, что реально, объективно доступно в социуме¹.

Цивилизационные процессы как проявления разделённой деятельности

Каждый из цивилизационных процессов, осуществляемых людьми, сообществами или институтами, всегда представляет собой некие *системы действий*, которые присутствуют в той или иной точке

¹ Общество в целом, где такое положение характеризует основные массивы и объёмы существующих отношений, – такое общество не случайно получило название социум. Это общество атомизированных индивидов, господства отчуждения, господство частного интереса, который противостоит общественному интересу.

«здесь» и «сейчас». Системы действий как таковые нельзя отождествлять с деятельностью, в которой осуществляется культура как процесс, то есть их нельзя отождествлять с целостной деятельностью. Что касается разделённой деятельности, то она как раз и представлена системами действий, которые лишь внешним образом объединяются как бы в некое единое. Такое якобы единство, то есть предполагаемое единство, но реально не существующее, которое построено на формальных объединениях самостоятельных систем действий, имеющих не совпадающие между собой цели, оценку правильности выбора средств, не совпадающие с целями собственно осуществления, исполнения и т.п., – такое «единство» разрывает деятельностный процесс изнутри и порождает многочисленные проявления этого разрыва. Деятельность превращается в функциональный феномен, ни в коей мере не являющийся основой созидания культурного пространства-времени. Человек в его контексте превращается в функционера, исполнителя тех или иных частичных функций, то есть лишается подлинной субъектности. В качестве функционера человек оказывается существом, зависимым от многих внешних по отношению к его Я обстоятельств. К их числу относятся массивы характеристик, включая ориентации, имеющиеся у социальных институтов, организаций, фирм, распоряжений, принятых правил, норм и проч. Зависимость от такого множества внешних обстоятельств обуславливает для человеческого Я необходимость уходить из пространства актуального социального бытия в «серую» зону, то есть дезактуализировать свои устремления, творческие потенции в той мере, в какой они не согласуются с системно-действенным характером организации общественной жизни.

Возможность осуществления таких систем действий предполагает, что сами объекты или предметы применения, тиражирования, передачи, обмена, распределения и т.п. уже имеют статус завершённых, *статичных* образований, которым сообщается *извне* некое «движение» в виде инициирования самих этих (цивилизационных) процессов. То есть применение *уже* имеющихся объектов, тиражирование *уже* созданного, передача *уже* имеющегося, обмен, распределение и т.п. также *уже* имеющегося. При этом речь не идёт о создании этих применяемых или тиражируемых, сохраняемых или обмениваемых предметов, объектов. Функциональность и манипулятивность здесь являются первостепенными характеристиками.

Отмеченный функциональный статус цивилизационных процессов, их обусловленность *извне* (людьми, сообществами, институтами) точно так же определяет их вариативный характер. Он зависит от многих факторов, в числе которых политические, институциональные, собственно экономические и другие мотивы и интересы. Обусловленность и зависимость «судьбы» не только объектов или предметов, по отношению к которым будут совершаться цивилизационные системы действий, выбор и проч., но и характер определённых *извне*, ситуативно, *способов* применения, тиражирования, передачи, обмена, распределения и т.п., – делает всё это выражением наличия как бы произвольности и присутствия какой-то меры свободы. То есть создаёт видимость свободы совершаемого выбора, хотя и из того, что уже есть. Нахождение людей, сообществ, институтов в поле такого якобы произвольного выбора, то есть выбора из уже имеющихся тех или иных вариантов применения, тиражиро-

вания, передачи, обмена, распределения в рамках того, что выступает необходимым для них, – создаёт всякий раз ситуацию нестабильности, упования на случайность, на силы, находящиеся за пределами их человеческих или общественных возможностей, которые способны регулировать любые процессы в пользу запрашивающих эту пользу или этот исход всего происходящего.

В контексте глобального преобладания цивилизационных процессов остро стоит вопрос о возможностях развития культуры. Ситуации выбора, даже если они касаются существенных сторон общественной жизни, не характеризуют *оснований*, в ориентации на которые мог бы быть преодолён манипулятивный характер процедур, заполнивших и деформирующих социальный процесс, превращающих его в некую противоположность, *альтернативу* разворачиванию содержательных смыслов и связей, творческих, созидających общественное благо людей.

В цивилизационных процессах отработанные методы совершения выборов и принимаемых на их основе решений, не могут сами по себе обеспечить позитивного развития социальных процессов и тем самым не могут обеспечить поступательное развитие общества. Преобладание цивилизационных процессов над развитием культуры как процесса, а также процессы её «замирания» по тем или иным причинам означают, что в обществе имеют место негативные тенденции, ведущие не только к торможению, но и к серьёзному упадку в общественном состоянии и к отсутствию возможных перспектив.

Цивилизационный выбор характеризуется вычленением и взятием на вооружение среди определённых, *уже имеющихся* типов процессов тех, которые признаются веду-

щими для той или иной ситуации или задачи, соответствующими определённым группам интересов сообществ, институтов и т.д. Цивилизационный выбор в различных случаях оказывается сосредоточенным на тех или иных вариантах из названных выше (на процедурах использования или тиражирования, или сохранения, или обмена, или распространения и т.д.) или на их сочетаниях. Уточнение этих вариантов или их сочетаний связано с рассмотрением механизмов того или иного выбора в принятии решений, влиянием на них институциональных структур общества, политических, экономических и иных интересов реальных социальных групп, сил влияния и других.

Наличие или возможность самого цивилизационного выбора выражает и подтверждает присутствие в обществе *хаоса* переплетающихся, противодействующих, взаимоотрицающих и т.п. систем действий, не способных в итоге сделать общественную ситуацию и ситуацию жизни любого отдельного человека сколько-нибудь прогнозируемой, логичной, выражающей некую закономерность общественного процесса. Напротив, подтверждается и всякий раз усиливается зависимость людей, сообществ, институтов от хаотичности производимых ими же систем действий, имеющих *внешний* характер «разбивки» по мотивам и интересам. Внешний характер мотивов и интересов существующих цивилизационных систем действий обусловлен их принадлежностью либо к отдельным людям, либо к отдельным сообществам (например, корпорациям или другим), либо к отдельным институтам.

Учитывая глобальный и всё более преобладающий характер присутствия цивилизационных процессов, цивилизационный выбор всё более становится формой, пре-

тендующей на универсальность и на повсеместное участие в качестве регулятива любых процессов в обществе, как материальных, так и духовных. Претензия на универсальность в отмеченном смысле со стороны цивилизационного выбора становится постоянно действующим «механизмом» выключения из социальных процессов того, что характеризует культуру.

Речь идёт о «выключении» из социального процесса актуального присутствия ориентации людей на осуществление созидательной, творческой, сознательной, социально значимой деятельности, которая только и характеризует подлинно реальную связь человека с природой и человека с человеком. Такая деятельная связь есть выражение сущности социального процесса, но в условиях диктата логики цивилизационного выбора она постепенно утрачивается, заменяясь «логикой» манипулятивной активности, низводящей человека до статуса функционера (потребителя, распорядителя, «обменивателя» и т.д.), а социальный процесс при этом низводится до статуса технологического, в котором присутствие человека как деятеля, как творца почти не обнаруживается.

Абсолютное преобладание функциональных ориентаций, фактическое забвение человеческих начал, отказ от подлинно творческого, человеческого мироотношения (не путать с пониманием творчества как изобретения новых форм применения, тиражирования, передачи, обмена и т.д.), отказ от адекватного понимания и реальной жизни в гармонии, нравственности, красо-

те, чести, человеческом достоинстве, свободе, братстве и т.п. – всё это в глобальном плане приводит к существенной деградация человеческого, к замене его вещным, роботизированным, матричным, схематичным отношением человека к человеку, к замене человеческих ценностных ориентаций на ориентации потребительские, агрессивно-захватнические, манипулятивные [6].

Цивилизационный выбор есть один из вариантов манипуляции, построенной на непосредственно проявленных интересах усиления дальнейшей манипуляции и захватов, уходящих, по выражению Гегеля, в «дурную бесконечность». Обращение к смыслу феномена цивилизационного выбора заключается не в том, чтобы подчеркнуть, что обычно подразумевается под ним, то есть не в указании на необходимость выбора, который осуществляет каждый человек в своей повседневности. Рассмотрение феномена цивилизационного выбора имеет смысл в контексте анализа перспектив протекающих социальных процессов, что связано, как мы отмечали выше, с трансформацией их в процессы социальные, в которых происходит не только закрепление уже установившихся форм отчуждения, но и их усиление в новых и новых вариантах [7]. Абсолютизация логики цивилизационного движения и вместе с этим абсолютизация возможностей и перспектив цивилизационного выбора, логики использования всего и вся в человеческом сообществе, на которой они основываются, ведёт к обезчеловечиванию человека [2], к краху не только культуры как процесса, но и к краху самой цивилизации [1; 3].

Примечания

1. Буровский А. Облик грядущего (системное расследование будущего) : учебник для желающих выжить. Москва : АСТ ; Красноярск : АБу, 2006. 234 с.

2. Гусева Н. В. К вопросу о специфике мыслительных процессов в контексте культуры и цивилизационного выбора (подходы, тенденции, программы) // Современные проблемы развития цивилизации и культуры : сборник научных статей / под общей ред. доктора философских наук, академика Акмеологической академии Гусевой Н. В. Усть-Каменогорск, 2017. С. 38–57.
3. Кассе Э. Грядущее: восхождение или бездна? Санкт-Петербург : Вектор, 2013. 180 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Москва : Политиздат, 1988. 574 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : тома 40–50. Издание второе. Москва : Издательство политической литературы, 1975–1981. Том 42.
6. Осин Р. С. Цивилизационный дискурс как инструмент консервации отчуждения в современном обществе // Э. В. Ильенков и философия Маркса : сборник научных трудов / под общей ред. д.ф.н. Г. В. Лобастова, д.ф.н. Е. В. Мареевой, д.ф.н. Н. В. Гусевой. Усть-Каменогорск, 2018. С. 160–169.
7. Трансформации в культуре как следствия цивилизационного выбора: философско-мировоззренческие аспекты анализа / под общей ред. доктора философских наук, академика Акмеологической академии Гусевой Н. В. Усть-Каменогорск, 2018. 279 с.
8. Bidney D. (1953) *Theoretical Anthropology*. New York, Columbia University Press : 526.

References

1. Burovsky A. *Oblik gryadushchego (sistemnoe rassledovanie budushchego): uchebnyk dlya zhelayushchikh vyzhit' [The Image of the Future (Systemic Investigation of the Future): a Textbook for Those Who Want to Survive]*. Moscow, Krasnoyarsk, Ast Press Publishing House, 2006. 234 p. (In Russian)
2. Guseva N. V. К вопросу о специфике мыслительных процессов в контексте культуры и цивилизационного выбора (подходы, тенденции, программы) [To the Question of the Specifics of Thought Processes in the Context of Culture and Civilizational Choice (Approaches, Trends, Programs)]. In: Guseva N. V., ed. *Sovremennye problemy razvitiya tsivilizatsii i kul'tury [Modern Problems of the Development of Civilization and Culture]*. Ust-Kamenogorsk, 2017. Pp. 38–57. (In Russian)
3. Kasse E. *Gryadushchee: voskhozhdenie ili bezdna? [Future: Ascent or Abyss?]*. St. Petersburg, Publishing House "Vector", 2013. 180 p. (In Russian)
4. Marks K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya [German Ideology]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1988. 574 p. (In Russian)
5. Marks K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and Philosophical Manuscripts of the 1844]*. In: Marks K., Engels F. *Sochineniya: toma 40–50. Tom 42 [Works. Toma 40–50, tom 42]*. Second edition. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1975–1981. (In Russian)
6. Osin R. S. Tsivilizatsionnyy diskurs kak instrument konservatsii otchuzhdeniya v sovremennom obshchestve [Civilizational Discourse as a Tool for the Conservation of Alienation in Modern Society]. In: Lobastov G. V., Mareeva E. V., Guseva N. V., eds. *E. V. Il'yenkov i filosofiya Marksa [E. V. Ilyenkov and the Philosophy of Marx]*. Ust-Kamenogorsk, 2018. Pp. 160–169. (In Russian)
7. Guseva N. V. *Transformatsii v kul'ture kak sledstviya tsivilizatsionnogo vybora: filosofsko-mirovozzrencheskie aspekty analiza [Transformations in Culture as a Consequence of Civilizational Choice: Philosophical and Worldview Aspects of Analysis]*. Ust-Kamenogorsk, 2018. 279 p. (In Russian)
8. Bidney D. (1953) *Theoretical Anthropology*. New York, Columbia University Press : 526.

*

МЕДИАКУЛЬТУРА КАК РЕАЛИЗУЮЩЕЕСЯ БУДУЩЕЕ

УДК 008:004.9

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10305

М. В. Митрохина

Южный федеральный университет

Статья посвящена проблеме исполняющихся предсказаний футурологов о будущем медиакультуры. Автор показывает, насколько точно сбывались пророчества классиков футурологии прошлого века и каковы новые трудности, возникающие в медиапространстве. В качестве негативных особенностей современной медиакультуры, предсказанных учёными, определены фрагментарность и симуляционный характер отражения действительности в медиа, атомизация общества при информационной взаимозависимости, что связано с вопросом свободы медиа и привилегий доступа к информации. Современное медиапространство осмысливается в аспекте новофеодализма, где феодал – это информация, ассоциированная с определённым набором медиаресурсов, способствующих разделению людей в масштабах глобального общего. Альтернативные процессы сопряжены с развитием медиа в качестве виртуального орудия труда, открывающего небывалые возможности для приобщения к медиаторчеству. Разрешение этого противоречия автор увязывает с формированием свода правил цифровой безопасности личности, медиакомпетентности и признания права доступа к информации, её создания и распространения как неотчуждаемого.

Ключевые слова: медиакультура, футурология, новые медиа, социальные медиа, информационная культура, постиндустриальное общество, свободный Интернет.

Maria M. Mitrokhina

Southern Federal University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Dneprovskii lane, 116, 344065, Rostov-on-Don, Russian Federation

MEDIA CULTURE AS A REALIZABLE FUTURE

The article is devoted to the problem of fulfilling predictions of futurologists about the future of media culture. It is shown how accurately the prophecies of the classics of futurology of the last century are realized and what are the new difficulties arising in the media space. The negative features of modern media culture, predicted by scientists, such as the fragmentation and simulation nature of reality reflection in the media, the atomization of society with information interdependence, which is related to the issue of media freedom and access privileges to information, are identified. The modern media space is understood in the aspect of new feudalism, where the feud is information associated with a particular set of media resources that is conducive to the separation of people on the global scale.

МИТРОХИНА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры теории культуры, этики и эстетики
Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

MITROKHINA MARIA VLADIMIROVNA – PhD student at the Department of Theory of Culture, Ethics,
and Aesthetics, the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, the Southern Federal
University

e-mail: kioto-7@mail.ru
© Митрохина М. В., 2020

Alternative processes involved the development of media as a virtual tool providing unprecedented opportunities for engaging in media creation are discussed. The need is stressed to introduce the rulebook of digital safety for individual, to form their media competence and recognition of the right of access to information, its creation and share as inalienable.

Keywords: media culture, futurology, new media, social media, information culture, post-industrial society, free Internet.

Для цитирования: Митрохина М. В. Медиакультура как реализующееся будущее // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 52–62. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10305

Сегодня человечество встретилось с новой проблемой – с необходимостью адаптироваться к физической реальности, поскольку долгое время пребывало в преимущественно альтернативной, медийной. Поэтому опыт интенсивного использования цифровых медиа, причины высокой аттрактивности медиапространства и его потенциал в социальном проектировании, в замещении или расширении человеческих возможностей нуждаются в осмыслении. Технологии как никогда приблизились к повседневной жизни, став обыденными и естественными, насколько это возможно. Однако последствия таких изменений для природы человека, его мировосприятия и поведения только придётся оценить. Что нового в образ жизни привнесли компьютерные медиа, каким позитивным и негативным трансформациям подверглась культура, как действовать в условиях трудностей, спровоцированных информацией и виртуальной средой? Чтобы найти ответы на эти вопросы, обратимся к исследованиям, очертившим тенденции развития медиапространства.

Будущее медиакультуры у классиков футурологии

Концепция постиндустриального общества, в котором преобладает экономика знаний, сфера высокотехнологичных услуг и конкуренция, получила научное признание

после работ известного социолога и публициста Дэниела Белла [1, с. 330–342]. Среди основных особенностей этой стадии цивилизационного развития он назвал внедрение систем массовой коммуникации, базирующихся на высоких технологиях, и компьютеризацию, позволяющую эффективно хранить и обрабатывать информацию. Теле- и радиопродукция, по мнению автора, должна уступить место компьютерной и в конечном счёте раствориться в ней, так как произойдёт повсеместная цифровизация. В виртуальный формат перейдут разнообразные услуги – банковские, образовательные, медицинские. Личное посещение различных организаций приобретёт необязательный характер, поскольку многое возможно будет осуществить дистанционно. Проблемными областями для общества постиндустриальной фазы, как полагал Белл, будут являться вопросы регулирования свободы цифрового пространства, привилегий обладания информацией и разобщённость людей.

Спрогнозированные исследователем перемены мы можем наблюдать в качестве наличествующих атрибутов современной культуры, в основе своей медийной. Она опирается на новые медиа, как раз сформировавшиеся с помощью компьютерных технологий. Новые медиа, или способы коммуникации между людьми в цифровом фор-

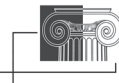

мате, вытеснили старые – печатные газеты и журналы, аналоговые телевидение и радио, которые впоследствии адаптировались к диджитал-среде, создав в Интернете свои площадки. Онлайн-банкинг, дистанционное обучение и виртуальный осмотр врача вошли в обиход, особенно в свете последних событий. Свобода Всемирной сети и слова в социальных сетях, цифровые войны и фейки – действительно наиболее трепещущие проблемы сегодня. Когда представления о чём-либо и, собственно, картина мира оказались в прямой зависимости от интерпретации и презентации личностей и событий в медиа, манипулировать этим стало легко с помощью аудиовизуального контента, кажущегося похожим на реальность. Правду приходится искать в многообразии точек зрения и отсутствии авторитетов, в альтернативных каналах получения информации. Атомизация общества, изолированность людей вопреки цифровой близости, рост недоверия и гражданского пессимизма – оборотная сторона постиндустриального периода, о чём также предупреждал Белл.

Элвин Тоффлер, видный социолог и футуролог, обозначил вышеописанную стадию социального развития собственным термином – «третья волна» [7, с. 114–120]. Атомизация, индивидуализация и фрагментация, согласно идеям исследователя, осуществляются не только в обществе, но и в распространении информации. Средства массовой коммуникации уступят место «немассовым», большие медиамонопольи затмятся частными и мелкими, где важным аспектом их популярности будет выступать ориентированность на узкие и специфические темы, местные новости и видеоконтент. Аналоговые медиа потеряют свою аудиторию из-за цифровых высокоскоростных вариантов передачи информации. Медиа поспособству-

ют разделению потребителей на группы с отличными чертами, важными для успешной подачи информации. И это деление, по мнению Тоффлера, повлияет на схематизм восприятия человека, сделав его «клиповым», способным обрабатывать разрозненные фрагменты. Сообщение, организованное в формате клипа, образно несёт информацию о чём-либо, которая не является полной, а демонстрирует лишь какую-то часть и пример её презентации. Другими словами, новые медиа потребуют от человека компетенций по отбору таких «клипов», по выстраиванию своей точки зрения и представлений о мире из объёма противоречивых фактов. Клиповая культура, как считал автор, будет конфликтовать с предыдущей парадигмой, в рамках которой царили «великие нарративы», если использовать понятие Жана-Франсуа Лиотара [5, с. 93–94], или последовательное изложение идеи с присутствием вложенных в повествование «готовых» смыслов, доступных для считывания.

Перечисленные Тоффлером характеристики постиндустриального общества перекликаются с воззрениями Белла и с нашей сегодняшней практикой. С каждым днём любительская журналистика, блоггерство и просто сообщения очевидцев в соцсетях выходят на первый план в информационном поле, занимают место авторитетных источников, используются в качестве доказательств и обвинений. Они заменили телевидение и печатные СМИ для сетевого поколения, во многом обнажив идеологизацию и коммерческую ориентированность последних. Таргетинг и выделение целевой аудитории потенциальных потребителей контента – центральный принцип распространения знаний о частных каналах генерирования информации и продвижения мультимедийной продукции на се-

годня. Плюрализм мнений и оценок, множество авторских обзоров и комментариев об одном и том же событии, вариативность формата подачи факта от текста до анимации, видов виртуальных ресурсов для потребителя с любыми характеристиками (детей, домохозяек, трансгендеров и т.д.) – результаты демассификации медиа, которую предугадал Тоффлер. В этих условиях конфликт поколений – молодого, привыкшего воспринимать большие объёмы разномодальной информации «по верхам» и собирать видение мира как мозаику, и старшего, склонного ожидать от медиа предоставления правдоподобной и исчерпывающей картины с явной точкой зрения, которую не нужно достраивать, – выражается отчётливо в отличиях ценностей, предпочитаемого образа жизни, гражданской позиции, включённости в медиакультуру и готовности впитывать новации. Демассификация происходит и на общемировом уровне – мы наблюдаем, как ранее важные и авторитетные объединения, возникшие для решения глобальных проблем после Второй мировой войны, вроде Европейского союза и Всемирной организации здравоохранения, начинают постепенно распадаться и терять свой голос, так как не во всех случаях оказываются способными выполнять заложенные в них функции, в особенности – относительно локальных проблем.

Ёнэдзи Масуда, другой теоретик информационного общества и футуролог, говорил о наступлении изменений человеческой «природы» в соответствии с постиндустриальной фазой [6, с. 330–344]. Человек понимающий, или *Homo intellegens*, который обладает определёнными знаниями и умениями по генерированию той или иной информации, понятой в широком смысле, станет неотъемлемой частью сообщества, её

производящего. Однако не только производство, но и различные социальные сферы, по мнению исследователя, подвергнутся информатизации и повышению требований к интеллектуальной подготовке субъекта, желающего успешно интегрироваться. Информация как универсальный ресурс приведёт к интенсификации размытия границ и глобализации, поскольку сама не имеет этнонациональных характеристик. Как предполагал Масуда, данные трансформации должны были осуществиться к 2000 году.

Безусловно, с новым тысячелетним рубежом связывалось множество кардинальных сдвигов в образе жизни, на чём сказывались традиции миллениаризма. Если оглянуться на начало XXI века, предсказания Масуды к тому моменту начали воплощаться: запустилась компьютеризация различных сфер общества – от образования до медицины, глобализационные процессы захватили в том числе постсоветское пространство, стал зарождаться информационный рынок. Но производство информации и наукоёмких технологий вышло в авангард мировой экономики немного позже, что было обусловлено неравномерностью развития разных культур и формированием спроса. Исчезновение безработицы и других социальных зол, о чём оптимистично рассуждал исследователь, к сожалению, пока не произошло – напротив, вытеснение ручного труда машинным образовало новую прослойку потерявших рабочие места специалистов. При этом люди, обладающие знаниями в области IT-технологий и производства контента, на данный момент наиболее востребованы. Успешность социализации теперь зависит от возможности включиться в общемировое информационное пространство, для чего требуются навыки взаимодействия с медиа.

Юрген Хабермас, философ и социолог, разработав концепцию публичной сферы, предположил, что в зрелом демократическом обществе информация будет циркулировать в качестве капитала [8, с. 110–138]. На её основе сформируется тесная связь между людьми, где частное уступит место общественному, у человека появится больше возможностей для непосредственного участия в политической жизни. К чертам публичной сферы, сконструированной с помощью медиа, автор отнёс возможность не ангажированного идеологией обсуждения вопросов и критики действий власти, свободу акторов коммуникации, лидеров мнений от коммерческой выгоды и государственного управления. При этом «побочными эффектами» доступности публичной сферы для субъективного мнения будет являться смещение ракурса в сторону частных интересов и прав меньшинства, распространение PR-технологий, позволяющих выступать под эгидой утопических идей всеобщего благосостояния, прикрывая ими истинные цели. Также Хабермас подметил, что классические медиа транслируют идеологизированную государством и заказанную рекламодателями информацию, носящую в основном развлекательный характер, где от потребителя требуется лишь пассивное некритическое восприятие.

И здесь мы снова сталкиваемся с самоисполняющимися пророчествами в социальной реальности. Публичная сфера сегодня действительно работает двояко: с одной стороны, присутствует доля свободных цифровых медиа, демонстрирующих отличную от главенствующей в крупных монополистических медиа позицию, но, с другой, они становятся заметными благодаря рекламе и вынуждены включать коммерческий контент в своё творчество. Выска-

зывать оппозиционные и контркультурные идеи не так просто и сейчас, поскольку государства оказывают давление на частный сектор медиапространства, распространяют действие законов на глобализированную виртуальную среду и привлекают к ответственности за лайки и репосты. Вопрос свободы Интернета и законодательного регулирования коммуникации в нём продолжает обсуждаться. Интересы меньшинства всё более влияют на общественный дискурс, что особенно заметно в западной культуре. Проблемы, связанные с этнической и расовой, гендерной и сексуальной идентичностями, не исчезают в достаточной мере, казалось бы, мультикультурном и либеральном пространстве. Однако борьба за права и свободы малых групп оборачивается угнетением условных «угнетателей» и требованием привилегий, мир окрашивается в бинарные оппозиции плохих и хороших, в своих и чужих, где от производителей медиаконтента или просто владельцев интернет-страниц требуется соблюдать обозначенные рамки и учитывать контекста, а большинство, живущее «патриархальными пережитками», ограничивается и испытывает чувство вины за несовершенные символические преступления. Ведь в почти что любом высказывании может быть найден затрагивающий чувства того или иного объединения компонент.

Мануэль Кастельс, один из признанных классиков теории информационного общества, в начале XXI века обозначил траекторию развития его структуры – в сторону сетевизации [3, с. 314–353]. Коммуникация между людьми, социальными сферами и институтами предстаёт в форме сети и осуществляется с помощью информации, выступающей ключевым ресурсом. Поэтому системы её сбора, хранения и передачи

– медиа – занимают в такой культуре важнейшее место. Ведь с их помощью формируется диалог между разными участниками социальных отношений, а также – мировоззрение, проекции персоналий и событий, иерархия значимости того или иного факта. В условиях сетевого общества как никогда ранее люди оказываются связанными друг с другом, и эта идея согласуется с концепцией Хабермаса. Но сконструированная медиасреда не является точной копией реальности, а скорее наполнена симулякрами [2, с. 23], часто – эмоционально насыщенными образами, из-за чего способна отвлекать воспринимающего субъекта от действительных проблем, что подчёркивал Кастельс. О насущных вопросах же напоминают очевидцы, интернет-активисты, которые действуют в рамках виртуальных сетевых сообществ. По мнению исследователя, именно в социальных сетях создаётся гражданское общество.

Ничто в медиапространстве не проходит бесследно: о событиях в разных точках мира мы узнаём одновременно с местными жителями, а любое высказывание в Интернете в одночасье способно изменить повестку дня или повлиять на мировые отношения. Так, сообщения политиков в Twitter расцениваются как официальные заявления и включают эффект домино, когда различные общественные деятели других стран поочерёдно отвечают на него. Социальные сети на сегодня являются наиболее востребованными медиа. Они представляют собой микромодель сетевого общества и реализуют на практике теорию Кастельса. Информация в них выступает в качестве главного ресурса, распространяя своё влияние на реальную жизнь. Сами виртуальные сообщества играют роль источника знаний, площадок для самопрезентации и реализа-

ции интенций. Однако иллюзорность цифровых симуляций, игровое начало медиакультуры накладывают отпечаток на качество такой информации: демонстрируются Я-идеальные или их прямые противоположности, используются всякого рода манипуляции, от ретуши до инсценировок и монтажа, с целью управления общественным мнением, создаются и подкрепляются медиамифы. Однако сетевые сообщества предоставили большому количеству людей мощный инструмент вскрытия несправедливости, прямой демократии и привлечения внимания к острым проблемам.

Современная медиакультура как самоисполняющееся пророчество: основные проблемы и пути их решения

Но чем полезны вышеописанные концепции и что доказывают пересечения с реальностью? Важная функция научного знания – прогностическая. Теории, выдержавшие проверку временем, позволяют оценить потенциальные позитивные и негативные последствия, дальнейшие траектории развития общемировых изменений. Живя в медиакультуре, мы можем убедиться, насколько точно сбылись пророчества футурологов прошлого века, и предвосхитить трудности, о которых предупреждали учёные, наметить возможные способы их преодоления. Объединение описанных идей позволяет выделить элементы воплощённого с помощью медиа будущего:

- производство уникальной информации – наиболее востребованная деятельность, обладание ею равнозначно власти;
- информация и знания выступают в роли капитала в цифровой экономике, они обмениваются и распространяются в Сети;
- вместе с уходом традиционных медиа на второй план поменялась и ориентация на

аудиторию, которую новые создатели контента делят на сегменты; настало время «немассовых» медиа;

- классификация потребителей информации привела к фрагментации восприятия и атомизации общества в реальности, при этом, однако, присутствуют феномены виртуальной близости и взаимосвязанности;

- публичная сфера в медиaprостранстве отличается плюрализмом мнений и позиций, возможностью участия в прямой демократии и гласности, но находится в зависимости от идеологических, коммерческих и частных интересов;

- социальные медиа стали оплотом свободы, инструментом диалога с властью, частью народной и любительской журналистики, альтернативным каналом получения информации из первых уст;

- пространство медиакультуры наполнено яркими аудиовизуальными образами, которые фрагментарно и часто в игровой форме отражают реальность;

- социальные медиа позволяют формировать множество различных идентичностей, репрезентировать лучшее и имитировать что угодно;

- иллюзорность такого рода симуляций, а также вопросы свободы медиа и привилегий обладания информацией по сей день остаются дискуссионными.

На наш взгляд, далее описанные тенденции только усилятся. Человек информационный должен будет включить свою виртуальную идентичность в комплекс самотождественности во избежание проживания перманентного кризиса из-за несоответствия цифрового отражения себя, отношений и представлений с действительными, на что ещё указывал Дуглас Келлнер [10, с. 17]. Интернет-экзгибиционизм как выставление жизни и её интимных про-

явлений на показ и бегство из Сети в реальность с максимальной закрытостью для медиа – два крайних противоположных варианта поведения, на пересечении которых необходимо будет совершить выбор. Виртуальное довольно реально, особенно в психологическом измерении, поэтому от фактических событий уже негласно требуется их освещение и подтверждение в медиа. Кроме того, виртуальный опыт и цифровые воспоминания приобретают большое значение в жизни человека, с одной стороны помогая проходить этапы социализации и инкультурации, а с другой – замещая и вытесняя настоящие возможности.

Эфемерность и симуляционный характер образов в медиасреде – одна из ключевых проблем информационного общества, которую непросто решить. Медиакомпетентность [4] как способность подвергать информацию критическому анализу, декодировать её в семиотическом смысле, сопоставлять различные точки зрения и практически взаимодействовать с контентом должна способствовать снижению негативных влияний эмоционально окрашенных, идеологизированных или коммерциализованных продуктов медиакультуры и их количества, лучшей интеграции в информационное пространство. Медиа можно рассматривать в качестве виртуального орудия труда, обращению с которым необходимо обучаться. Это орудие даёт небывалые ранее возможности и позволяет каждому обратиться к медиаторчеству. И дальше без этих навыков невозможно будет занять достойное место в обществе.

Медиатизация и цифровизация социальных, политических, духовных и экономических отношений, по нашему мнению, продолжится и в будущем. Коммуникация между властью и народом всё больше будет

осуществляться с помощью медиа, где игнорировать общественное мнение по важным вопросам не удастся, поскольку интеграция людей в сети, массовые петиции и обращения потребуют немедленного ответа. Возможность создания общественных организаций и движений, субкультур и других групп со схожими интересами без необходимости фактических встреч членов в реальности и наличия места для их проведения позволит проще объединяться для коллективного преодоления трудностей или осуществления иных функций. Дистанционное обучение, работа и прочие активности, возможно – даже религиозно-культурные, станут одним из нормативных форматов, легальных для выбора. Принципы подачи информации, выработанные шоу-бизнесом и блогингом, распространятся на вышеописанные сферы [11, р. 113–114]. Мобильность и экономическую независимость человека можно будет повысить за счёт включённости в мультимедийное пространство. Для представителей творческих профессий и обладателей уникальных знаний поиск своего зрителя, покупателя или покровителя с помощью медиа – позитивная возможность, которая сохранит эти виды деятельности в будущем, однако конкуренцию в скорости выполнения работ составят компьютерные технологии. Кропотливый ручной труд, счёт и другие задачи, выполняемые теперь искусственным интеллектом, к сожалению, постепенно уйдут в прошлое.

Социальная изоляция и дистанция, по законам которых живёт мир в 2020 году, войдёт в привычку как следствие некогда обмассовлённой культуры и атомизации общества. Развитые страны, вероятно, по этой причине могут быть представлены преимущественно одиночными людьми

или неполными семьями. Новофеодализм как вернувшееся Средневековье [9], где феодал – это информация, ассоциированная с определённым набором медиаресурсов, способствует разделению людей в масштабах глобального общего. Снова вспомнят о границах, когда встанет вопрос о вытеснении одной культурой другой как последствия мультикультурализма и колониального прошлого. Как уже было сказано выше, разобщённость будет преодолеваться «безопасно» в медиапространстве. Однако ощущение безопасности выступает ложным ввиду потенциальных киберугроз: буллинга, троллинга, хейта, пропаганды худобы, саморазрушения и т.д., кражи информации, взлома, введения в заблуждение [12]. Данные трудности должны преодолеваться в основном инструментами самой медиакультуры – блокировками, дискуссиями и разоблачениями, однако инициированными пользователями, а не властными структурами. Авторское начало и первоисточник информации окажутся не столь важными, как само сообщение – ведь именно от интерпретации и контекста зависит его оценка. При этом право доступа к информации, её создания и распространения нуждается в признании на общемировом уровне в качестве неотчуждаемого.

Заключение

Современная медиакультура – не просто образ жизни человека с цифровыми гаджетами, а иллюстрация зарождающегося триптиха природа – культура – виртуальная среда, в котором человеку выделен первый план. Его главная задача – сохранить человеческое и не потеряться в сонме симулякров и интерпретаций, сберечь общекультурные ценности, среди которых новой является свобода информации.

Медийное пространство, в которое мы интегрированы, широкое и тесное, свободное и тоталитарное одновременно. «Цифровой концлагерь» – такая улучшенная технологиями версия «паноптикума» Мишеля Фуко – метафора, прекрасно иллюстрирующая эти противоречия. Лишённая рамок площадка для самовыражения и развлечений, общедоступное и мобильное средство для общения со всем миром на деле оборачивается изъятием у человека частного пространства и символического права выбирать истину, ведь источник информации претендует на господство. Власть не видна наблюдателям, но её действия касаются каждого: геолокация отслеживается, переписка «сливается», доступ к ресурсам блокируется, а вкусы и настроения программируются. Личное повседневное время растворено не столько в вещественном мире, чего опасались экзистенциалисты, сколько в виртуальном, где человеку, особенно молодому, сложно отличить «свое» от «чужого». И предсказанная классиками футурологии проблема свободы информации упирается в извечный вопрос независимости сознания и воли.

Каков же выход из сложившейся ситуации? Как взаимодействовать с антиутопичной стороной медиакультуры? Ответ прост: способствовать её дальнейшей демассификации, начиная с собственного опыта, «разделять и властвовать», соблюдать правила цифровой безопасности. Разберём данные утверждения подробнее.

Демассификация как отказ от монополии на создание и распространение информации, признание плюрализма каналов, тематики и интерпретации контента должна произойти не только в профессиональной журналистской среде, но и в сознании потребителей их продукции. Необходимо на-

учиться самостоятельно отбирать источники, сопоставлять точки зрения и участвовать в обсуждении, осуществлять обратную связь. Не принимать на веру кричащие заголовки, не обращаться за истиной к крупным медиаигрокам. Подходить к задаче выстраивания картины мира с пониманием, что многообразие – это не ограничение, а ресурс, где ценность и правдивость данных, предоставляемых медиа, как и их репертуар, определяет воспринимающий. Важно стать менеджером собственного информационного обеспечения, ограничивая объём и качество получаемой информации. Принцип экологичности играет решающую роль в выборе того, на что стоит обращать внимание. Не загрязнять «токсичностью» собственное информационное поле и площадки, где высказываются другие – «золотое» правило информационной этики.

В отношении цифровой экономики, политической деятельности или просто блогинга демассификация и децентрализация являются главными условиями эффективности подобных видов культурного творчества. Если один из каналов представленности в Сети по каким-либо причинам перестаёт функционировать, наличие альтернативных источников распространения информации помогает акторам оставаться в контакте с аудиторией.

Но что значит тезис «разделяй и властвуй» в контексте медиакультуры?

Отделять необходимо частное от публичного, фейки от фактов, идеологию от иронии, учитывая игровое начало Интернета. А власть, как и ответственность, в дифференциации контента возложить на себя. Интимное и личное не потеряет символический статус и функции, если таковым и останется. Свобода будет экспроприрована, если человек самостоятельно её от-

даст. Поэтому представляется очевидным, что для эффективной социализации в Сети можно обойтись без демонстрации подробностей повседневной жизни. Чем меньше времени и сил отдано выстраиванию проекции в виртуальном мире, тем больше человек принадлежит себе. Синкретизм интернет-пространства ментально возвращает культуру в период первобытно-общинного строя. Следовательно, процесс по отделению сознания от «молчаливого большинства», смысла от внешней оболочки, мистических представлений от доказанных сведений будет способствовать повышению независимости и личной «эволюции». Стоит помнить, что в пределах виртуального мно-

гое постиронично, искренность легко смешивается с насмешкой и только опыт восприятия и интерпретации такой информации формирует «сопротивляемость».

Всё описанное выше встраивается в свод правил цифровой безопасности личности. Это ограниченное и разумное пространство информации о себе, воздержанность от хейтерства и троллинга, готовность адекватно оценивать такие провокации и подвергать критике множественные интерпретации. Чтобы не быть заключённым в рамках «виртуального лагеря», необходимо понимать принципы игры и оставаться критически мыслящим пользователем.

Примечания

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе : [сборник статей : переводы] / АН СССР, Институт философии, Научный совет при Президиуме АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники ; сост. и вступ. ст. [с. 3–31] П. С. Гуревича. Москва : Прогресс, 1986. С. 330–342.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О. А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. Москва : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Кириллова Н. Б. От медиаобразования – к медиакультуре // Медиаобразование. 2005. № 5. С. 52–56.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. Санкт-Петербург : Алетея, 1998. 160 с.
6. Масуда Ё. На пути к новому этапу становления общества // США-ЭПИ. 1983. № 6.
7. Тоффлер Э. Третья волна. Москва : АСТ, 2010. 784 с.
8. Хабермас Ю. Политические функции публичной сферы // Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. Москва : Весь Мир, 2016. 344 с.
9. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.
10. Kellner D. (1995) *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Postmodern*. London, Routledge : 357 p. (In English)
11. Postman N. (1986) *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. New York, Penguin Books : 184 p. (In English)
12. Roesler-Keilholz S. (2016) Utopia/Dystopia – Identity and Connectivity in Social Media. *Journalism and Mass Communication*, vol. 6, no. 10 : 607–614. (In English)

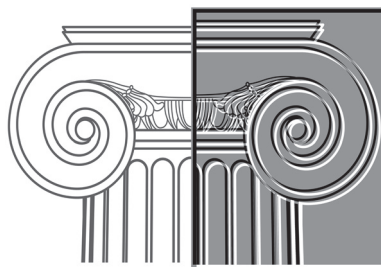
References

1. Bell D. Sotsial'nye ramki informatsionnogo obshchestva [Social Framework of the Information Society]. In: Gurevich P. S., comp. *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade [New Technocratic Wave in the Western World]*. Moscow, Progress Publishers, 1986. Pp. 330–342. (In Progress Publishers Russian)
2. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and Simulation]*. Tula, 2013. 204 p. (In Russian)

3. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [*The Information Age: Economy, Society and Culture*]. Moscow, Publishing house of the Higher School of Economics, 2000. 608 p. (In Russian)
4. Kirillova N. B. Ot mediaobrazovaniya – k mediakul'ture [From Media Education to Media Culture]. *Mediaobrazovanie* [*Media Education*]. 2005, no. 5, pp. 52–56. (In Russian)
5. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [*The postmodern condition*]. St. Petersburg, Publishing House “Aletheia”, 1998. 160 p. (In Russian)
6. Masuda E. Na puti k novomu etapu stanovleniya obshchestva [On the Way toward New Nascent Stage of Society]. *USA-EPI*. 1983, no. 6. (In Russian)
7. Toffler A. *Tret'ya volna* [*The Third Wave*]. Moscow, Publishing house “AST”, 2010. 784 p. (In Russian)
8. Habermas J. Politicheskie funktsii publichnoy sfery [Political Functions of the Public Sphere]. In: *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery: issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [*The Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society*]. Moscow, Ves Mir Publishers, 2016. 344 p. (In Russian)
9. Eco U. Srednie veka uzhe nachalis' [The Middle Ages Has Already Begun]. *Inostrannaya literature* [*Foreign Literature*]. 1994, no. 4, pp. 258–267. (In Russian)
10. Kellner D. (1995) *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Postmodern*. London, Routledge : 357 p. (In English)
11. Postman N. (1986) *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. New York, Penguin Books : 184 p. (In English)
12. Roesler-Keilholz S. (2016) Utopia/Dystopia – Identity and Connectivity in Social Media. *Journalism and Mass Communication*, vol. 6, no. 10 : 607–614. (In English)

*

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ
И КУЛЬТУРА

МОРФОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. Н. ИЛЬИНА

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10306

О. Т. Ермишин

Московский государственный институт культуры

В статье анализируется основная идея морфологии В. Н. Ильина по отношению к изучению русской культуры на примере работ «Русская музыка» и «Русская философия». Отмечается, что Ильин продемонстрировал личный подход к изучению русской культуры, представив концепцию «прерывного полипериодизма». Важным дополнением к исследованиям Ильина по истории русской музыки и философии являются его работы о русской литературе. По мнению Ильина, характерными для понимания русской культуры следует считать биографии и творчество К. Н. Леонтьева и Л. Н. Толстого, а также то, что оба мыслителя принадлежат к направлению «философии пессимизма» в России. Морфология в понимании В. Н. Ильина имеет главной целью создание универсальной методологии, направленной на исследование культурных форм. В заключение статьи сделано сопоставление философских и историко-культурных идей В. Н. Ильина с морфологией искусства А. Г. Габричевского, показаны отдельные методы и идеи, объединяющие двух русских учёных.

Ключевые слова: морфология, культура, наука, музыка, литература, русская философия, христианство, философия искусства, культурные формы.

Oleg T. Ermishin

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

MORPHOLOGY OF CULTURE IN V. N. ILYIN'S INTERPRETATION

The article analyzes the main idea of V. N. Ilyin's morphology in relation to the study of Russian culture on the example of the works "Russian Music" and "Russian Philosophy". It is noted that V. N. Ilyin demonstrated a personal approach to the study of Russian culture, presenting the concept of "discontinuous polyperiodism". An important addition to Ilyin's research on the history of Russian music and philosophy is his work on Russian literature. According to Ilyin, the biographies and works of K. N. Leontyev and L. N. Tolstoy should be considered characteristic of the understanding of Russian culture, as well as the fact that both thinkers belong to the direction of the "philosophy of pessimism"

ЕРМИШИН ОЛЕГ ТИМОФЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

ERMISHIN OLEG TIMOFEEVICH – DPhil, Full Professor, Head of the Department of Philosophy, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: oleg_ermishin@mail.ru
© Ермишин О. Т., 2020

in Russia. Morphology in the understanding of V. N. Ilyin has the main goal of creating a universal methodology aimed at the study of cultural forms. In conclusion, the article compares the philosophical, historical and cultural ideas of V. N. Ilyin with the morphology of the art of A. G. Gabrichevsky, shows individual methods and ideas that unite two Russian scientists.

Keywords: morphology, culture, science, music, literature, Russian philosophy, Christianity, philosophy of art, cultural forms.

Для цитирования: Ермишин О. Т. Морфология культуры в интерпретации В. Н. Ильина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 64–72. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10306

В 1996 году в журнале «Вопросы философии» появилась публикация, подготовленная А. П. Козыревым, – работа «Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии» Владимира Николаевича Ильина (1890–1974). Из этой публикации можно узнать о морфологии В. Н. Ильина, его общих теоретических идеях. До Ильина морфология ассоциировалась с двумя известными немецкими авторами – И. Гёте и О. Шпенглером, проблемами природы и культуры. Ильин же перенёс идею морфологии в совершенно другую философскую область исследования – в сферу сознания и личности. Однако он этим не ограничился, а постоянно ссылался на морфологию в своих работах по истории культуры и делал выводы, основанные на морфологической теории.

Ильин, работая в различных областях гуманитарного знания, активно использовал понятия «форма» и «морфология». Он считал морфологию идейной основой для своих историко-культурных исследований. Возникает вопрос: что же принципиально нового предложил Ильин по сравнению со своими предшественниками и современниками? Если не касаться теоретической части морфологии, очень сложной и запутанной, то новаторство Ильина заключается в приложении морфологии к исследованию русской культуры (науки, музыки, философии,

литературы). Об исследованиях В. Н. Ильина по истории русской науки уже есть одна моя статья [см.: 3], поэтому сразу перейдём к его работам по истории музыки, философии и литературы.

Если философию и литературу Ильин относил к единой «литературно-философско-миросозерцательной» сфере, то музыку он выделял в отдельную область культуры. Хотя все области культуры взаимосвязаны, но по форме они отличаются (музыкально-звуковые формы и формы словесного творчества). Музыка лежит у истоков русской культуры, так как появилась намного раньше науки и философии. Под русской музыкой Ильин понимал не только авторское и исполнительское творчество, но и в целом музыкально-звуковое восприятие народа. В «Программе по истории и теории церковной музыки для русской консерватории в Париже» он утверждал, что национальные культуры развиваются не автономно, а имеют тесное взаимодействие через синтез различных культурных форм. В отношении церковной музыки Ильин выделял следующий морфологический «шестиугольник»: «античное пение – знаменный распев – русская народная песня – византийское церковное пение – юго-славянское народное и церковное пение – григорианское пение» [1, л. 1]. Судя по указанной «Программе», её основная концепция сводилась к

тому, что Ильин понимал морфологический «шестиугольник» как правильную основу церковной музыки в самых разных формах, а все остальные музыкальные направления считал проявлением процесса секуляризации и «псевдоморфозы стиля».

Ильин связывал происхождение русской музыки с Античностью и эллинизмом. Его исследование «Русская музыка» начинается с «месторазвития» и «предыстории», то есть с влияния эллинистической культуры на Древнюю Русь через Северное Причерноморье. Ильин пишет: «Географический и геологический пейзаж имеет в своём роде решающее значение, преобразовывая по-своему и комфортно антропологическую стихию, сообщая ей свой облик и формируя соответственно её творческий порыв, составляя с ним одно морфологическое целое, один морфологический комплекс» [7, с. 173]. По мнению Ильина, культура имеет два источника – натуралистический (природный) и духовно-творческий. С одной стороны, Ильин высказывал гипотезу об «эллинизме», которое было одной общей основой для всей европейской культуры – как Западной Европы, так и Киевско-Новгородской Руси. С другой, он указывал на то, что природные условия наложили свой отпечаток на восприятие эллинизма, евразийская бескрайняя равнина и соседство с азиатскими народами придали культуре «ширь, мощь, размах, стремительный напор и темперамент» [7, с. 180].

Если античная культура, по терминологии Ф. Ницше, сформировалась на соотношении аполлонизма и дионисийства, то русская культура развивалась под влиянием заложенного в её основе мощного дионисийского порыва, который Ильин считал «подпочвой русской религиозности». Кроме дионисизма, ещё одно отличие рус-

ской культуры Ильин видел в том, что для Античности характерной является трагедия рока (судьбы), тогда как Киевская Русь после принятия христианства восприняла «трагедию креста», то есть трагедию личной свободы. Однако христианская свобода не отменила полностью идею рока, поэтому в европейской культуре продолжилась борьба между двумя религиозными идеями – «натуралистически-безличной и благодатно-персоналистической» [7, с. 187]. Ильин взял за основу схему французского музыковеда Ж. Комбарье, его деление искусства на две триады («неподвижной красоты» и «красоты в движении», во времени), подчёркивая, что в русской культуре особенно ярко проявилась вторая триада – музыка, поэзия и танец. Таким образом, для Ильина в русской культуре преобладают формы, имеющие динамический и интенсивный характер. Кроме того, эти формы обладают ещё одним свойством – «онтологической социальностью», когда они охватывают разные слои общества, от творческой элиты до самых народных низов, создавая единую культуру. Ильин пишет: «Выйдя из утончённой элиты, какую только знал мир, русское интенсивное “искусство времени” стало выразителем народной, массовой души, её энергии, её размахов и порывов, её сил и душевных движений, как лирических, так и драматических» [7, с. 192].

В книге «Русская философия» Ильин сформулировал по отношению к истории русской культуры закон «прерывного полипериодизма». По его мнению, существует метафизическая сущность России, которая в разные периоды проявляется в совокупности многочисленных форм. Ильин выделил четыре периода в истории русской культуры, для которых характерны особые оригинальные формы. Он писал о «формах»

России: «Однако все её четыре важнейшие формы или, если угодно, “перевоплощения” – докиевский, киевский, московский и петербургский (не считая ныне переживаемого революционно-советско-марксистского) – означают всякий раз явление какой-то новой стороны её метафизического существа совместно с манифестацией» [8, с. 21]. Можно сказать в терминах Ильина, что «метафизическое существо» есть «статика чистой формы», а «перевоплощения» – это её «динамика».

Что же явилось «динамическим фактором» в развитии русской культуры? Особую роль, полагал Ильин, в становлении русской культуры сыграли постоянные внешние влияния, сначала византийско-греческое, а затем западноевропейское. На формирование русской культуры в киевский и московский периоды, безусловно, большое влияние оказал византизм. Вместе с принятием христианства Русь получила образцы тончайшей византийской культуры в период её наивысшего расцвета. Именно осмысление и переработка византийской культуры в свои особые формы определили развитие Киевской и Московской Руси. При этой переработке была заимствована одна важная черта культуры, имеющая источником борьбу христианской Византии со своим античным, языческим прошлым. Противление языческому наследию, в том числе в области философии, наложило определённый отпечаток на русскую культуру киевского периода. Как считал Ильин, все мировоззренческие противоречия, характерные для русской культуры, были заложены уже в киевский период и только потом нашли выражения в новых формах и идейных направлениях.

Русская культура не могла существовать без идеалов. В период Московской Руси

был создан идеал, который получил символическое наименование «Москва – Третий Рим» и имел основанием соединение двух идей – царства и православия. В XVII веке этот идеал был поколеблен под влиянием западной культуры и идеологии, вместо него начинает формироваться новая культурная ситуация, которая отличалась крайней противоречивостью. То, что в XIX веке вылилось в спор западников и славянофилов, появилось намного раньше, ещё в XVII веке, когда произошёл церковный раскол. По мнению Ильина, в русской культуре происходит «миросозерцательная трагедия», в ней развивается радикальная поляризация. Россия проходит через три потрясения – татаро-монгольское иго, церковный раскол XVII века, революцию 1917 года. Если первое потрясение было внешним завоеванием, то второе и третье имели источником внутренние противоречия в России и русской культуре. Ильин утверждал, что в XVII веке произошёл раскол не только церковный, но и миросозерцательный, философский, метафизический. В результате вся русская культура в её последующей истории пронизана диалектикой метафизического раскола. С одной стороны, после реформ Петра I появилось абсолютистское государство, впитавшее западную идеологию Просвещения и рационализма. С другой стороны, несмотря на полное крушение идеи «Москва – Третий Рим», продолжало существовать старообрядчество как культурное явление, но оно постепенно распалось на ряд течений, имевших уже мало общего с первоначальной традицией. В конечном счёте рационализм и просветительский дух привели государство к катастрофе 1917 года, а старообрядческий мистицизм выродился в апокалиптические пророчества и утопические мечты («невидимый град Ки-

теж»). Из недр старообрядческого духа, проникнутого свободой, родились темы, ставшие основой для будущей русской религиозной метафизики.

В. Н. Ильин имел склонность к парадоксальным идеям. Так, он утверждал, что появление петербургской империи связано «со своеобразным возвращением в Киевскую Русь» [8, с. 166], то есть стиль и формы Московской Руси, сложившиеся под влиянием Византии и Золотой Орды, уступают место духовным традициям, сохранившимся в украинской культуре. Украинские влияния, начиная с преподобного Паисия Величковского в XVIII веке, в значительной степени обогатили русскую религиозную культуру, их итогом стали выдающиеся русские писатели, включая гениального Н. В. Гоголя. С другой стороны, в лице Петра I западничество одержало победу, стало важной частью государственной идеологии. Все культурные формы петровской и послепетровской эпохи определяются эволюцией просветительских идей, начиная с борьбы против церковного мировоззрения и заканчивая появлением нигилистов и революционной интеллигенции.

Западничество было своеобразной формой идеализма, так как её основой стала не реальная Западная Европа, а идеал, «мечта». Ильин пишет: «Подобно тому как старообрядцы создали себе из старины прекрасную мечту, обернувшуюся видением града Китежа, так и Пётр Великий создал себе из Европы такую же поэтическую и прекрасную мечту, и плодом этой мечты стал прекрасный Петербург, этот, так сказать, Китеж западничества, ставший вместе с Киевом началом нового западного православия, связанного органически с Киевом, и не только с Киевом, но и с киевской духовностью и киевскими святыми» [8, с. 172]. Для

Петра I и его государственного дела основание Петербурга имело большое и символическое значение, как создание новой столицы и города, для которого характерны особые формы и стиль – «стиль обузданного Аполлоном Диониса» [8, с. 173]. Роль Аполлона, победившего дионисийскую стихию русского народа, сыграли идеи рационализма, просветительства и протестантизма. Однако из этих противоречий родилась уникальная культура петербургского периода, в России XVIII – начала XX века одновременно пережили бурный расцвет музыка, философия, литература.

Именно в литературных формах начинает складываться первоначальная философская рефлексия. Ильин указывает на оды Г. Р. Державина как на пример творческого подхода к темам Бога и человека (ода «Бог» понимается им как философское преодоление пессимизма, высказанного в «Оде на смерть князя Мещерского»). Одновременно растёт интерес к логике и точному знанию, издаётся множество философских переводов (преимущественно немецких книг). И вот в конце XVIII века появился автор, который сочетал литературу и философию – А. Н. Радищев, написавший «Путешествие из Петербурга в Москву» и «О человеке, о его смертности и бессмертии». Если первое литературное сочинение Ильин оценивал достаточно невысоко, то философский трактат считал первой оригинальной работой по антропологии и танатологии в России. Радищев учился в Лейпциге и испытал влияние немецкой философии (лейбницианства). И затем весь XIX век в России – это постоянная смена западных философских влияний. Осмысление и интерпретация шеллингианства, гегельянства и позитивизма заставили русских мыслителей пройти серьёзную философскую шко-

лу, и в результате во второй половине XIX века возник русский философский идеализм, противопоставивший западным влияниям оригинальные идеи.

В. С. Соловьёв, Л. М. Лопатин, С. Н. и Е. Н. Трубецкие, Н. Я. Грот и другие философы, объединившиеся вокруг Московского психологического общества, предложили варианты идейного синтеза, способного преодолеть те противоречия, которые были характерны для ведущих направлений западной философии. Как подчёркивал Ильин, философия постепенно уходит от неопределённой формы и приближается к научному, университетскому стилю изложения. Философия становится не просто наукой, но ещё и мировоззренческой основой культуры. Её признаки можно легко найти в русской литературе и искусстве.

Одними из самых философских авторов в русской литературе и публицистике Ильин считал К. Н. Леонтьева и Л. Н. Толстого. Первому он посвятил главу «Константин Леонтьев и судьбы русского пессимизма в философии» в книге «Русская философия», а второму – отдельную работу «Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого и его место в истории философии XIX века». И Леонтьев, и Толстой с точки зрения Ильина, пережили «миросозерцательную трагедию», характерную для всей русской культуры. И тот, и другой боролись с противоречиями личного мировоззрения, написали ряд выдающихся литературных произведений, в итоге долгих исканий создали религиозно-философские учения, которые служили им основой для оправдания своей жизни. При всей разнице религиозно-философских учений Леонтьева и Толстого, по мнению Ильина, их объединяет принадлежность к русской «философии пессимизма», которая противосто-

ит западноевропейским идеям прогресса и цивилизации.

Константин Леонтьев для Ильина – совершенно уникальная фигура в истории русской культуры. Он не только соединил в своём творчестве литературу и философию (историософию), но и выразил «ту вековую суровую тоску русского скитальчества и русской неприкаянности – в которых отражается горькая судьбина человека вообще как существа, обречённого в своей массе закону мировой смерти, закону социальной энтропии, совершенно подобной энтропии физической, и спасение которого есть нечто почти столь же суровое, как и его гибель...» [8, с. 409]. Леонтьев пережил в личном опыте трагедию противоречий между эстетическим и религиозным отношением к жизни, между любовью к России и осознанием её гибели в грядущей революции. И этот опыт он воплотил в литературных и философских формах. На примере Леонтьева Ильин пытался показать, какое богатство и многообразие элементов определяет содержание и формы русской дворянской культуры XIX века. Тонкий вкус, влияние западноевропейского литературного романтизма, богатое воображение, любовь к формам русского быта – всё это, по мнению Ильина, было характерно для Леонтьева как представителя русской культуры в её наивысшей точке развития. В Леонтьеве, как в Фаусте из известного произведения И. Гёте, боролись «две души» – натурализм, рационализм выпускника медицинского факультета и эстетический романтизм писателя. Длительная борьба с самим собой закончилась для Леонтьева религиозным обращением, то есть религия была осознана им не только как путь личного спасения, но и как идейный синтез, примиряющий все жизненные противоречия. По определению

Ильина, Леонтьев принадлежал к «великой синтетической русско-дворянской культуре», в которой возможным было сочетание совершенно противоположных элементов и форм.

К той же дворянской культуре принадлежал Л. Н. Толстой, которого Ильин считал не философом, а «мудрецом в области художественного гения». Если Ф. М. Достоевский был наделён, по мнению Ильина, метафизическим и богословским даром, то Л. Н. Толстой обладал литературной гениальностью, но при этом ещё склонностью к рациональному анализу, «познавательной анатомии». В результате он, раздираемый противоречиями, всю жизнь пытался их примирить и обрести разумно обоснованное миросозерцание, что нашло полноценное отражение в его творчестве.

Ильин на примере Толстого указал на проблему, возникающую в связи с поиском и анализом философского содержания в художественном творчестве. Он пишет: «Нам приходилось уже неоднократно упоминать о чрезвычайных трудностях, связанных с выделением философско-миросозерцательного комплекса из общей совокупности, из общего контекста художественного творчества. Бетховен как-то сказал, что для него музыка выше, чем вся премудрость и философия, желая этим отметить философско-миросозерцательное и, так сказать, “софийное” значение музыки. Однако если кто-нибудь попытался [бы] вывести из самой музыки автора 9-й симфонии конкретную философскую систему, то он попал бы в безвыходное положение по причине непреодолимых трудностей, связанных с такой задачей» [5, с. 56]. Основная трудность, как полагал Ильин, это полное совпадение философского субъекта и объекта в художественном творчестве. Философия слива-

ется как с миросозерцанием писателя, так и с образами и сознанием его литературных героев. Из этого синтеза рождаются особые формы творчества, когда автор, в данном случае Толстой, распространяет свои философские взгляды на все свои литературные сочинения – как в лице отдельных героев, *alter ego* (Иртеньев, Левин и другие), так и в целостном художественном мировоззрении, которое определяет выбор тем, образов и их интерпретацию. Таким образом, морфология, как её понимал Ильин, относится к методологии, которая направлена на выявление и анализ форм, определяющих сущность и развитие русской культуры.

Морфология культуры В. Н. Ильина имеет незаконченный характер, в наибольшей степени она – совокупность предположений, догадок и интуиций исследователя. В чём же эта морфология отличается новизной, а в чём согласуется с другими философскими концепциями культуры? То, что общий подход Ильина к изучению культуры противоречит идеям О. Шпенглера, не вызывает сомнений. Концепция Шпенглера в известном двухтомном труде «Закат Европы» предполагает, что эволюция культур и цивилизаций определяется «прафеноменом» и имеет последовательный, предопределённый цикл развития (от зарождения до гибели). Очевидно, что динамичная схема «прерывного полипериодизма», которую пытался обосновать В. Н. Ильин, вступает в явное противоречие с концепцией Шпенглера. Однако много общего можно найти при сопоставлении идей Ильина с морфологией искусства Александра Габричевского. Разница заключается в том, что Ильин предпочитает исследовать все многообразные формы русской культуры, а Габричевский считает наилучшим материалом для морфологии искусство, в котором бытие и

культура выражены в наиболее «потенцированной» форме.

Габричевский использует методологию и терминологию, которая сложилась у него под преобладающим влиянием И. Гёте, А. Бергсона и немецких неокантианцев. Он пишет о многообразии форм, их отношении к общему единству бытия и культуры: «... все дуалистические формы мира, несмотря на свою изначальность, или, вернее, эту свою изначальность – не более, как относительность [по отношению] к несущему и обнимающему их единству, не более, как его модусы» [2, с. 87]. По мнению Габричевского, бытие обладает единством, а дуализм форм возникает только в категориях индивидуального сознания, поэтому исследователю культуры приходится иметь дело как с диалектикой жизни, так и с органической морфологией, являющейся результатом анализа.

Габричевский считал, что искусство имеет отношение одновременно к морфологии и онтологии. Он даёт определение морфологии – это «учение о форме как онтологическое обоснование художественного продукта, той *Gestalt*, в которой структура жизни, того высшего и основного “прафеномена” дана с наибольшей очевидностью и в наибольшем совершенстве» [2, с. 88–89]. В отличие от Ильина Габричевский использовал более многообразную и разработанную терминологию. Несмотря на разницу в тер-

минологии, между общими идеями Ильина и Габричевского есть много совпадений. Так, например, Габричевский утверждал, что искусство есть синтетическая реальность, соединяющая «динамику» и «статику», субъект и объект творчества. По его мнению, форма есть синтез, который бывает трёх типов – «два предельных типа крайне статических и крайне динамических образований и посредине между ними – гармоническое равновесие обоих компонентов» [2, с. 118]. Между этими тремя типами существуют многочисленные формы искусства, зависящие от «динамики» и «статики». «Динамику» Габричевский связывал с процессом индивидуального (субъективного) творчества, с «движением», «ритмом». В его определении «ритм» – это «таинственное качественное многообразие живого тотального целого» в становлении. Исходя из такого определения, Габричевский не принимал «статическую» концепцию О. Шпенглера. Он даже различал два типа пространства в искусстве – динамическое (активное, формообразующее) и статическое. Однако и морфология Габричевского далека от систематической законченности. Тем не менее следует признать, что В. Н. Ильин и А. Г. Габричевский продемонстрировали интересные морфологические подходы к изучению культуры и искусства, а их идеи и методы актуальны до сих пор и могут быть использованы в современных культурологических исследованиях.

Примечания

1. Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 559. Ильин В. Н. Программа по истории и теории церковной музыки для русской консерватории в Париже.
2. Габричевский А. Г. Морфология искусства. Москва : Аграф, 2002. 864 с.
3. Ермишин О. Т. История русской науки и культуры в исследованиях В. Н. Ильина // Ильин В. Н. Русская наука. Москва : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017. С. 5–20.
4. Ильин В. Н. Арфа Давида: Религиозно-философские мотивы русской литературы. Санкт-Петербург : Русский мир, 2009. 552 с.

5. Ильин В. Н. Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого. Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. 480 с.
6. Ильин В. Н. Пожар миров: Избранные статьи из журнала «Возрождение». Москва : Прогресс-Традиция, 2010. 752 с.
7. Ильин В. Н. Русская музыка (главы из книги) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2018. Москва : Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2018. С. 163–200.
8. Ильин В. Н. Русская философия. Москва : Летний сад ; Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2020. 778 с.
9. Ильин В. Н. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 91–136.
10. Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. Санкт-Петербург : Акрополь, 1997. 464 с.

References

1. Archive of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. Fond 31, inventory 1, unit 559. Ilyin V. N. Programma po istorii i teorii tserkovnoy muzyki dlya russkoy konservatorii v Parizhe [The Program on History and Theory of Church Music for Russian Conservatory in Paris]. (In Russian, unpublished)
2. Gabrichevsky A. G. *Morfologiya iskusstva [The Morphology of Art]*. Moscow, Publishing House “Agraf”, 2002. 864 p. (In Russian).
3. Ermishin O. T. Istoriya russkoy nauki i kul'tury v issledovaniyakh V. N. Ilyina [The History of Russian Science and Culture in the V. N. Ilyin's Researches]. In: Ilyin V. N. *Russkaya nauka [Russian Science]*. Moscow, Publishing House of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, 2017. Pp. 5–20 (In Russian).
4. Ilyin V. N. *Arfa Davida: religiozno-filosofskie motivy russkoy literatury [The Harp of David: Religious Philosophical Motives of Russian Literature]*. St. Petersburg, Publishing House “Russkiy mir”, 2009. 552 p. (In Russian).
5. Ilyin V. N. *Mirosozertsanie grafa Lva Nikolaevicha Tolstogo [The World View of Count Lev Nikolaevich Tolstoy]*. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Academy for the Humanities, 2000. 480 p. (In Russian).
6. Ilyin V. N. *Pozhar Mirov: Izbrannie stat'i iz zhurnala “Vozrozhdenie” [The Fire of Worlds: Selected Articles from the Magazine “Revival”]*. Moscow, Publishing house “Progress-Tradition”, 2010. 752 p. (In Russian).
7. Ilyin V. N. *Russkaya muzyka (glavy iz knigi) [Russian Music (Chapters from the Book)]*. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, 2018 [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, 2018]*. Moscow, Publishing House of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, 2018. Pp. 163–200 (In Russian).
8. Ilyin V. N. *Russkaya filosofiya [Russian Philosophy]*. Moscow, Publishing House “Letniy Sad”, Publishing House of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, 2020. 778 p. (In Russian).
9. Ilyin V. N. Statika i dinamika chistoy formy, ili Oчерk obshchey morfologii [Static and Dynamics of Pure Form, or Essay of General Morphology]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 1996, no. 11, pp. 91–136 (In Russian).
10. Ilyin V. N. *Esse o russkoy kul'ture [The Essays about Russian Culture]*. St. Petersburg, Publishing House “Akropol”, 1997. 464 p. (In Russian).

*

Космософия Ф. В. Й. Шеллинга в эстетике русских шеллингианцев первой половины XIX века

УДК 1(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10307

Л. Г. Александров

Челябинский государственный университет

Статья посвящена восприятию русской философией и культурой системы представлений, типичной для мировоззрения Ф. В. Й. Шеллинга и других немецких идеалистов. Натурфилософия и практика, искусство и критика в их непростых взаимоотношениях осмысливались русскими шеллингианцами первой половины XIX века, следовавшими за эстетическими идеалами модного романтизма. Их идеи долгое время воспринимались как передовые и в университетской учёной среде, и в светских салонах и кружках, и на страницах популярных литературных и научных изданий. Дилеммы «красота и достоверность», «личность и толпа», «художник и творчество» становились основами для их философских, литературных и публицистических сочинений. Особое внимание уделяется в статье мирозерцанию главы общества Любомудров, русских шеллингианцев – В. Ф. Одоевского.

Ключевые слова: идеализм, шеллингианство, натурфилософия, искусство, эстетика, критика, рационализм, романтизм, мистицизм.

Leonid G. Alexandrov

Chelyabinsk State University, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation,
Pobedy str., 162b, 454084, Chelyabinsk, Russian Federation

COSMOSOPHY OF F. V. Y. SCHELLING IN THE AESTHETICS OF RUSSIAN SCHELLINGIANS OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The article is devoted to the perception of Russian philosophy and culture of the system of representations typical for the worldview of F. V. J. Schelling and other German idealists. Natural philosophy and practice, art and criticism in their complex relationships were interpreted by Russian schellingians of the first half of the 19th century, who followed the aesthetic ideals of fashionable romanticism. Their ideas have long been perceived as cutting-edge in the University academic environment, in social salons and

АЛЕКСАНДРОВ ЛЕОНИД ГЕННАДЬЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета

ALEXANDROV LEONID GENNADYEVICH – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Journalism and Mass Communications, the Chelyabinsk State University

e-mail: leonalex42@mail.ru

© Александров Л. Г., 2020

в Абсолюте совмещались общее и частное, конечное и бесконечное, красота и правда. Идея многообразия универсума, регулируемого единым началом, доказывает необходимость магии – подражания природе «в её творении и созидании вещей, удивительных для глаз толпы» [11, с. 181]. Такое понимание магических искусств позже станет основой восприятия самого искусства как магического феномена.

По Шеллингу, человек способен воплощать в себе космос, являться мерилем его свойств. В учении Лейбница Вселенная не жёстко детерминирована, но целесообразна и подчинена «предустановленной гармонии» монад – принципу общей «экономии» и порядка мира, в котором вещи обретают смысл лишь в согласованности: космос-максимум совпадает с атомом-минимумом, как это было и в доказательстве единства мира у Бруно.

Такая картина мира характерна для «переходного» этапа Просвещения, когда органическая и неорганическая природа ещё не вполне различались, а науки о них – не разделялись. У Р. Декарта, И. Кеплера, Д. Дидро и других мыслителей порой возникали виталистические идеи, согласно которым вся материя способна «ощущать» и даже иметь «душу»: следовательно, «во всех неорганических телах скрываются органические», хотя при этом «души и тела не обмениваются присущими им законами» [11, с. 351–357].

Для зрелого Шеллинга основными вдохновителями становятся Я. Беме и Ф. К. Баадер, с их религиозно-мистическими интенциями. Шеллинг извлекает из мистики свою этику и эстетику: «Подобно тому как в человеческом творчестве хаотический беспорядок мыслей и образов озаряется основной идеей художественной

целостности, так точно тёмные и разрозненные силы природы подчиняются разуму одухотворённой личности. Высшая степень просветления состоит в разуме или универсальной воле, приводящей все космические силы к внутреннему единству» [5, с. 223].

Оспаривая канонические христианские позиции, в «Системе трансцендентного идеализма» мыслитель вводит понятия о врождённом добре или зле, в чём-то близкие кальвинистской идее морального предопределения.

У теоретиков искусства, особенно романтического, космофил Шеллинга вызвала сильный энтузиазм. Сыграли роль и его дружба с И.-В. Гёте, и тесные связи с йенским кружком братьев Шлегель. Божественный акт творчества, вмещающий все таинственные связи бытия, предполагал у Художника особую интеллектуальную интуицию, способность к внутреннему усмотрению своих актов ощущения, созерцания и рефлексии. Шеллинг проводит аналогии между творчеством и развитием всемирной истории, движимой мыслью Бога, которую позже Я. Фрошаммер назовёт «мировой фантазией» [12].

Основная задача подлинного искусства – «бесконечное умиротворение». Завершение произведения искусства снимает все противоречия и достигает абсолютной гармонии между сознательным и бессознательным, благодаря предустановленной силе судьбы, которую часто и связывают с понятием «гений» [20, с. 450]. Поэтому искусство и оказывается сродни чуду, откровению, доказывающему реальность высших материй.

Задача философии искусства – конструирование в философском идеальном тех реальных, которые содержатся в произведении, причём не как особенные предметы, но как

абсолютный универсум «в целокупности своих определений» [21], так эстетика становится метафизическим учением.

Развитие искусства, по мнению Шеллинга, идёт от «пластичности» к «живописности», постепенно освобождаясь от чувственно-телесного, что подтверждается канонами греческой мифологии и христианской религии. Мыслитель воспринимает «духовный космос» как онтологическое творчество, создание мира из трансцендентной «пустоты», божественную «игру с хаосом»: «абсолютная бесформенность есть именно высшая форма, в которой бесконечное выражается конечным, не затрагивая его границы» [20, с. 511].

Романтики активно критиковали плоский рационализм поздних немецких просветителей, присутствующий в их этике и эстетике. Искусство они сопрягали с мистикой, а гениальность признавали иррациональным феноменом, достоянием исключительных, одарённых личностей. И хотя про обретение богоподобия за счёт возвышающей силы универсального искусства высказывались просветители разных стран – К. А. Гельвеций, И. Г. Гердер, А. Н. Радищев [16, с. 6], но лишь в романтизме эта идея стала культовой.

Антропологию и гносеологию Шеллинга можно назвать гармоническими учениями. Познание понимается им как космическое действие, в котором осознаёт себя основа мира. В этом он сходится с И. Г. Фихте, но если у Шеллинга речь идёт о сознании индивида, то Фихте делает упор на ещё не осознанное, инстинктивное поведение. Шеллинг в духе пантеизма одухотворяет мир, часто заявляя, что его философия «не только возникла из поэзии, но и стремилась возвратиться к этому своему источнику» [14, с. 10].

Можно отметить и такие личные черты самого мыслителя, как мобильность, контактность и коммуникабельность. Его приглашали в учебные заведения Тюбингена, Вюрцбурга, Мюнхена, Эрлангена, Берлина, он активно участвовал в полемике, вёл международную переписку, продвигая свои идеи.

Он принимал у себя в гостях и русских деятелей культуры, волею судьбы оказавшихся в Германии – А. Тургенева, П. Чаадаева, П. Киреевского, В. Титова, Н. Мельгунова, не раз высказывая симпатии к нашей стране: «Чудное дело ваша Россия, – говорил он, – нельзя определить, на что она назначена и куда идёт, но к чему-то важному предназначена» [13].

В среде русской интеллигенции философ был чрезвычайно моден, русское шеллингианство в первой половине XIX века было течением широким, хотя и разрозненным. Часть профессуры – И. Ястребцов, И. Елагин, К. Зеленецкий, П. Курляндцев, Х. Экеблед, М. Максимович, А. Дудрович, И. Кронеберг – с воодушевлением переводили и комментировали сочинения Шеллинга, популяризовали его учение в студенческой среде.

Мысль русских шеллингианцев «работала» против канонов классицизма, но в университетах инициировались кампании против немецкого идеализма. Так, А. Галича, автора книги «Картина человека», где он развивал учение о «страстях», «излагая философские системы без опровержения их» [1, с. 79], вынудили оставить кафедру, поскольку учёный «предпочитал безбожника Канта Христу, а Шеллинга – Святому Духу» [9, с. 25].

Эстетика русского сентиментализма и романтизма продвигалась в периодических изданиях. В 1828 году шеллингианец

М. Павлов начал издавать научно-литературный журнал «Атеней», где появились его размышления «О различии между изящными искусствами и науками» и теоретическая статья Н. Надеждина «Различие между классической и романтической поэзией, объясняемое из их происхождения» с выдержками из его диссертации.

В журнале Надеждина «Телескоп» много места уделялось философии и изящным искусствам – публиковались извлечения из иностранных журналов, например, «Суждение Шеллинга о философии Кузена» в переводе В. Межевича, а в художественном отделе доминировали романтические сочинения [8].

Сотрудничал с журналом шеллингианец И. Давыдов, но когда «Телескоп» был закрыт в период утверждения теории официальной народности, он написал в другом издании резкую статью против немецкого идеализма [17, с. 115–127].

Представители нового поколения шеллингианцев первой половины XIX века публично обсуждали немецкую классическую философию на страницах изданий, в философских кружках и литературных салонах. В полемике «партий» либералов и консерваторов, течений западников и славянофилов, эстетических позиций апологетов романтизма и приверженцев «натуральной школы» часто «всплывал» шеллингианский идеализм.

Шеллинг был особенно чтим в московском обществе Любомудров и – в меньшей степени – в университетском кружке Н. Станкевича, у участников которого были разные предпочтения среди немецких философов. В первом, просуществовавшем два года, участвовали В. Одоевский, М. Погодин, Д. Веневитинов, И. Киреевский, С. Шевырев, А. Кошелев, И. Рожалин. Их печат-

ным органом был «Московский вестник», редактируемый Погодиным.

Журнал защищал идеи «чистой науки» и «чистого искусства», хотя выглядел подчеркнута аполитичным, выдержанным в духе религиозного смирения и нравственного совершенствования. Там печатались переводы И.-В. Гёте, Ф. Шиллера, Э. Т. А. Гофмана, Ж. П. Рихтера, Л. Тика и Ф. Новалиса, статьи Г. Аста и А. Шлегеля по философии искусства и сочинения о личности художника, повинующегося творческой «интуиции».

Романтический герой в повести Погодина «Чёрная немочь», страстно стремящийся к знаниям и увлекающийся поэзией В. Жуковского, представлен как исключительно талантливая натура, стремящаяся к идеалу, что порождает конфликт с окружающим мещанским миром. В результате герой кончает жизнь самоубийством [15, с. 27].

Фундаментальные эстетические статьи были написаны сложным научным языком, напоминая плохой перевод иностранной книги. Более живыми были научно-популярные статьи по искусству – «Разговор о возможности найти единый закон для изящного» Шевырева, «Парадоксы об искусстве» Одоевского или «Три единства в драме» Веневитинова.

Журнал, по словам В. Белинского, «был тощ рецензиями и полемикой», а теория романтического искусства в изложении академических шеллингианцев заставляла вспомнить хрестоматийный портрет пушкинского Ленского, который «так писал темно и вяло, / что романтизмом мы зовём...». Сам Пушкин, опубликовавший в «Московском вестнике» более 20 своих сочинений, жаловался А. Дельвигу, что устал от «немецкой метафизики», и в конце концов прекратил сотрудничество с журналом [8].

Д. Веневитинов переводил Л. Окена и доказывал, что «философия есть истинная поэзия», имея в виду и её религиозно-духовную ипостась. Он видел большие перспективы у шеллингианского трансцендентализма, однако русскому искусству прочил самобытное развитие и «нравственную свободу». Эстетический принцип он улавливал в самом строении мира, а в статье «Скульптура, живопись и музыка» отдавал должное высокой интуиции – «чувству, порождающему мысль» [3, с. 5].

Из мемуарных записок А. Кошелева следует, что любомудры читали запрещённого Дж. Локка и восхищались Б. Спинозой: «Тут господствовала немецкая философия, то есть Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Геррес ... Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед. Христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, философов» [14, с. 327].

И. Киреевский пережил сложную духовную эволюцию и был чрезвычайно разносторонней личностью. Он в 1831 году посетил Германию, где встречался с Гегелем, Шлейермахером и Шеллингом, а по возвращении в Россию безуспешно пытался издать журнал «Европеец», не прошедший цензуру.

Мыслитель полагал, что система Шеллинга «может служить самой удобной ступенью от заимствованных систем к самостоятельному любомудрию», но в конце концов оказался в лагере славянофилов. По-видимому, повлияла на его мировоззрение супруга, которая отказалась от совместного прочтения «кощунственного» Вольтера, а при чтении Шеллинга замечала, что «эти мысли давно ей известны – из творений Святых Отцов» [9].

Интерес С. Шевырева к шеллингианству совпал с его научным интересом к Данте, предмету его диссертации. «Божественная комедия», воплотившая духовный образ «стройного и целого мира», одновременно показывала значимость воображения художника, органично сочетающего поэзию и религию. Это не противоречило эстетической позиции Шеллинга, чьи лекции по философии искусства он внимательно изучал: «Поэма Данте, взятая всесторонне, не есть отдельное произведение одной своеобразной эпохи, одной особой ступени культуры, но есть нечто изначальное, что обуславливается её общезначимостью, которую поэма соединяет с абсолютнейшей индивидуальностью, обуславливается её универсальным характером ... и формой, которая представляет собой не специальный, но общий тип созерцания универсума» [2, с. 41–45].

Для любомудров Шеллинг создал систему, соединяющую «две противоположные стороны, из которых одна несомненно истинная, а другая почти столь же несомненно ложная» [20], впрочем, как полагает Н. Лосский, в методе он не поднялся до «цельного сознания верующего разума» [9, с. 37].

О шеллингианстве в западническом кружке Н. Станкевича, в который входили В. Белинский, К. Аксаков, А. Кольцов, М. Лермонтов, М. Бакунин, В. Боткин, М. Катков, Т. Грановский, К. Кавелин, советские исследователи предпочитали умалчивать, указывая на то, что из кружка вышла целая плеяда утопических социалистов и революционных демократов. Но до 1835 года Шеллинг был там в большом почёте, позже уступив позиции Гегелю. В области же искусства общими кумирами для участников кружка были И.-В. Гёте, Э. Т. А. Гофман, Л. Бетховен и Ф. Шуберт. Сам Станкевич испытывал пиетет перед

эстетикой Ф. Шиллера, под влиянием которого вывел для себя универсальную формулу: искусство есть первая ступень познания Бога: «Только для души, примиряющейся с Богом, вся природа обновляется; тяжёлые нравственные вопросы, неразрешимые для ума, решаются без малейшей борьбы, жизнь снова становится прекрасной и высокой» [18, с. 283].

Его концепция эстетического гуманизма основана на вере в «премудрую благость», на живом ощущении гармонии мира, единого организма, эволюционирующего в сторону разума. «Созерцание необходимо для развития мышления», – писал он Грановскому [9, с. 74]. Именно Шеллинг подарил мыслителю целостное восприятие жизни и понимание единства истории с природой. В своей космологии Станкевич пытается уловить общее в метафизике Шеллинга и Канта, а для этого ставит религию над философией, чтобы последняя могла развиться в «чистое христианство».

Увлечение фихтеанством у Станкевича, Бакунина и Белинского отразилось в том примате этики, потребность которого они носили в себе. Трансцендентное понимание личности попутно освобождало от романтического субъективизма, но всё же «не умом, а сердцем, – замечал С. Венгеров, – воспринимали молодые философы шеллинговский пантеизм» [6].

Сочетание веры в прогресс с поклонением искусству сообщало русским мыслителям эстетический оптимизм и «теургическое беспокойство». Но новые формы секуляризма, которые складывались в культуре, уже не позволяли удовлетворяться лишь шеллингианской метафизикой.

По этой причине в 1843 году в «Отечественных записках» появляется краткое изложение Боткиным критической брошю-

ры Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение», направленной против мистицизма в философии. По этой причине Бакунин сближается в эмиграции с левыми гегельянцами, вовлекаясь в активную социальную жизнь во время европейских событий 1848 года. И лишь эстетика раннего Белинского в «Литературных мечтаниях» выдержана в духе шеллингианской натурфилософии, с её нравственной дихотомией добра и зла: «Весь беспредельный прекрасный Божий мир есть дыхание единой вечной идеи, мыслей единого вечного Бога. Для этой идеи нет конца, она живёт беспрестанно ... Все миры связаны между собой электрической цепью любви ... вся цепь сознания есть восходящая лестница познания бессмертного и вечного Духа, живущего в природе ... человек есть орган сознания природы» [7, с. 68].

Затем под влиянием Гегеля публицист переживает длительный период «примирения с действительностью», но в его эстетической системе, как полагает В. Зеньковский, сохранился элемент «абстрактного героизма, который уводил всю энергию души ввысь и отъединял от эмпирической жизни» [6].

Белинский отслеживал ход полемики между шеллингианцами и гегельянцами, рецензировал работы Б. Бауэра, Д. Ф. Штрауса, Л. Фейербаха. Став приверженцем идей «натуральной школы», он выступал против концепций «искусства для искусства», но не усматривал противоречий между глубоким философским содержанием и высокой художественной формой: «Свобода творчества, – писал он в “Речи о критике”, – легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насилловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе

его интересы, слить свои стремления с его стремлениями» [8].

Наиболее последовательным русским шеллингианцем в 30–40-х годах XIX века выступал В. Одоевский. Он писал о своей роли в обществе любомудров: «Моя юность протекала в ту эпоху, когда метафизика была такой же общей атмосферой, как ныне политические науки. Мы верили в возможность такой абсолютной теории, посредством которой возможно было бы строить все явления Природы, – точно так, как теперь верят в возможность такой социальной формы, которая удовлетворяла бы вполне всем потребностям человека...» [14, с. 11].

Он пережил долгую творческую эволюцию, был писателем, журналистом, педагогом и общественным деятелем, интересовался положительным естествознанием и натурфилософией, увлекался акустикой, химией и гастрономией. Ему помогал воспитанный с юности энциклопедизм, побуждавший изучать юридические, исторические науки, параллельно заниматься искусствами. П. Сакулин полагает, что в своё время Шеллинг потому и захватил Одоевского, что он давал ему идейную базу для гармонического сочетания его многообразных стремлений [17, с. 469].

В эстетике его особенно интересовали вопросы музыковедения – в его ближний круг входило множество известных музыкантов и других деятелей культуры. Стремление к философскому синтезу, подчас рискованному, тем не менее не позволяет упрекнуть мыслителя в эклектизме или банальности.

В альманахе «Мнемозина», издаваемом вместе с В. Кюхельбекером, Одоевский ставит задачу «положить предел нашему пристрастию к французским теоретикам» и распространить несколько новых мыслей,

«блеснувших в Германии», не забыв о «сокровищах, вблизи нас находящихся». Уже тогда он защищает необходимость познания связи всех наук, изучения отдельных сторон бытия, исходя из «гармонического здания целого» [8].

В первых шеллингианских этюдах он смело переходит от космологии к проблемам человеческого духа – вопросам этики, эстетики, гносеологии. Строя систему мировоззрения, он каждый раз стремится к Идеалу и Абсолюту, что позволяет говорить о его антропоцентризме и «отвлечённом гуманизме».

Позже Одоевский как будто отходит от Шеллинга, но только чтобы по наитию отдать дань сочинениям И. Арндта, К. Эккартсгаузена, Л. К. Сен-Мартена, Дж. Пордеджа, Ф. К. Баадера, П. С. Балланша, авторов духовно-мистических, вполне релевантных шеллингианству.

Мыслитель приходит к убеждению, что в человеке слиты три «стихии» – верующая, познающая и эстетическая, поэтому в основу философии должны быть положены не только наука, но и религия с искусством. В их соединении и заключается содержание культуры, а их развитие образует смысл истории.

Одоевский подчёркивает: «мысль Руссо, что природа человека сама по себе прекрасна, отчасти недоговорена, отчасти ложна». Человек только тогда человек, когда он идёт наперекор природе. Он даже задаётся вопросом, не есть ли телесный организм не что иное, как болезнь духа? И если в познании и любви человек постепенно освобождается от состояния, созданного первородным грехом, то «в эстетическом развитии человека символически и пророчески преобразуется будущая жизнь ... которая даст ту цельность, какая была в Адаме до

грехопадения» [6]. В этом тезисе он сходится с Шиллером, усматривавшем именно в эстетике силу «восстановления» человека.

Особенно существенно для Одоевского утверждение символизма в природе как закона «отражения» одних явлений в других: «В природе всё есть метафора одно другого» [17, с. 444]. В этом отношении он приближается к метафизике Гёте, доказывая, что культура, порождённая рассудком, ослабляет в человеке его «инстинктуальные силы». У Одоевского познавательная функция выходит в область биологии – не случайно он, следуя Шеллингу, внимательно изучает явления магнетизма и сомнамбулизма.

За цельность познания ратовали и славнофилы, и православные богословы, видевшие духовную задачу в том, чтобы «возвести ум в сердце». Только Одоевский предполагает решение этой задачи за счёт врождённых идей, называемых им областью «предзнания» [10]. Он говорит о необходимости внутреннего самоуглубления и ждёт появления новой науки, которая преодолет специализацию и сформирует мировоззрение, которое было у М. В. Ломоносова, Ф. А. Каруса или И.-В. Гёте. Позже подобные идеи будет развивать Т. Гомперц в учении о «тотальной импресии».

Наука должна стать поэтической, и без художественного дара не овладеть тайнами мира. Идеалом смыслопорождения является для мыслителя искусство, а эстетическое восприятие является вершиной натурфилософского построения.

В искусстве, по мысли Одоевского, действует сила, которую, быть может, имели раньше все, но которая утеряна в рациональном мире. Из эстетического начала вытекает и моральная жизнь – в понимании единства эстетики и этики Одоевский близок к шиллеровской идее *Schone Seele*:

«Нравственность не есть цель поэзии, но я утверждаю, что поэт есть непременно человек нравственный» [16, с. 34].

С некоторого времени, вспоминал Одоевский, Шеллинг, которого он называл «Колумбом XIX века», перестал удовлетворять искателей истины, и они «разбрелись в разные стороны»: «Ему, – писал он в одном из писем, – я обязан привычкой все малейшие случаи, явления, мне встречающиеся, *родовать* – так перевожу я с французского слово *generaliser*, которого у нас по-русски до сих пор не было» [19, с. 64].

В зрелый период жизни Одоевский увлекается вопросами развития естествознания, и реальность для него открывается в фактах, а не в «интуициях». Однако С. Семёнова полагает, что Одоевский всю жизнь был захвачен, в сущности, шеллингианской идеей научного управления земной природой с помощью «ума небесного» и «поэтического инстинкта», предвосхищая идеи глобальной регуляции человечества [16, с. 36]. Прогресс человечества он при этом определяет уменьшением и исчезновением страданий человека. Мечта Одоевского о гармонической личности была, по сути, романтическим выражением потребности в социальном, национальном и человеческом единстве, которого он не наблюдал в действительности [15, с. 20].

Идея родства наук и искусств воспринималась современным обществом едва ли не как анахронизм. К тому же Одоевского всегда воспринимали в первую очередь как самобытного писателя. Заметим, что преданность немецкому идеализму отразилась и на литературных жанрах, им предпочтительных, – сказке, романтической повести, утопии, фантастике.

Особенностью его «таинственных повестей» было рациональное описание яко-

бы мистических фактов, которые, как утверждает один из его героев, если отбросить в сторону «странный предмет их», «покажутся хладнокровным описанием физического явления» [14, с. 29].

Например, в сюжете «Импровизатора» некий загадочный врач наделяет героя волшебным даром импровизации, но при этом «наказывает» его и другим даром – всё видеть и знать, вручив свиток, в котором «расчислены все силы природы». В результате герой захлёбывается в потоке обрушенной на него информации. Импровизации он уже сочиняет механически, а при встрече с любимой женщиной вместо чувств в её глазах видит лишь деятельность нервной и кровеносной систем. В «Сильфиде» главный персонаж, начитавшись магических книг, вдруг обнаруживает в сосуде с кристаллом розу, обращаясь затем прекрасной женщиной, которая, подобно нимфам и русалкам, уводит его в страну грёз, причём сам процесс мистификации между тем фиксируется в его дневниковых записях. Друзья вылечивают его «бульонной ванной», лишая ощущения счастья [15, с. 236, 284].

Одоевскому близки архетипические для эстетики романтизма темы – роковой разлад личности с окружающими, особое психологическое состояние, при котором возможно понять подлинный смысл происходящего, родство гениальности и сумасшествия и т.п. Но в отличие, например, от Н. Полевого, который эксплуатировал эти же сюжеты в своих сочинениях – «Живописец», «Аббадонна», «Блаженство безумия», повести Одоевского прежде всего оригинальны, а не подражательны.

Белинский, давая развёрнутую рецензию на изданные «Сочинения князя Одоевского», классифицирует его «малые жанры», определяя среди них таинственные и

дидактические, философские повести, в которых также развивается психологическая мысль о гении, носителе «апофеоза сумасшествия». Прежде всего к ним относятся сюжеты о композиторах, в том числе «Себастиан Бах» и «Последний квартет Бетховена», высоко оценённый и Пушкиным. Не упоминая Шеллинга по цензурным соображениям, критик говорит о влиянии Гофмана на философский роман «Русские ночи»: «Говоря о хаотическом состоянии науки и искусства Европы, Фауст в книге Одоевского много говорит справедливого и дельного, но взгляд его вообще тем не менее односторонен, парадоксален. Всё, что говорит он о преобладании опытных наблюдений и мелочного анализа в науках, всё это отчасти справедливо; тем не менее нельзя согласиться с ним, чтоб это происходило от нравственного гниения...» [14, с. 365].

Одоевскому удалось и непосредственно побеседовать с Шеллингом в Берлине, о чём сохранилась запись в путевом дневнике 1842 года. Он, в частности, излагает мнение Шеллинга по поводу гегельянства, которое «приводит многих к бездне отрицания и никого не удовлетворяет, уничтожая всякое реальное знание», отмечая, что на лекциях он имя Гегеля не произносит, употребляя при этом особое выражение – *eine Pseudophilosophie* [13].

Немецкий идеализм оказал существенное влияние на духовную атмосферу России первой половины XIX века, трансформируясь в менталитете русской интеллигенции последующих поколений, вплоть до Серебряного века. В нём прочно закрепилось понятие разумной воли из нравственного императива Канта – особой, таинственной способности суждения, близкой платоновской «экстатически-вдохновенной влюблённости в разум» [11, с. 18]. Шеллинг же

в своём определении разума как «мистики для рассудка» сближал его с эстетическим созерцанием.

Фихте, Шеллинг и Гегель, каждый по-своему, преодолевали феноменализм Канта, органически включая познающего субъекта в сверхиндивидуальное мировое единство. Но лишь Шеллинг в своей трансцендентной космологии продвинулся к живой вере как идеалу высшей разумности, но христианские истины при этом остались ему чуждыми, в связи с особенностью

протестантского воспитания. В эстетике некоторых русских шеллингианцев этот «недостаток» преодолевался, хотя и не всегда органично.

Зато эстетические принципы романтизма, коррелирующие с учением Шеллинга, широко и публично обсуждались в России, сохраняя лидирующие позиции в теории «чистого искусства», оказывая влияние и на развитие рационально-научной мысли, и на литературное и публицистическое творчество представителей «натуральной школы».

Примечания

1. *Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков / Академия наук СССР, Институт философии. Москва : Госполитиздат, 1947. 166 с.
2. *Асоян А. А.* «Почтите высочайшего поэта...» : судьба «Божественной комедии» Данте в России. Москва : Книга, 1990. 235 с.
3. *Бобров Е.* Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Выпуск VI. Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1902. 48 с.
4. *Гейне Г.* Стихотворения [Электронный ресурс] / пер. Т. Сильман. URL: <https://rbook.me/book/15931314/read/page/47/>
5. *Гулыга А. В.* Немецкая классическая философия. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва : Рольф, 2001. 416 с.
6. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/v_v_zenkovskiy/russkie_misliteli_i_evropa.html#0
7. *Иванов-Разумник Р. В.* ... История русской общественной мысли. 4-е издание. Тома 1–2. Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1914. 407 с.
8. История русской журналистики XVIII–XIX веков [Электронный ресурс] / под ред. А. В. Западова. Третье, исправленное издание. Москва : Высшая школа, 1973. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
9. *Лосский Н. О.* История русской философии. Москва : Высшая школа, 1991. 559 с.
10. *Марцева А. В.* Проблема философского языка в московском кружке Любомудров : автореферат дис. на соискание учёной степени кандидата философских наук : 09.00.03 / Марцева Анна Владимировна. Москва, 2005. 23 с.
11. *Мудрагей Н. С.* Рациональное и иррациональное: историко-теоретический очерк. Москва : Наука, 1985. 177 с.
12. *Огнев А. И.* «Система трансцендентального идеализма» Шеллинга [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/97_Ognev.pdf
13. *Одоевский В. Ф.* Беседа Одоевского с Шеллингом [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0270.shtml
14. *Одоевский В. Ф.* Последний квартет Бетховена : повести, рассказы, очерки. Одоевский в жизни / сост., вступ. ст., прим. В. Муравьева. Москва : Московский рабочий, 1987. 399 с.
15. Русская романтическая повесть (первая треть XIX века) / сост., общ. ред., вступ. ст. и комм. В. А. Грихина. Москва : Изд-во Московского университета, 1983. 480 с.
16. Русский космизм : антология философской мысли / сост., прим. С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой. Москва : Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.

17. Сакулин П. Н. ... Из истории русского идеализма : Книга В. Ф. Одоевский : Мыслитель. Писатель. Т. 1-. Москва : М. и С. Сабашниковы, 1913. 481 с.
18. Станкевич Н. В. Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / ред., [предисл.] и изд. Алексея Станкевича. Москва, 1914. 787 с.
19. Турьян М. А. Странная моя судьба: о жизни В. Ф. Одоевского. Москва : Книга, 1991. 400 с.
20. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : в 2 томах / пер. и предисл. А. Гулыги. Москва : Мысль, 1987. Том 1. 637 с.
21. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=263868HYPERLINK> «<https://www.litmir.me/br/?b=263868&p=1>»&HYPERLINK «<https://www.litmir.me/br/?b=263868&p=1>»p=1

References

1. Ananiev B. G. *Ocherki istorii russkoy psikhologii XVIII i XIX vekov [Essays on the History of Russian Psychology in the 18th and 19th Centuries]*. Moscow, State Literary Publishing House, 1947. 166 p.
2. Asoyan A. A. "Pochtite vysochayshego poeta...": sud'ba "Bozhestvennoy komedii" Dante v Rossii ["Honor the Highest Poet ...": the Fate of Dante's "Divine Comedy" in Russia]. Moscow, Publishing house "The Book", 1990. 235 p.
3. Bobrov E. *Filosofiya v Rossii. Materialy, issledovaniya i zametki. Vypusk VI [Philosophy in Russia. Materials, Research and Notes. Issue VI]*. Kazan, 1902. 48 p.
4. Geyne G. [Heine Heinrich] *Stikhotvoreniya [Poems]*. Available at: <https://rbook.me/book/15931314/read/page/47/>
5. Gulyga A. V. *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya [German Classical Philosophy]*. 2nd edition. Moscow, Publishing House "Rolf", 2001. 416 p.
6. Zenkovsky V. V. *Russkie mysliteli i Evropa [Russian Thinkers and Europe]*. Available at: https://royallib.com/read/v_v_zenkovskiy/russkie_misliteli_i_evropa.html#0
7. Ivanov-Razumnik R. V. ... *Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli. Toma 1–2 [... History of Russian Social Thought. Volumes 1–2]*. 4th edition. St. Petersburg, 1914. 407 p.
8. Zapadov A. V. *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov [History of Russian Journalism in the 18th – 19th Centuries]*. Available at: <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
9. Lossky N. O. *Istoriya russkoy filosofii [History of Russian Philosophy]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1991. 559 p.
10. Martseva A. V. *Problema filosofskogo yazyka v moskovskom krughe lyubomudrov. Avtoreferat diss. kand. filos. nauk [The Problem of Philosophical Language in the Moscow Circle of All-Wise People. Synopsis cand. philos. sci. diss.]*. Moscow, 2005. 23 p.
11. Mudragey N. S. *Ratsional'noe i irratsional'noe: istoriko-teoreticheskiy ocherk [Rational and Irrational: Historical and Theoretical Sketch]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1985. 177 p.
12. Ognev A. I. "Sistema transtsendental'nogo idealizma" Shellinga [Schelling's "System of Transcendental Idealism"]. Available at: http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/97_Ognev.pdf
13. Odoyevsky V. F. *Beseda Odoevskogo s Shellingom [Conversation between Odoevsky and Schelling]*. Available at: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0270.shtml
14. Odoyevsky V. F. *Posledniy kvartet Betkhovena: povesti, rasskazy, ocherki. Odoyevskiy v zhizni [Beethoven's Last Quartet: Novellas, Short Stories, Essays. Odoevsky in Life]*. Moscow, 1987. 399 p.
15. Grikhin V. A., ed. *Russkaya romanticheskaya povest' (pervaya tret' XIX veka) [Russian Romantic Tale (First Third of the 19th Century)]*. Moscow, Publishing House of the Lomonosov Moscow State University, 1983. 480 p.
16. Semenova S. G., Gacheva A. G., eds. *Russkiy kosmizm: antologiya filosofskoy mysli [Russian Cosmism: an Anthology of Philosophical Thought]*. Moscow, 1993. 368 p.
17. Sakulin P. N. ... *Iz istorii russkogo idealizma: Kniga V. F. Odoyevskiy: Myslitel'. Pisatel'. Tom 1 [... From the History of Russian Idealism: Book V. F. Odoevsky: The Thinker. The Writer. Volume 1]*. Moscow, 1913. 481 p.

18. Stankevich N. V. *Perepiska Nikolaya Vladimirovicha Stankevicha. 1830–1840* [Correspondence of Nikolai Vladimirovich Stankevich. 1830–1840]. Moscow, 1914. 787 p.
19. Turyan M. A. *Strannaya moya sud'ba: o zhizni V. F. Odoevskogo* [Strange Fate of Mine: About the Life of V. F. Odoevsky]. Moscow, Publishing House "The Book", 1991. 400 p.
20. Shelling F. V. Y. [Schelling Friedrich Wilhelm Joseph] *Sochineniya. V 2 tomakh, tom 1* [Works. In 2 volumes, volume 1]. Moscow, Mysl Publishers, 1987. 637 p.
21. Shelling F. V. Y. [Schelling Friedrich Wilhelm Joseph] *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=263868> HYPERLINK "https://www.litmir.me/br/?b=263868&p=1"&HYPERLINK "https://www.litmir.me/br/?b=263868&p=1"p=1

*

СЕМИОТИЧЕСКОЕ МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ В. Н. ТОПОРОВА КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 82.0+7.01

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10308

А. В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

Ведущий российский специалист по семиотике В. Н. Топоров был также создателем ряда техник интерпретации литературных произведений, которые никогда не рассматривались систематически. Одной из таких техник является медленное чтение поздних источников по духовной культуре России, подтверждающих определённое устройство механизмов семиотизации ключевых концептов культуры. Так, с целью подтвердить, что в России святость понималась как принцип реорганизации культуры, как не просто освящение быта, но и как придание ему новой динамики, Топоров читает повесть И. С. Шмелёва «Богомолье», отражающую народную религиозность второй половины XIX века. Медленное чтение, включающее парафразы и интерпретирующие комментарии, позволяет реконструировать, как концепт святости усваивался в тогдашней культуре, оказывался частью инкультурации. Но чтобы понять, как именно Топоров читает Шмелёва, необходимо медленное чтение его медленного чтения. Тогда проект Топорова оказывается не просто аналитическим, но синтетическим, показывающим, из каких именно впечатлений от искусства и быта складывалось общее представление о действии святости в культуре. При этом метод Топорова имеет определённые ограничения, связанные с недооценкой социального распределения ролей в этих процессах, театральности. Топоров сводит публичную сцену к действию профессиональных интенций. Дополнение метода Топорова исследованием перформативного социального поведения сделает его продуктивным методом современной культурологии.

Ключевые слова: В. Н. Топоров, И. С. Шмелев, святость, Святая Русь, социальная роль, социальный сценарий, русская культура, семиотика культуры, инкультурация.

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Miusskaya Sq. 6, 125993, Moscow, Russian Federation

THE SEMIOTIC CLOSE READING BY V. N. TOPOROV AS A METHOD OF STUDYING RUSSIAN SPIRITUAL CULTURE

The leading Russian semiotics specialist V. N. Toporov developed a number of techniques for interpreting literary works, never examined systematically by next generation of specialists. One of

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета, ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

MARKOV ALEXANDER VIKTOROVICH – D.Sc. in Philology, Professor at the Department of the Cinema and Contemporary Art, the Russian State University for the Humanities, ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

e-mail: markovius@gmail.com

© Марков А. В., 2020

these techniques was close reading of modern sources about the spiritual culture of Russia, confirming a certain structure of the mechanisms of semiotization of key cultural concepts. So, in order to confirm that in Russia, holiness was understood as the principle of reorganization of culture, as not just sanctification of life, but also as giving it a new dynamic, Toporov reads the narrative by I. S. Shmelev “Pilgrimage”, reflecting folk religiosity of the second half of the 19th century. Slow reading, including paraphrases and interpretive comments, allows to reconstruct how the concept of holiness was absorbed in the culture of that time, turned out to be element of inculturation. But in order to understand exactly how Toporov reads Shmelev, a close reading of his close reading would be the best. Then Toporov’s project proves to be not just analytical, but synthetic, showing exactly what impressions from art and life formed a general idea of the effects of holiness in Russian culture. Moreover, the Toporov’s method has certain limitations due to underestimating social distribution of roles in these processes and theatricality. Toporov often reduces public scenarios to professional intentions. Enhancing of Toporov’s method with study of performative social behavior will make it productive for new cultural studies.

Keywords: V. N. Toporov, I. S. Shmelev, holiness, Holy Russia, social role, social scenario, Russian culture, semiotics of culture, inculturation.

Для цитирования: Марков А. В. Семиотическое медленное чтение В. Н. Топорова как метод изучения русской духовной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 86–97. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10308

Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) был одним из ведущих в России специалистов по семиотике культуры, по взаимовлиянию языка и культуры и по устойчивости культурных форм, функционирующих как текст или контекст. Несомненные философские интересы учёного вели его к расширению понятия *текст*, которое, исходя из семиотического различия языка и текстов, обозначало у него не просто организацию смысловых единиц, приводящую к выполнению определённого сценария (эстетического или практического), но особую устойчивость ключевых концептов, которые могут воспроизвести сценарии действия культуры и инкультурации в разных контекстах, более того, превратить контексты в то, что он называл резонантным пространством [5]. При этом само исследование таких текстов не сводилось в его работах к исследованию ключевых концептов и их следствий, но представляло собой экспериментальную проверку того, как сам концепт образуется и обособляется среди различных, восходящих к архаической культу-

ре стратегий семиотизации и производства смыслов в культуре [4]. Развитие концепта было для него не вопросом перехода от донаучного к научному знанию, но вопросом той перспективы, в которую помещается сама семиотизация, в том числе духовной перспективы, в которой слово оказывается ритуальным и производящим те смыслы, которые одновременно восстанавливают и преодолевают первичный семиозис. Иначе говоря, вопрос о концепте был для Топорова близок вопросу о религиозно понимаемом спасении.

В свете этого было полностью оправдано обращение Топорова к концепту святости, его языковым истокам и действию в русской культуре. Согласно Топорову, этот концепт не просто определил некоторые свойства русской культуры, позволяющие говорить о Святой Руси или об особом интересе в русской культуре к духовным практикам, поддерживаемым некоторым сопряжением понятий как необходимых, но, по сути, и производил инкультурацию внутри этой культуры. Стать человеком куль-

туры, согласно Топорову, долгое время и означало встать в определённое отношение к святости, вне зависимости от того, достигало ли отдельное лицо святости в своей практической жизни. Топоров, по сути, мыслит как феноменолог, исходя из понятия интенциональности, а не как просто исследователь культуры, начинающий с различения закономерного и случайного в строении культуры. Для Топорова случайное может оказаться закономерным в высшем смысле, а закономерное оправдано тем, что оно позволило отнестись к себе исходя из случайных реакций, но входящих в эту инкультурацию.

При этом если такая интенциональность легко фиксируется в случае Петербургского текста русской культуры [11], где как раз культурная заинтересованность, обеспеченная известными и запоминающимися текстами, превратила Петербург из официальной и формализованной имперской столицы в место постоянной как бы случайной, но тем более верной инкультурации, то исследование святости затруднено относительной разрозненностью текстов, тем, что жития могут возникать не сразу и могут не вычлениваться из общего движения духовной литературы, входя наравне с Писанием и богослужением в общее запоминающееся духовное чтение. Поэтому Топоров закономерно обращается к поздним произведениям, которые наследуют житийной топики, но, по сути, исследуют и как производится житие, исследуя это ходом самого повествования, и как житие вычленивается в самостоятельное чтение, благодаря деятельности отдельных героев повествования. Таким текстом оказалась повесть И. Шмелёва, в которой изображается паломничество людей, предназначенных себя к святости, при этом подробно описывает-

ся ряд посредников, от лубочных изображений и икон святых с житием до выступлений духовно чтимых героев (плотника Горкина и старца Варнавы), обособляющих жития от других видов текстов.

Данная работа В. Н. Топорова [12] о повести И. Шмелёва «Богомолье» (1931) [13] необычна: она представляет собой комментирующий парафраз повести, с некоторыми пояснениями, взятыми в общую рамку противопоставления «святой» и «окаянной» Руси. Работа была опубликована отдельной тетрадью как приложение к двухтомному исследованию «Святость и святые в русской духовной культуре»: значительное внимание во втором томе уделяется делу и духовному наследию преподобного Сергия Радонежского, поэтому и цель приложения состояла в том, чтобы доказать, что Святая Русь как определённый образ жизни и образ миропонимания выстраивалась вокруг наследия преподобного Сергия и в последующие века, вплоть до революционного слома XX века. Троице-Сергиева Лавра и для людей эпохи Великих реформ (действие автобиографической повести Шмелёва происходит незадолго до убийства Александра II, и черты антинигилистического повествования в карикатурном изображении «охальников», деклассированных персонажей, в ней есть) оставалась желанным центром притяжения, так что Святая Русь одерживает символическую победу над «окаянной Русью» ещё по ходу движения к Лавре.

По сути, это Приложение раскрывает одну общую мысль большого труда В. Н. Топорова об интенциональности как основании святости, даже если у нас нет непрерывной традиции житий – Сергей Радонежский создал определённый способ существования Святой Руси, который благодаря определённым текстам становится ещё бо-

лее динамичным: тексты не легитимируют ту или иную роль святого, но требуют принять определённый взгляд, выработать определённое отношение к происходящему. Тогда повесть Шмелёва оказывается таким текстом, который только и может объяснить, как именно и на каком этапе житея может быть вычленено среди других текстовых явлений и одновременно – как превращение святости в текст, устав или правило обеспечивается производством новых текстов, включая сам текст повести Шмелёва. Этот вопрос о соотношении текста, устава и интенции и будет рассматриваться далее, на чём и будут показаны как возможности, так и ограничения подхода В. Н. Топорова для развития культурологии на современном этапе.

Иван Шмелёв создавал, конечно, памятник всей старой России, а не только счастливому детству. Прежде всего это видно в ключевом эпизоде автобиографического контекста: встреча со старцем Варнавой Гефсиманским, который напроорочил, по сути, публичную известность будущему писателю [13, с. 491]. Топоров специально не рассматривает этот эпизод, считая его просто частью знакомства мальчика с тройной святостью: святостью преподобного Сергия, святостью побывавшего у причастия в Гефсиманском ските Горкина, плотника и его, по сути, духовного наставника, и святостью Варнавы. Но на момент действия «Богомолья» Варнава был только несколько лет официальным духовником, принимающим исповедь, и хотя слух о нём мог распространяться среди паломников очень быстро, само представление о нём как о «прозорливце» явно принадлежало только самым благочестивым паломникам, таким как Горкин, и настоящая слава к этому старцу пришла позднее.

Удивительно, что, несмотря на то, что сам В. Н. Топоров мыслил приложение о Шмелёве как ключевое для всего своего громадного исследования по святости, к нему не обращались ни специалисты по Шмелёву, ни специалисты по Топорову. Так, Е. Н. Давыдова, интерпретируя панорамы Москвы у Шмелёва, ссылается на выводы учёного о панорамном принципе в изображении Москвы начиная с «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина [1, с. 51], но не на многочисленные наблюдения учёного над устройством панорам и оптики в «Богомолье». Е. К. Спасская указывает попутно, что Топоров понял идею богомолья в связи с идеей совести и пониманием совести Шмелёвым, но никак не развивает эту мысль [9, с. 189]. Е. Г. Озерова применяет подход Топорова в самом общем смысле, говоря о трансмедийности символов святости: в лирической прозе свет, звук и песнопения (связанные с ними лексемы, внушающие определённые образы) символизируют икону, а икона при применении детских словоупотреблений, обычных для произведений Шмелёва о старой России, символизирует святость [7, с. 30]. Близкое понимание того, как у Шмелёва выстраивается понятие святости, развивала Е. И. Лучина, считавшая, что при этом универсальным символом святости становится лампада, как и икона, тогда как остальные символы выступают как побочные [3, с. 31].

В. А. Сотков полагает, что «Богомолье» – это просто показательный выход праведников (плотника Горкина и Сергея Ивановича Шмелёва) из дома, где они и так праведны, Шмелёв описывает быт дома как близкий монастырскому, отец выступает как игумен, дающий всем устав и подчиняющий любые хозяйственные занятия некоторому регламенту [8, с. 60]. Т. А. Муратова,

напротив, настаивает на том, что христианское подвижничество героев началось только в самом паломничестве, которое она сопоставляет с исихастской практикой блюдения помыслов и откровения помыслов, видя во встрече со старцем Варнавой исполнение исихастского смысла произведения [6]. Наконец, есть попытки видеть в «Богомолье» историю подражания всех основных героев Сергию Радонежскому [10, с. 16–18]. Такое расхождение позиций исследователей повести говорит о том, что к методу Топорова надо обратиться специально, чтобы вскрыть то, как медленное чтение повести Шмелёва вскрывает границы подражания героев Сергию Радонежскому и одновременно раскрывает присутствие святости как продуктивного идеала в обобщающих текстах о ней.

Топоров называет тот способ видеть события, который предложил Шмелёв в своей повести, «рельефное видение» [12, с. 4] – восстановление лучшего в прошлом, особое переживание прошлого, «более обострённое», которое требует некоторой временной дистанции и опыта, в том числе книжного, в отличие от начального, как бы плоскостного восприятия. Понять, что означает «рельефное», помогают другие труды Топорова о скульптуре. Топоров различает не объёмную и рельефную скульптуру, а скульптуру (синоним статуи) и «рельефное» изображение [11, с. 217]. Отношение рода и вида заменено отношением двух разных оптических феноменов. В результате оказывается, что рельефное – это не вид пространственного восприятия, но особый переход от плоскостного восприятия к объёмному, который потом и будет прослеживаться в «Богомолье», как мы увидим, при обращении к предметам искусства, в частности гравюрам и иконам, в которых нужно перейти от

предчувствия святости к её непосредственному восприятию.

Топоров рассматривает «Богомолье» как календарную повесть, но особого типа, в сравнении со знаменитым циклом того же писателя «Лето Господне», где действуют те же праведники, отец мальчика-повествователя и плотник Горкин. В автобиографической прозе Шмелёва, согласно Топорову, говорится о действии святости, распределённой «по всему году в отмеченных точках его» [12, с. 6], иначе говоря, в чтимых народом праздниках. Тогда богомолье в день памяти преподобного Сергия Радонежского – только одна из таких точек, и «Богомолье» должно считаться только эпизодом в сравнении с «Летом Господним». Но Топоров настаивает и на своеобразии «Богомолья», и на уникальности этого произведения как философии Святой Руси. Поэтому он видит особенность произведения в том, что народ в нём оказывается не просто почитателем, но распорядителем праздника: «хозяин ... богомолья сам народ, он главное действующее лицо богомолья» [12, с. 7].

Нужно заметить, что для Топорова тема самостоятельности лица очень редкая, единственный раз она заявлена в истолковании того, как Иннокентий Анненский в качестве переводчика Еврипида заявлял тему Аполлона: так как в драматургии Еврипида Аполлон может быть реальным действующим лицом, меняющим ход действия, то и вклад Анненского в русский аполлинизм в том, что Аполлон стал не просто символом света, но и символом вступления света в действие, не просто занял определённое место в системе символов, но тоже ожил и стал осязаемым [11, с. 163]. Вообще, сравнение того, как Топоров трактует «аполлинизм» и «святость» в качестве сверхсимволов, способных менять облик

культуры, требует отдельного исследования, пока нам достаточно указать на то, что, несмотря на всю рельефность святостей, рассмотрение драматургии усвоения святости, а не интенциональности, может быть у Топорова ослабленным или недостаточным.

Такое понимание народа как *хозяина* богомолья потребовало от Топорова несколько сместить смысл экспозиции. В повести Шмелёва описывается обетное паломничество квалифицированного плотника Горкина, который только по ходу действия рассказывает мальчику, как стал причиной убийства по неосторожности и хочет искупить паломничеством этот грех невольный. Отец, как деловой человек, присоединяется к паломничеству только на последнем этапе, но поддерживает паломничество членов своей семьи, вероятно тем самым решив вознаградить своего любимого работника. Отец боится срыва подрядов из-за сенокосов, Горкин успокаивает его, что работники не сорвут сроки, и в конце концов отец доверяет Горкину, который как бы лучше знает, как распоряжаться в сложных ситуациях, а может быть, просто не имеет никаких рычагов воздействия на ситуацию.

Но Топоров пытается увидеть в действиях отца некоторую установку – он «делец новой формации, его отношение к договору, к слову иное» [12, с. 8]. Получается, что он должен согласиться со срывом договорённостей вопреки своей воле. Вообще, из текста это понимание никак не следует; отец боится, что «не в деньгах дело, а себя уроним», иначе говоря, на доходности предприятия никак не скажется, но на деловой репутации сказывается не только действительный срыв срока, но и намёки на срыв срока, слишком медленное выполнение отдельных этапов. Ни из чего не вытекает, что отец относился к договорённостям строже,

чем было принято прежде, и что он изменил тому доверию, на котором всё держалось раньше; речь только о том, что он рассматривал свою деятельность не как эффективную, а как публичную, как наблюдаемую отовсюду.

Такая замена рамки в медленном чтении повести Топоровым, с публичной на институциональную, видна и далее, например: «Собирается и компания. Напрашиваются в неё, ссылаясь, что вместе веселей идти будет» [12, с. 17]. У Шмелёва другое: «К нам напрашиваются в компанию – веселей идти будет» [13, с. 407]. Иначе говоря, повествователь Шмелёва видит здесь поворот драматургии, а Топоров усматривает пределы институционализации компании.

Точно так же Топоров трактует осмотр тележки для грузов паломников специалистом Бровкиным – как некоторое отставание институциональной позиции: специалист «напускает на себя важность». «Осмотр – тоже ритуал» [12, с. 17]. Но у Шмелёва ясно показано, что это публичные испытания, которые нужны для того, чтобы сценарий богомолья не сорвался [13, с. 406]. Повествователь Шмелёва видит здесь социальные ритуалы, тогда как Топоров видит здесь только столкновение институциональных позиций, по отношению к чему ритуал выступает как нечто служебное. Даже в неточных цитатах видно различие позиций: у Топорова – «Слёзы навёртываются на глазах» [12, с. 19], тогда как у Шмелёва – «слезы набегают в глазах» [13, с. 410], иначе говоря, где Топоров видит спонтанную реакцию обиды мальчика, некоторую институциональную рамку, там мальчик стыдится, не будет ли он публично выглядеть плаксой.

Топоров рассматривает оптику повести Шмелёва как дневную, как определяемую

интенцией паломников видеть яркий день и сияние святости [12, с. 19]. При этом от внимания уходит другое: представления повествователя, мальчика, отнюдь не являются представлениями открытого пространства. Хотя он видел у Горкина на крышке сундучка гравюру с изображением Лавры, его представление отличается от изображения на гравюре. Зная, что Лавра находится в лесу и что Сергей Радонежский, согласно житию, жил в лесу, мальчик представляет Лавру затерянной в лесной гуще, так что только верхушку колокольни можно разглядеть среди густого бора. Образы с гравюр и картинок определяют оптику мальчика, но отнюдь не оптику перспективного видения, а оптику *стаффажа*, при котором людские фигурки оказываются мелкими и особенностями контуров других предметов определяются этим как бы лесом мельтешащих впечатлений: «Грузно стоят они древними белыми стенами, с узенькими оконцами, в куполах. Пухлые купола клубятся. За ними – синь. Будто не купола: стоят золотые облака – клубятся. Тлеют кресты на них тёмным и дымным золотом. У соборов не двери – дверки. Люди под ними – мошки. В кучках сидят они, там и там, по плитам Соборной площади. Что ты, моя тележка ... и что я сам! Остро звенят стрижи, носятся в куполах, мелькая» [13, с. 416]. Этот стаффаж может превратиться в мир эмпатии только благодаря некоторому сценарному режиссёрскому вмешательству извне, что и делает, как мы увидим, Горкин.

Оптика, в которой не просто окружающая реальность определяется гравюрой, но в этой гравюре выделяются значимые и незначимые элементы, духовно существенное и декоративное, важна в ключевой эпизод повести, к которому мы ещё вернёмся, когда впервые Лавра видна с вы-

сокого места. Топоров объясняет, почему мальчик не узнал Лавру на подходе, тем, что у него было сверхвидение [12, с. 37]. На самом деле он не увидел над монастырём парящей иконы Троицы. Проще говоря, он просто не узнал мира гравюры и пытается увидеть икону Троицы на шпилье колокольни [12, с. 461]. Только Горкин регламентирует ситуацию смятения, объясняя, как устроен город Сергиев Посад и где, в каком соборе икона «Троица». Как видим, публичный сценарий регламентации здесь важен, тогда как попытка Топорова увидеть здесь только непубличное действие когнитивных инструментов оказывается недостаточно убедительной.

Такой отказ от учёта сценариев публичного взаимодействия в пользу частной интенции приводит и к другим недочётам такого медленного чтения. Так, Топоров заявляет, что в паломничестве ещё при прохождении через Москву происходит «встреча со всей Россией» [12, с. 20]. Но ведь определяет принадлежность паломников не только к Москве, но и ко всей России – кто рязанские, кто костромские – Горкин. Также мальчик не понимает шутку Феди, что самая жирная селёдка «духовного звания», именно потому что её не хочет понимать Горкин, вероятно, не хочет сердиться в самом начале паломничества. В конце концов, мальчик в выборе картинок или лубочных икон [12, с. 44] руководствуется вкусом Горкина, выбирая, в частности, «Страшный суд», который есть у Горкина в комнате. Это не оговаривается ни Шмелёвым, ни Топоровым, но ясно, что выбор образцов определяется тем, что принят регламент Горкина. Это только некоторые эпизоды, показывающие, что Горкин регулирует публичное восприятие святости, по отношению к которому позиция мальчика оказывается собранием

ем или веером частных интенций, а вовсе не какой-то особой детской прозорливостью при встрече со святостью.

Конечно, мальчика привлекает святость Лавры, яркость и полнота впечатлений, общее чувство святости как полноты жизни и исцеления всех калек и болеющих у святынь. Но не менее важно для повествователя, что в Лавре, как несколько раз повторено в повести, «церкви всегда открыты». Важно также, что Кремль не охраняется. Именно это привлекает мальчика в Лавре, что там можно всё осмотреть, а не просто увидеть, важно наличие публичной сцены, а не только частного намерения обрести святость. Вот почему Горкин становится в конечном счёте тем, кто регламентирует вкусы мальчика, он и является главным публичным деятелем, в отличие от отца мальчика, лучше разбирающегося во всех деловых вопросах и в современности, но ограниченно своим частным стыдом перед коллегами. У мальчика, как мы сейчас увидим, возникает более общий стыд, который и соединяет мир отца и мир Горкина в единую сцену публичного действия.

Важнее всего оказывается пространственный эпизод повести на постоялом дворе у Мытищ. Горкин, и в изложении Топорова это так, постоянно исправляет критическую ситуацию в этом сомнительном месте, то есть как нужно себя вести на дворе кабатчика Брехунова: не покупать святыни у случайных торговцев, а к Брехунову относиться не как к разбойнику и владельцу сомнительного трактира, пропуская мимо ушей его прибаутки. То есть Горкин – режиссёр, делающий Мытищи преддверием Лавры.

Но Топоров видит в этой ситуации не публичную сцену, а только соревнование, в котором побеждает Горкин как знаток и ревнитель святости: что Горкин отвечает

Брехунову «с достоинством» [12, с. 24], чего нет у Шмелёва, где Горкин отвечает за спутников и ведёт разговор так, что Брехунову приходится стать хвалителем собеседников паломников, «благолепие соблюдаете» [13, с. 422]. Иначе говоря, Горкин просто заставил Брехунова играть по правилам, и Брехунову понравилось играть роль.

Но у Топорова Брехунов не играет по правилам, а просто терпит поражение как профессионал и, «чтобы сгладить впечатление» [12, с. 24], то есть чтобы его не упрекнули в плохом профессионализме, знакомит мальчика с росписью трактира. Но у Шмелёва Брехунов просто отходит после перебранки со слугами; и мальчик чувствует стыд за себя, что он перед людьми явился в грязных сапожках. Стыдно ли Брехунову – не ясно. Иначе говоря, у Шмелёва Горкин навязывает свой благочестивый сценарий, а Топоров трактует это так, что Брехунов чувствовал, что не вписывается в какую-то большую ситуацию паломничества, и вслед за Брехуновым срывается и Горкин, не выдерживая суетливой атмосферы постоянного двора и атаки запойных пьяниц. У Топорова действуют только институциональные, профессиональные и психические механизмы, но не временное исчезновение стыда в публичном пространстве.

«Горкин кричит, уже не в себе» [12, с. 25] – один из двух случаев, когда цитата из Шмелёва не закодирована, а дана как часть парафраза. Это тоже ключевой момент рассуждения и медленного чтения. Из рассказа Шмелёва ясно, что искушение Горкина – разрыв дружбы с Брехуновым: он собирается с ним рассчитаться и порвать с ним, и ребёнок это понимает, говоря, что Горкин опомнился «словно проснулся» [13, с. 426]. Тогда как для Топорова Горкин осознаёт, что это было искушение, «уже уйдя», хотя

это взгляд мальчика, для которого Горкин только и владеет этим словом «искушение», и не прежде будет осознано искушение, чем Горкин примирится со своими. Для Топорова в этой сцене происходит расставание с окаянной Русью и верный путь к Святой Руси. Но, скорее, у Шмелёва Горкин не выдержал сценария и понял сразу, что действовал по чужому, дьявольскому сценарию, хотя этого не сказал, чтобы дьявола не поминать. Топоров исходит из того, что Горкин опять должен соединиться со Святой Русью паломников, что это провиденциально. Однако Шмелёв различает воспитание и применение чувств.

Неучёт работы Горкина как сценариста и режиссёра проявляется и в других рассуждениях Топорова, например, когда он замечает: «Мальчику горько, что он не видел всего этого» [12, с. 26] – слепцов и калек. На самом деле у Шмелёва сказано просто «не видел» [13, с. 430], иначе говоря, мальчик сожалеет, что проспал, а не что он не обратил внимания на чужое горе. Ведь дальше видно, что он на самом деле боится зрелища калек, а вовсе не расположен к нему, и только Горкин направляет его смотреть, воспитывая правильный стыд: стыдно не проспать, но отворачиваться от горя. Горкин всегда такой: соблюдая малейшие ритуалы, он воспринимает их просто как воспитание чувств, тогда как применение чувств уже будет далее, в помощи нищим; этот стародум и почти уставщик повести Шмелёва различает режиссёрскую работу над созданием публичного впечатления и дальнейшую прагматику спектакля.

Есть и другой пример, показывающий, что продуктивный метод медленного чтения В. Н. Топорова полезно дополнить различением воспитания и применения чувств. Про исток Яузы как аллегорическую

начальной невинности человека и грязи греха «Горкин рассказывает, будто из Священного Писания читает, и все богомольцы слушают его, приостанавливаются и просто прохожие» [12, с. 27]. У Шмелева просто сказано «из священного» [13, с. 432], то есть из житий, учитывая, что развёрнутые украшающие аллегории обычны для зачал житий. По сути, Горкин продолжает применять чувства, читая о Яузе так, чтобы христианизировать жизнь окружающих.

Горкина в повести принимают за священника, потому что говорит благочестивое, но и потому что фактически руководит сценой, где «охальники» получают по заслугам, то есть выступает как учитель, наставник. Топоров просто говорит, что «тут» подошли богомольцы, иначе говоря, наставничество оказывается только эффектом того, как направляется публика на богомолье. Интенциональный подход Топорова ослабляет размах того, что в повести делает Горкин.

Также красноречива другая незакавыченная цитата пересказа: «Горкин показывает: морковник, купырники, свербика, белоголовничек» [12, с. 28]. У Шмелёва Горкин так показывает приютившему на ночь их мужику, что он не хуже разбирается во всём крестьянском. У Топорова эта сцена трактуется как разговор со своими, как доверительная речь профессионалов, как институциональный ритуал, но не как перформативное действие Горкина. Иначе говоря, у Шмелева опять Горкин – сценарист, а у Топорова – просто паломник.

Напоследок опять вернёмся к ключевому эпизоду, когда мальчик видит Лавру сквозь утренний туман. Горкин и другие паломники через туман ничего не видят. Но всю компанию паломников нагоняет отец, называет сына выдумщиком. Как

мы видим, отец регламентирует способ видения святыни ещё сильнее, чем Горкин, который сомневается, может быть, Лавру и видно сквозь туман, и тогда к отцу и Горкину можно приложить идею парности святынь, которые дополняют друг друга в переходе от незнания к знанию [2]. Но для Топорова это «сверхреальное видение» [12, с. 35], это «чудо проницания в глубинное», в отличие от многих зрительных очевидностей, меняющее душу. Это оправдано интенциональным подходом при медленном чтении, но что здесь не так?

Дело в том, что образ Лавры, близкий цветной гравюре, а не общим представлениям о затерянной в густом бору колокольне, церкви и иконе, появляется у мальчика-повествователя только *после* этого разговора! «Радостная во мне тревога. Троица сейчас ... какая она, Троица? Золотая и вся в цветах? Будто дремучий бор, и большая-большая церковь, и над нею, на облачке, золотая икона – Троица. Спрашиваю у Горкина, а он только и говорит: “А вот увидишь”» [13, с. 458]. Иначе говоря, только публичная регламентация способов реалистического видения и определяет уже реалистическое, а не приблизительно-восторженное видение происходящего под влиянием произведений искусства. Никакая профессионализация интенции, вызванной произведением искусства, не создала бы того эффекта, который создал перехват режиссёрского распоряжения публичной сценой.

Таким образом, медленное чтение В. Н. Топорова оказывается очень продуктивным для понимания святости как фактора и духовной жизни в России Нового времени, и своеобразия текстов, посвящённых правилам и сценариям социальных взаимодействий ввиду благочестивого опы-

та одного и более участников. Метод Топорова очень важен для понимания того, как святость в качестве понятия и фактора жизни может вообще создавать сцены в литературе, не имеющие смысла как совокупность бытовых поступков, но имеющие духовный смысл как способ отнестись к самому устойчивому концепту русской культуры и создать пример этого отношения. Топоров убедительно показал, что оптика повествователя, в том числе повествователя-ребёнка, может определяться этими примерами, за которыми, при всём их разнообразии, раскрывается единая интенция.

Но подход медленного чтения в случае Топорова недостаточно учитывает типы и причины стыдливости в социальной жизни, а значит, специфику соотношения святости и стыда в русской культуре. Конечно, это не умаляет заслуг выдающегося учёного, который прекрасно понимал, что такое стыдливость, и подвёл нас к обсуждаемым проблемам: без его толкования Шмелёва мы бы просто не поставили всех этих вопросов, не заметив в Шмелёве ни стыдливости, ни бытовых поступков. Но для того, чтобы подход Топорова работал в полную силу, необходимо при анализе литературных произведений учитывать не только профессионально окрашенные интенции, которые и образуют режимы восприятия или неприятия святости, но и становление вокруг стыдливости того поля публичного действия, которое только и позволяет святости регулировать в том числе оптику рассмотрения её иконичных отображений. Именно учёт публичных сценариев показывает, как именно позиция повествователя становится критической и святость уже может не просто действовать, но и определять статусы и степень достоверности различных визуальных её отражений.

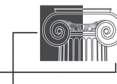

Примечания

1. Давыдова Е. Н. Мотив Дома в хронотопической структуре повести И. С. Шмелёва «Богомолье» // Сибирский филологический журнал. 2007. №. 1. С. 48–60.
2. Крошкина Л. В. Идея «парности» святых в житиях матери Марии (Скобцовой) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. №. 9. С. 37–48.
3. Лучина Е. И. Концептуализация грецизма православного дискурса *лампада* в художественном тексте (на материале творчества И. С. Шмелёва) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. № 3. С. 30–34.
4. Марков А. В. Культурная семиотика В. Н. Топорова как ресурс систематики усадебных исследований // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 69–73.
5. Марков А. В. Феноменологические аспекты структуралистского литературоведения В. Н. Топорова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 226–237. DOI: 10.17223/19986645/62/15
6. Муратова Т. А. Исихастская традиция как основа православного мировоззрения в повести И. С. Шмелева «Богомолье» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №. 1. С. 159–161.
7. Озерова Е. Г. Библизмы как стилистические маркеры лирикопрозаического текста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 23. №. 20 (191). С. 28–34.
8. Сотков В. А. Специфика образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелёва (на материале дилогии «Лето Господне» и «Богомолье») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №. 8-1 (62). С. 57–61.
9. Спаская Е. К. Отражение русской ментальности в слове. Концепт *совесть* в прозе И. С. Шмелёва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2005. №. 7. С. 188–193.
10. Терешкина Д. Б. Поэтика художественного отождествления Сергию Радонежскому в повести Ивана Шмелёва «Богомолье» // Современные проблемы науки и образования. 2015. №. 1-1. С. 12–38.
11. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
12. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Приложение V. Память о преподобном Сергии: Иван Шмелёв – «Богомолье». Москва : Языки русской культуры, 1998. 48 с.
13. Шмелёв И. С. Богомолье // Собрание сочинений : в 5 томах. Москва : Русская книга, 1998. Том 4. С. 391–518.

References

1. Davydova E. N. Motiv Doma v khronotopicheskoy strukture povesti I. S. Shmeleva “Bogomol’e” [The Motive of the House in the Chronotopic Structure of the Novel by I. S. Shmelev “Pilgrimage”]. *Siberian Journal of Philology*. 2007, no. 1, pp. 48–60. (In Russian)
2. Kroshkina L. V. The Idea of “Paired Relationship” in the Hagiography of Mother Maria (Skobtsova). *RGGU bulletin. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies*. 2017, no. 9, pp. 37–48. (In Russian)
3. Luchina E. I. Conceptualization of a Greek orthodox Discourse Loan Word Lampade in Fiction (on the Works of I. S. Shmelyov). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 2011, vol. 11, no. 3, pp. 30–34. (In Russian)
4. Markov A. V. Vladimir N. Toporov’ Cultural Semiotics as Resource for System Approach in Manorial Studies. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*. 2019, no. 2 (39), pp. 69–73. (In Russian)
5. Markov A. V. Phenomenological Aspects of Structuralist Literary Studies by Vladimir Toporov. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2019, no. 62, pp. 226–237. DOI: 10.17223/19986645/62/15 (In Russian)

6. Muratova T. A. The Hesychast Tradition as the Basis of the Orthodox World in the Novel of Ivan Shmelev “The Pilgrimage”. *Modern Science: actual problems of theory and practice*. 2018, no. 1, pp. 159–161. (In Russian)
7. Ozerova E. G. Bibleizmy kak stilisticheskie markery lirikoprozaicheskogo teksta [Biblicalisms as Stylistic Markers of a Lyricoprozaic Text]. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities*. 2014, vol. 23, no. 20 (191), pp. 28–34. (In Russian)
8. Sotkov V. A. Specificity of the Image of a Character-Saint in I. S. Shmelyov’ the Creative Work (By the Material of Duology “The Summer of the Lord” and “Pilgrimage”). *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2016, no. 8-1 (62), pp. 57–61. (In Russian)
9. Spasskaya E. K. Reflection of the Russian Mentality in a Word. The Concept Conscience in I. S. Shmelev’s Prose. *Russian Journal of Linguistics*. 2005, no. 7, pp. 188–193. (In Russian)
10. Tereshkina D. B. Poetika khudozhestvennogo otozhdestvleniya Sergiyu Radonezhskomu v povesti Ivana Shmeleva “Bogomol’e” [Poetics of Artistic Identification of Sergius of Radonezh in the novel by Ivan Shmelev “Pilgrimage”]. *Modern problems of science and education*. 2015, no. 1-1, pp. 12–38. (In Russian)
11. Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]*. St. Petersburg, Art Publishing House, 2003. 616 p. (In Russian)
12. Toporov V. N. *Svyatost’ i svyaty v russkoy dukhovnoy kul’ture. Prilozhenie V. Pamyat’ o prepodobnom Sergii: Ivan Shmelev – “Bogomol’e” [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. Appendix V. Memory of St. Sergius: Ivan Shmelev – “Pilgrimage”]*. Moscow, LRC Publishing House, 1998. 48 p. (In Russian)
13. Shmelev I. S. Bogomol’e [Pilgrimage]. In: Shmelev I. S. *Sobranie sochineniy. V 5 tomakh, tom 4 [Selected Works. In 5 volumes, volume 4]*. Moscow, Publishing House “Russian Book”, 1998. Pp. 391–518. (In Russian)

*

СТАНОВЛЕНИЕ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО КЛУБА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

УДК 130.2:94(47)

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10309

С. И. Шошина

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

В статье акцентируется внимание на феномене трансформации аристократического клуба из инокультурного заимствования в неотъемлемый самовоспроизводящийся элемент культуры российского дворянства. Объектом исследования является исторический процесс становления и развития аристократического клуба в России. Элементы историко-культурного и сравнительно-исторического анализа позволяют выявить класс идентичных явлений, характеризующих развитие аристократического клуба, и осуществить их культурологическую атрибуцию в российской и европейской культурах. В результате можно утверждать, что, во-первых, аристократический клуб к началу XIX века стал неотъемлемым элементом российской культуры, а во-вторых, в первой половине XIX века происходит смена парадигмы культурного развития от импорта (заимствования) форм европейской культуры к их использованию в самовоспроизводстве и ретрансляции русской культуры, что во второй половине XIX века привело к уже экспорту в Европу её достижений.

Ключевые слова: социокультурная деятельность, досуг, аристократический клуб, дворянство, европейская культура, русская культура, культурологическая атрибуция.

Svetlana I. Shoshina

D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Kosmonavtov str., 2, 129366, Moscow, Russian Federation

FORMATION OF AN ARISTOCRATIC CLUB IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The article focuses on the phenomenon of the transformation of an aristocratic club from foreign cultural borrowing into an integral self-reproducing element of the culture of the Russian nobility. The object of the research is the historical process of the formation and development of an aristocratic club in Russia. Elements of historical-cultural and comparative-historical analysis make it possible to identify a class of identical phenomena that characterize the development of an aristocratic club, and to carry out their culturalogical attribution in Russian and European cultures. As a result, it can be argued that: firstly, the aristocratic club by the beginning of the 19th century. became an integral part

ШОШИНА СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА – аспирантка Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

SHOSHINA SVETLANA IGOREVNA – PhD student, the D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage

e-mail: kyara76@mail.ru

© Шошина С. И., 2020

of Russian culture, and secondly, in the first half of the 19th century there is a change in the paradigm of cultural development from import (borrowing) forms of European culture to their use in self-reproduction and retranslation of Russian culture, which in the second half of the 19th century has already led to exports to Europe her achievements.

Keywords: social and cultural activity, leisure, aristocratic club, nobility, European culture, Russian culture, culturalogical attribution.

Для цитирования: Шошина С. И. Становление аристократического клуба дореволюционной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 98–106. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10309

В отечественной теории досуговой и социокультурной деятельности достаточно много внимания уделяется осмыслению позитивного опыта советской клубной системы (Ю. А. Стрельцов [16], Г. Н. Яковлева [23], Н. Г. Кулинич [10], Т. М. Смирнова [15] и другие). Исторический аспект развития клубов и вольных обществ в дореволюционный период часто выпадает из орбиты внимания в силу серьёзных различий отношения власти к клубам в царское и советское время. Хотя целостный социокультурный подход к феномену клуба (В. В. Туев [17], Л. В. Завьялова [7], Н. Н. Ярошенко [24] и другие) раскрывает исторические истоки клубного движения как неотъемлемого самовоспроизводящегося элемента культуры. В частности, один из основоположников современной отечественной теории социокультурной деятельности заслуженный работник культуры России, доктор педагогических наук, профессор В. В. Туев отмечает: «Истоки ... клуба восходят к древнегреческим гетериям, древнеримским коллегиям, английским кофейням, русским трактирам ... Изучение антологии клубной жизни даёт знания не только о прошлом клуба, но и основательно оснащает нас в настоящем, позволяет более вариативно конструировать будущие модели клуба» [17, с. 3–4]. Развивает эту мысль доктор педагогических наук, профессор Н. Н. Ярошенко: «Истори-

ческие исследования социально-культурной деятельности являются основой для формирования прогноза дальнейшего развития этого явления в России» [24, с. 115], – подчёркивая, что они (исследования) призваны «закреплять, накапливать и трансформировать социальный опыт, передаваемый в особых формах самодетерминированной деятельности людей в условиях свободного времени» [24, с. 123].

Исходя из общей сверхзадачи теории социокультурной деятельности, хотелось бы акцентировать внимание на трансформации аристократического клуба из инокультурного заимствования в неотъемлемый самовоспроизводящийся элемент культуры российского дворянства.

Объект исследования – исторический процесс становления и развития аристократического клуба в России. Предмет исследования – трансформация заимствованной культурной формы аристократического клуба в культурную традицию российского дворянства.

Методология исследования опирается на деятельностный и функциональный подходы анализа явлений культурной жизни, позволяющие идентифицировать отдельные её элементы по функциональной нагрузке (М. С. Каган [8], В. В. Туев [17], А. Я. Флиер [20] и другие), с учётом разработанности социокультурной теории праздного клас-

са [5], антропологической концепции обрядов перехода [4], культурологических представлений о сущности культурной жизни [9] и её практической реализации [6]. Элементы историко-культурного и сравнительно-исторического анализа позволяют не только выявить класс идентичных явлений, но и осуществить их культурологическую атрибуцию в рамках сложившихся представлений о различных культурных системах. В силу того, что применяемый метод культурологической атрибуции пока остаётся в недостаточной степени отрефлексирован, в том числе есть расхождения в его наименовании: «культурная» [19, с. 139] или «культурологическая» [2, с. 284] атрибуция, – уточним его особенности.

Отечественный культуролог, один из ведущих теоретиков Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, доктор философских наук, профессор А. Я. Флиер на базе деятельностного подхода оперирует понятиями культурного артефакта [11, с. 34] и культурной формы [12, с. 307]. Первый является продуктом культурной деятельности по реализации некоторой абстракции, идеи данного продукта. В теоретическом плане культурная форма или форма культуры является абстрактным конструктом типических свойств множества реальных артефактов, обладающих общими и уникальными свойствами, то есть абстракцией, идеей, феноменом нематериальной культуры. А в повседневности, как отмечает Г. В. Бакуменко, подобный уровень абстрактного представления о реальности реализуется в придании конкретным артефактам общих атрибутивных свойств в непосредственной деятельности [3, с. 21–22]. Прежде всего речь идёт о процедуре соотнесения некоторого артефакта, в на-

шем случае клуба, с определённой культурой (или культурами). Как указывает А. Я. Флиер, в отличие «от художественной и исторической атрибуции, стремящихся к установлению индивидуальных признаков каждого объекта» [19, с. 140], данная процедура устанавливает типичные свойства и их нормативность, но вместе с тем отличается от типологизации, поскольку нацелена не столько на комплексное структурирование наблюдаемых свойств объекта, сколько на изучение его «культурно значимых свойств по степени их выраженности и функциональной эффективности в разных объектах» [19, с. 140]. Если А. Я. Флиер подробно описывает данный метод и отграничивает его от схожих в теоретическом знании, то Г. В. Бакуменко обосновывает терминологическое уточнение, отграничивая теоретический метод от аналогичных мыслительных процедур в повседневности, и приходит к заключению, что в обыденном опыте подобную процедуру уместнее считать культурной атрибуцией, а в теоретическом – культурологической [3, с. 22.].

Последнее уточнение представляется уместным, поскольку, безусловно, в исторической повседневности члены клубов так или иначе ассоциировали себя с уникальной клубной атрибутикой, что влияло на их персональную и коллективную аккультурацию некой культурной формы, на реализацию её в культурном артефакте. То есть культурная атрибуция, и в этом мы согласны с Г. В. Бакуменко, обнаруживается как элемент культурной жизни, а для теоретической процедуры, в том числе уточняющей культурные истоки обыденной культурной атрибуции (*cultural attribution*), необходим более точный термин – культурологическая атрибуция (*culturalological attribution*).

Выделяя наиболее раннее столетие в развитии институтов отечественного гражданского общества (1760–1860), некоторые учёные справедливо полагают определённым Рубиконом прецедент легализации в 1765 году Вольного экономического общества [14], очевидно существовавшего до его официального признания на общественных началах в форме светского клуба. То, что вслед за этим узаконивается статус Петербургского Английского клуба (1777), имевшего свою предысторию, позволяет судить и о предыстории экономического общества, тем более что по меньшей мере два обстоятельства свидетельствуют о справедливости предположения.

Во-первых, многие европейские культурные обычаи в российском светском обществе были «посеяны» Петром I, включая традицию аристократического клуба, которая первоначально была тесно связана с бальной культурой. Но уже в эпоху Дворцовых переворотов (1725–1762) [1] аристократический клуб, проявивший себя в том числе и в качестве грозной политической силы, существует как самостоятельный социокультурный феномен, имеющий чётко очерченные структурные контуры самоорганизации.

Ассамблеи Петра Великого были вплетены в официальную придворную жизнь. И немаловажную роль в их популяризации в аристократических кругах сыграл «парад статусов»: сам Император был статусным центром, затем шёл его ближний круг, который формировался уже не по роду, как в Московии, а по вкладу каждого в продвижение великих реформ, то есть в величие (в статус) Петра и Российской империи, периферия же формировалась из остальных, претендующих и стремящихся к приближению к персоне Императора. Организация

светских приёмов, включавших балы, застолья и увеселительные мероприятия по примеру дворцовых ассамблей, уже при Петре стала популярным аристократическим занятием, опиравшимся на «парад статусов», в центре которого оказывался организатор «веселья». Отдельные фавориты (победители «парада статусов») среди организаторов многочисленных ассамблей определялись богатством и статусным уровнем собравшихся на мероприятие. Механизм социальной самоорганизации клубной культуры, таким образом, был запущен ещё Петром. Аристократический клуб формировался вокруг центральной фигуры (фаворита ассамблей) и со временем преодолевал рамки отдельного мероприятия. Вокруг наиболее популярных ассамблей разворачивались незримые баталии (мероприятия по подготовке к предстоящему балу) стремящейся к возвеличиванию и утверждению собственного светского статуса аристократии. Ближний круг ассамблеи и был прототипом светского клуба, в который стремились попасть все остальные. В результате, как замечает А. В. Шипилов, ко времени восшествия Екатерины Великой на престол «официальные служебные и частные родственно-товарищеские отношения теснейшим образом переплетались друг с другом – непотизм был нормой и неизбежным следствием специфики дворянского образа жизни» [21, с. 171].

Во-вторых, через «прорубленное окно» в светскую жизнь Петербурга хлынул и поток представителей тайных обществ, составлявших важную часть общественно-политической жизни Европы ещё со времени раннего Средневековья [22]. Так, например, тайная связь «Mystery and Company of Merchant Adventurers for the Discovery of Regions, Dominions, Islands, and Places

unknown» [13, с. 286], имевшей беспрецедентную торговую монополию на российских землях и существенные привилегии ещё со времён Ивана Грозного (Muscovy Company, 1551), благодаря поставкам английского пороха и огнестрельного оружия, с лидерами индипендентов спровоцировала Алексея Михайловича Тишайшего на закрытие Английского дома в Москве и изгнание концессионеров этой компании из столицы под страхом жестокой расправы [25, р. 231–234]. С тех пор Москва вплоть до смены её столичного статуса яростно боролась с любыми «европейскими обществами», видя в них угрозу тесной связи православной церкви и монархии. Противостояние же Петра с церковниками, продиктованное его стремлением добиться европейского признания российской монархии в ряду ведущих держав, образовало нишу для светского общества за пределами церкви, в которой и развернулись тайные дипломатические и политические интриги. В центре этих интриг оказывались не только официальные иностранные дипломаты, но и миссионеры европейских тайных обществ, представлявшие (часто, но не исключительно) одно и то же лицо. Они-то и использовали сложившиеся в Европе клубные формы формирования тайных «политических партий» для достижения собственных целей.

Диспозиция европейских культур российской позволяет феномен российского аристократического клуба атрибутировать с европейским влиянием. Результатами интервенции европейской культуры в сферу российского дворянства стало, с одной стороны, формирование и укрепление светского общества за пределами церкви, а с другой – языковая и культурная ассимиляция российского дворянства, формирование особой аристократической идентичности, вы-

раженной не только в организации досуга на европейский манер, но и разрывом семантических связей с традиционными для Московии культурными практиками.

Культурные трансформации дворянства в доекатерининскую эпоху носили сложный синкретичный, но многоплановый характер. Политизация аристократического клуба в борьбе за петровское наследие свидетельствует в том числе о синкретизме культурной и политической жизни придворного общества. Вернее было бы идентифицировать феномен постпетровского периода, как *протоклуб* – прототип аристократического клуба, расцветшего в полной мере уже при Екатерине I. Основной характерной чертой протоклуба следует обозначить именно синкретизм досуговых, матримониальных, просветительских, политических, дипломатических и прочих культурных практик, в рамках которых он формировался как устойчивое социокультурное явление, приведшее позже к дифференциации аристократического клуба по различным интересам.

Обозначив полувековой период становления российского аристократического клуба (протоклуба) в доекатерининскую эпоху, нельзя не отметить, что столетие развития аристократического клуба вплоть до отмены крепостного права не однородно. Значительным историческим событием стала Отечественная война 1812 года, результаты которой повлияли как на положение России в международном пространстве, так и на внутренние социокультурные процессы.

Волна патриотических чувств, охватившая аристократическое общество в начале XIX века, заставила его вспомнить родной язык («Дружеское литературное общество», «Дружеское общество любителей изящного» (1801), «Арзамасское общество

безвестных людей», известного как «Арзамас» (1815–1818), целью которого изначально была ирония и сатира в адрес литературного общества «Беседа любителей русского слова» (1811–1816) Г. Р. Державина [18]). Москва не только сохранила накопленный уникальный потенциал русской культуры, но и постепенно составила оппозицию «европейничеству» Северной Пальмиры. Чрезвычайно тонко Л. Н. Толстой в своей бессмертной эпопее «Война и мир» обрисовывает то, как светское российское общество сизнова училось мыслить по-русски (по-московски). Толстой в своём романе свидетельствует в том числе и о том, что аристократический клуб к началу XIX века выделился из бальной культуры и избавился от моды на «заговоры» эпохи дворцовых переворотов. Он обрёл свою уникальную форму частного досугового «салонного» учреждения (как для мужчин, так и для женщин) в пространстве культурной жизни российской аристократии и важную социальную функцию ретранслятора этических и эстетических норм дворянства. Принятие молодого дворянина в клуб стало частью его социализации, девицы же только после замужества могли поощать «салоны» известных дам или орга-

низовывать собственные. Содержательную сторону клубного досуга аристократии составляли настольные игры, поэтические рауты, музицирование, обсуждение книг, философствование, театральные постановки и «капустники», представления (беседы-знакомства) знаменитостей (среди которых были поэты и литераторы, артисты, учёные и философы, военачальники и путешественники). Успех дебюта начинающего литератора или артиста в одном из таких салонов означал начало карьеры художника в российском обществе.

Таким образом, во-первых, аристократический клуб к началу XIX века стал неотъемлемым самовоспроизводящимся элементом культуры российского дворянства, а во-вторых, в первой половине века происходит смена парадигмы культурного развития от импорта (заимствования) форм европейской культуры к их инструментальному использованию в механизмах самовоспроизводства и ретрансляции русской культуры, что во второй половине века привело к уже экспорту в Европу достижений отечественной художественной культуры. Роль аристократического клуба в своего рода ре-русификации дворянства трудно переоценить.

Примечания

1. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века : Борьба за наследие Петра. Москва : Мысль, 1986. 239 с.
2. Архангельский Ю. Е., Найдено М. К., Лях В. И. Сущностные противоречия советской культуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 282–293. DOI: 10.17223/22220836/31/29
3. Бакуменко Г. В. Символизация успеха в современном кинематографе : дис. на соискание учёной степени кандидата культурологии : 24.00.01 / Бакуменко Геннадий Владимирович. Краснодар, 2019. 285 с.
4. Ван Геннеп А. Обряды перехода : Систематическое изучение обрядов / пер. Ю. В. Иванова, А. В. Покровская. Москва : Восточная литература, 1999. 198 с.
5. Веблен Т. Б. Теория праздного класса / пер. с англ. С. Г. Сорокина. Москва : Прогресс, 1984. 367 с.
6. Горлова И. И., Коваленко Т. В., Бычкова О. И. Культурная жизнь российской провинции: состояние, тенденции, противоречия (на примере Краснодарского края) // Вестник Томского

- государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 23–32. DOI: 10.17223/22220836/30/3
7. Завьялова Л. В. Петербургский Английский клуб, 1770–1918 : Очерки истории. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. 200 с.
 8. Каган М. С. Философия культуры. Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. 414 с.
 9. Коваленко Т. В. Культурная жизнь регионов Юга России: институты, практики и пути формирования единого культурного пространства // Конференция «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» в рамках международного форума – фестиваля народного творчества «Кавказ – единая семья», «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», Форума центров традиционной культуры народов России «Мой Дагестан» : сборник докладов. Дербент : Республиканский Дом народного творчества «Крепость», 2016. С. 66–84.
 10. Кулинич Н. Г. Роль рабочих клубов в организации досуга горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2017. № 1. С. 46–55.
 11. Культурология. XX век : энциклопедия / гл. ред., сост. С. Я. Левит. Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. Том 1. 447 с.
 12. Культурология. XX век : энциклопедия / гл. ред., сост. С. Я. Левит. Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. Том 2. 446 с.
 13. Лебедев Н. К. Завоевание Земли : Великие географические открытия от Одиссея до Лаперуза. Москва : Центрполиграф, 2002. 509 с.
 14. Петриков К. А. «Императорское общество»: проблема взаимоотношений Екатерины II и Вольного экономического общества в «Трудах вольного экономического общества» // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 15–23. DOI: 10.17223/19988613/47/2
 15. Смирнова Т. М. становление советских польских клубов и дома просвещения в Петрограде – Ленинграде (1918–1920-е гг.) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 4 (26). С. 69–87.
 16. Стрельцов Ю. А. Развитие теоретических основ просветительской деятельности советских клубов : автореф. дис. на соискание учёной степени доктора педагогических наук : 13.00.05 / Стрельцов Юрий Андреевич. Москва, 1989. 44 с.
 17. Туев В. В. Феномен клуба: историко-педагогический анализ : автореф. дис. на соискание учёной степени доктора педагогических наук : 13.00.05 / Туев Виктор Владимирович. Москва, 1998. 52 с.
 18. Тургенев А. И. Хроника Русского ; Дневники (1825–1826 гг.) / ред. М. И. Гиллельсон. Москва ; Ленинград : Наука, 1964. 624 с.
 19. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.
 20. Флиер А. Я. Культурогенез. Москва : РИК, 1995. 128 с.
 21. Шипилов А. В. Предыстория гражданского общества в России // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С. 170–177.
 22. Шустер Г. История тайных обществ, союзов и орденов : в 2 книгах / [пер. с нем. О. Волькнштейн]. Москва : Айрис-пресс, 2005. Книга 2. 382 с.
 23. Яковлева Г. Н. Клубы и культурно-просветительные кружки латышского населения Витебщины в первое десятилетие советской власти // Искусство и культура. 2012. № 1 (5). С. 58–67.
 24. Ярошенко Н. Н. Основные этапы историко-педагогических исследований социально-культурной деятельности в России конца XIX – начала XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 114–127. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10210
 25. Longworth P. (1984) *Alexis, Tsar of All the Russias*. F. Watts : 305.

References

1. Anisimov E. V. *Rossiya v seredine XVIII veka: Bor'ba za naslediyе Petra [Russia in the Middle of the 18th Century: Struggle for the Legacy of Peter]*. Moscow, Mysl Publishers, 1986. 239 p. (In Russian)

2. Arkhangelsky Yu. E., Naidenko M. K., Lyakh V. I. Soviet Culture: the Nature and Contradictions. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2018, no. 31, pp. 282–293. DOI: 10.17223/22220836/31/29 (In Russian)
3. Bakumenko G. V. *Simvolizatsiya uspekha v sovremennom kinematografe. Diss. kand. kul. [Symbolization of Success in Modern Cinema. Cand. cult. st. diss.]*. Krasnodar, 2019. 285 p. (In Russian)
4. Van Gennep A. *Obryady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obryadov [Rites of Transition: A Systematic Study of Rites]*. Moscow, “Vostochnaya Literatura” Publishers, 1999. 198 p. (In Russian)
5. Veblen T. B. *Teoriya prazdnogo klassa [The Theory of the Leisure Class]*. Moscow, Progress Publishers, 1984. 367 p. (In Russian)
6. Gorlova I. I., Kovalenko T. V., Bychkova O. I. Cultural Life of the Russian Province: State, Trends, Contradictions (by the Example of the Krasnodar Region). . *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2018, no. 30, pp. 23–32. DOI: 10.17223/22220836/30/3 (In Russian)
7. Zavyalova L. V. *Peterburgskiy Angliyskiy klub, 1770–1918: Ocherki istorii [Petersburg English Club, 1770–1918: Essays on History]*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publishing House, 2008. 200 p. (In Russian)
8. Kagan M. S. *Filosofiya kul'tury [Philosophy of Culture]*. St. Petersburg, Publishing house of “Petropolis”, 1996. 414 p. (In Russian)
9. Kovalenko T. V. Kul'turnaya zhizn' regionov Yuga Rossii: instituty, praktiki i puti formirovaniya edinogo kul'turnogo prostranstva [Cultural Life of the Regions of the South of Russia: Institutions, Practices and Ways of Forming a Single Cultural Space]. In: *Konferentsiya “Kul'turnoye nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya” v ramkakh mezhdunarodnogo foruma – festivalya narodnogo tvorchestva “Kavkaz – edinaya sem'ya”, “Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya”, Forum tsentrov traditsionnoy kul'tury narodov Rossii “Moy Dagestan” [Conference “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource of Interethnic Harmony” in the Framework of the International Forum – Festival of Folk Art “Caucasus – One Family”, “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource Of Interethnic Harmony”, Forum of Centers of Traditional Culture of the Peoples of Russia “My Dagestan”]*. Derbent, Publishing House of the Republican House of Folk Art “Fortress”, 2016. Pp. 66–84. (In Russian)
10. Kulinich N. G. Rol' rabochikh klubov v organizatsii dosuga gorozhan sovetского Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gg. [The Role of Workers' Clubs in Organizing Leisure Activity for the Townspeople of the Soviet Far East in the 1920th – 1930th]. *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost' [The Main Trends in the State and Social Development of Russia: History and Modernity]*. 2017, no. 1, pp. 46–55. (In Russian)
11. Levit S. Ya., ed. *Kul'turologiya. XX vek: entsiklopediya. V 2 tomakh, tom 1 [Culturology. XX Century: an Encyclopedia. In 2 volumes, volume 1]*. St. Petersburg, University Book Publishing House, 1998. 447 p. (In Russian)
12. Levit S. Ya., ed. *Kul'turologiya. XX vek: entsiklopediya. V 2 tomakh, tom 2 [Culturology. XX Century: an Encyclopedia. In 2 volumes, volume 2]*. St. Petersburg, University Book Publishing House, 1998. 446 p. (In Russian)
13. Lebedev N. K. *Zavoevanie Zemli: Velikie geograficheskie otkrytiya ot Odisseya do Laperuza [Conquest of the Earth: Great Geographical Discoveries from Odysseus to La Perouse]*. Moscow, Publishing House “Centropoligraf”, 2002. 509 p. (In Russian)
14. Petrikov K. A. “Imperial Society”: Relationship between Catherine II and the Free Economic Society in the “Trudy”. *Tomsk State University Journal of History*. 2017, no. 47, pp. 15–23. DOI: 10.17223/19988613/47/2 (In Russian)
15. Smirnova T. M. The Formation of Soviet Polish Clubs and the House of Education in Petrograd – Leningrad (1918–1920s). *Philosophy and Humanities in the Information Society*. 2019, no. 4 (26), pp. 69–87. (In Russian)
16. Streltsov Yu. A. *Razvitie teoreticheskikh osnov prosvetitel'noy deyatel'nosti sovetskikh klubov. Avtoreferat diss. dok. ped. nauk [Development of the Theoretical Foundations of the Educational Activity of Soviet Clubs. Synopsis dr. ped. sci. diss.]*. Moscow, 1989. 44 p. (In Russian)

17. Tuev V. V. *Fenomen kluba: istoriko-pedagogicheskiy analiz. Avtoreferat diss. dok. ped. nauk [Phenomenon of the Club: Historical and Pedagogical Analysis. Synopsis dr. ped. sci. diss.]*. Moscow, 1998. 52 p. (In Russian)
18. Turgenev A. I. *Khronika Russkogo; Dnevniky (1825–1826 gg.) [Chronicle of the Russian; Diaries (1825–1826)]*. Moscow, Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1964. 624 p. (In Russian)
19. Flier A. Ya. Cultural Attribution as a Research Method. *The “Znanie. Ponimanie. Umenie” (“Knowledge. Understanding. Skill”)*. 2011, no. 4, pp. 139–144. (In Russian)
20. Flier A. Ya. *Cultural Genesis*. Moscow, 1995. 128 p. (In Russian)
21. Shipilov A. V. Prehistory of Civil Society in Russia. *Izvestia VGPU*. 2013, no. 1, pp. 170–177. (In Russian)
22. Shuster G. *Istoriya taynykh obshchestv, soyuzov i ordenov. V 2 knigakh, kniga 2 [History of Secret Societies, Unions and Orders. In 2 books, book 2]*. Moscow, Publishing house “Airis-Press”, 2005. 382 p. (In Russian)
23. Yakovleva G. N. Clubs and Cultural and Educational Groups of the Latvian Population in Vitebsk Region in the First Decade of Soviet Power. *Arts and Culture*. 2012, no. 1 (5), pp. 58–67. (In Russian)
24. Yaroshenko N. N. The Main Stages of Historical and Pedagogical Research of Social and Cultural Activity in Russia of the End of the XIX – Beginning of the XXI Century. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2019, no. 2 (88), pp. 114–127. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10210 (In Russian)
25. Longworth P. (1984) *Alexis, Tsar of All the Russias*. F. Watts : 305. (In English)

*

СТАЛИНИЗМ: ТРАГЕДИЯ БЕЗ КАТАРСИСА

УДК 130.2:94(47)

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10310

Р. Р. Вахитов

Башкирский государственный университет

Современники сталинских преобразований в СССР чувствовали схожесть их эпохи и её коллизий с содержанием античной трагедии. Античная трагедия отразила переход общества от родового, общинного состояния к гражданскому (полисному), что сопровождалось не только кровавыми распрями, но и общим чувством вины, связанным с отказом от «традиции отцов». Греческий театр и трагедия позволяли грекам пережить вину за символическое отцеубийство и катарсис. В России патриархальная общность и родовой коллектив, растворяющий в себе личность, сохранились вплоть до эпохи коллективизации, которая была не только классовой, но и поколенческой войной, переходом от родового общества и сознания к гражданским (в их советском варианте). Она тоже сопровождалась всеобщим чувством вины за «отречение от отцов», «символическое отцеубийство» и поиском нового «всеобщего отца». Вследствие этого и репрессии переживались как рок, слепое, но заслуженное наказание. Однако советская культура так и не породила механизма катарсиса, что предопределило неразрешённость проблем родового сознания до сих пор.

Ключевые слова: трагедия, род, полис, исономия, отцеубийство, катарсис, русская крестьянская община, «большаки», «мужики», коллективизация, сталинизм, культ личности.

Rustem R. Vakhitov

Bashkir State University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Zaki Validi str., 32, 450074, Ufa, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation

STALINISM: A TRAGEDY WITHOUT CATHARSIS

Contemporaries of Stalin's transformations in the USSR felt the similarity of their era and its collisions with the content of the ancient tragedy. The ancient tragedy reflected the transition of society from a tribal, communal state to a civil (polis) state, which was accompanied not only by bloody strife, but also by a general feeling of guilt associated with the rejection of the "tradition of the fathers". Greek theater and tragedy allowed the Greeks to survive the guilt of symbolic parricide and to survive catharsis. In Russia, the patriarchal community and the clan collective, dissolving the personality in itself, survived until the era of collectivization, which was not only a class war, but also a generational war, a transition from clan society and consciousness to civil society (in their Soviet version). She, too, was accompanied by a general feeling of guilt for the "renunciation of the fathers", "symbolic parricide" and

ВАХИТОВ РУСТЕМ РИНАТОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии факультета философии и социологии Башкирского государственного университета
 ВАХИТОВ РУСТЕМ РИНАТОВИЧ – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Political Science, the Faculty of Philosophy and Sociology, the Bashkir State University

e-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

© Вахитов Р. Р., 2020

the search for a new “universal father”. As a result, the repression was experienced as a fate, a blind but deserved punishment. However, Soviet culture did not give rise to the mechanism of catharsis, which predetermined the unresolved problems of tribal consciousness until now.

Keywords: tragedy, clan, policy, isonomy, parricide, catharsis, Russian peasant community, “Bolshaki”, “muzhiks”, collectivization, Stalinism, personality cult.

Для цитирования: Вахитов Р. Р. Сталинизм: трагедия без катарсиса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 107–118. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10310

Современные российские либералы слишком легковесно подходят к сталинизму и вообще к эпохе Сталина, и эта легковесность передаётся их нынешним антагонистам – коммунистам-неосталинистам. Вместе с тем люди, которые жили в советские времена, прекрасно помнят, что сталинизм нёс в себе нечто пугающе мистическое. О сталинских репрессиях не просто было запрещено говорить в эпоху Брежнева, **о них говорить боялись и стыдились**. В этом страхе и стыде было гораздо больше интуитивного понимания сталинизма, чем в фальшивом морализаторстве по поводу «миллионов погибших» из уст бесконечных радзинских и в бодряческих заявлениях типа «зато Сталин индустрию создал» у их неосталинистских оппонентов.

Те, кто застал это время, каким-то образом чувствовали, что разворачивающаяся на их глазах трагедия не следствие злой воли одного человека, а наплыв на страну слепых и страшных сил, вызванных неосторожными действиями самих людей того времени, подобно тому как альпинисты в горах своими криками вызывают падение снежных лавин. В терроре Сталина и его подручных – Ежова, Ульриха, Вышинского, было что-то от возмездия, но не точечного и справедливого, каково библейское возмездие (Бог в Ветхом Завете наказывает за то, что евреи уклонились в язычество, но при этом понятно, за что эта кара, и направлена

она на тех, кто виноват), а наказание слепое, не разбирающее, кто прав, кто виноват, как в греческой трагедии.

Это, между прочим, получило отражение в поэзии тех лет. Обратимся к такому тонко чувствовавшему свидетелю, как Осип Мандельштам. В его знаменитом стихотворении о Сталине, которое сыграло роковую роль в жизни поэта, слова зловещего кремлёвского горца всё же

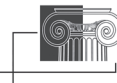
... как пудовые гири верны

То есть за Сталиным стоит правда, только поэту отвратителен носитель этой правды – с «тараканьими усищами». И совсем не случайно позднее в покаянной «Оде Сталину» поэт восклицает:

Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!

Имя Эсхила отсылает нас к традиции греческих трагедий, где ключевым является мотив безжалостной судьбы, наказывающей за дерзкое желание избежать предсказанного (особенно ярко он звучит у Софокла, но и у Эсхила в «Орестее» мы тоже встречаем тему родового проклятия).

Сталинизм, безусловно, был трагедией, но, конечно, не в том примитивно урезанном смысле, в котором понимают трагедию сегодняшние образованцы-пошляки, убеждённые, что «трагедия – это когда все умерли и на сцене гора трупов». **Сталинизм был трагедией в строго античном, древнегреческом смысле слова.** Что же такое греческая трагедия и почему её страшная суть

стала так актуальна именно в России 1930-х годов – в России Сталина, коллективизации и репрессий и одновременно – индустриализации и культурной революции? Об этом – наша статья.

Социальные корни греческой трагедии

Античная трагедия, как и весь античный театр, выросла, как известно, из культа Диониса (из которого «пришёл» хор – важнейшее действующее лицо греческого театра, бывшее первоначально свитой Диониса в ритуальных представлениях). Отличие театра древних греков от современного в том, что он представлял собой своеобразное общение хора и актёров (причём сначала был один актёр, потом Эсхил ввёл второго, а потом Софокл – третьего). Хор оставался на сцене в течение всей трагедии, он вступал в беседу с актёром (или актёрами), выносил ему (им) нравственные оценки, которые совпадали с точкой зрения морали греческой общины, «общественным мнением». Другими словами, перед нами противостояние индивида и коллектива и, если это требовалось, наказание индивида за нарушение норм «коллективной морали». При этом предполагается, что зритель должен сочувствовать этому индивиду, хотя и не становиться на его точку зрения и не оправдывать полностью его поступки. Позиция зрителя – встать по ту сторону конфликта, выйти из него, преодолеть его (в том числе и в самом себе) и таким образом очиститься и освободиться от страданий. Классическое определение трагедии, которое даёт Аристотель, как известно, и предполагает это очищение – «катарсис»: «трагедия есть подражание действию важному и законченному ... при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшен-

ной ... совершающее благодаря состраданию и страху очищение (κάθαρσις) подобных аффектов» [3, с. 65].

Тот же смысл несёт в себе и содержание греческих трагедий – это изображения борьбы благородного героя против судьбы, которая обрекла его на восстание против отца или главы родственной общины (собственно, даже Зевс, наказывающий Прометей, просто глава родовой общины олимпийских богов). Историки культуры сходятся в том, что причина этого – общественные условия возникновения античной драмы. А. Ф. Лосев в «Античной литературе» писал: «Как самостоятельное художественное произведение, драма появилась только в VI веке до н.э. в Греции и воплотилась в форме трагедии и комедии. Ведь драма предполагает самостоятельность человеческой личности и столкновение личностей между собой, с природой и обществом. Способствовало этому восхождение Греции как демократического государства...» [8, с. 103]. С. С. Аверинцев, характеризуя трагедию Софокла «Царь Эдип», писал, хоть и по другому поводу: «Филологи, философы и поэты разных эпох усматривают в трагедии Софокла “Эдип царь” не просто исключительную литературную удачу, но, что особенно важно, поэтическую реализацию смыслового содержания целой эпохи» [1, с. 90].

Более подробно интересующий нас аспект темы освещён в «Человеке 30-х годов» М. А. Лифшица, где автор пересказывает концепцию греческого театра своего товарища Ивана Ильина и делает ряд важных выводов. Речь идёт о том, что театр древних греков отражал положение человека на стыке предыстории и человеческой истории. В эту эпоху происходит разложение рода, разделение на «лучших» и «худших», аристократию и народ, появля-

ются классы и сопутствующее им государство. Трагедия, согласно Ильину и Лифшицу, отражала разложение и крушение рода, жестокость и неизбежность этого процесса, «внутреннее противоречие вины и невиновности членов рода на пороге формирования классового общества» [9, с. 207]. Катарсис трагедии воплощал собой «искупление всякой племенной, расовой, местной шовинистической и прочей узости, сплочение людей на более широкой основе» [9, с. 207]. Трагедия рисовала возникновение гражданского равенства – «изономии, искупающей вину кровнородственной вражды, неотвратимых ошибок прошлого» [9, с. 207]. Её главная тема – «нравственные проблемы личности, освобождённой от первобытной скованности и стоящей в глубоком раздумье перед непонятной общественной силой, растущей из произвольных действий людей» [9, с. 208].

Напомним, что первой формой человеческого общежития был род, коллектив кровных родственников. В этом коллективе человек не ощущал себя личностью, он был лишь функцией рода, подчинялся его традициям и обычаям, стремился не выделяться на фоне других и считал тяжёлым несчастьем быть изгнанным родичами. Но само неумолимое развитие человеческого общества, причём развитие как экономической сферы общества, так и его общественного сознания, неумолимо вело к разложению рода, распаду его на классы, появлению личностей, не вписывающихся в узкие рамки родовой жизни. Первоначально такие личности, видимо, были обречены на гибель и воспринимались как изгои, предатели отеческих обычаев, преступники, мало отличающиеся от тех, кто посягает на жизнь отцов (отцеубийство ведь – метафора отрицания рода). Возможно, они и

сами воспринимали себя так. Но они сами, их противники и хулители понимали, что нечто очень важное изменилось в жизни. Так же как прорыв плотины не может не закончиться смертоносным извержением огромных масс воды и появлением нового русла реки, выход на сцену истории индивидуалистов – это не случайность, не каприз их частных волей. **Общество неизбежно становилось другим, на место родовому коллективу шёл иной, «гражданский», сверхродовой коллектив (в случае Греции – полис). Поэтому эти «индивидуалисты» были виновны перед устаревшей правдой родового бытия и за это терпели наказание, но на их стороне была другая правда – будущего гражданского бытия, и в этом смысле они не только жертвы, но и герои (в современном, а не в античном смысле).**

Не следует ещё забывать о том, что разложение рода, возникновение первых индивидуалистов было связано с появлением рынка, развитием торгово-денежных отношений. Род разлагался, распадаясь на богатую аристократию, «знать», и бедный демос, «народ». Кровнородственный коллектив, который ранее служил надёжной защитой для каждого, теперь не мог спасти от разорения, нищеты, долгового рабства. Зато могла спасти гражданская община (полис), которая гарантировала всем необходимый минимум и свободу. Современные историки Античности, в частности Т. П. Евсеенко, указывают, что классический полис появляется с солоновским запретом на долговое рабство для граждан [7]. Но это влекло за собой то, что каждый грек становился **полноправным гражданином по отношению к другому (в том числе к своему отцу, старшим родственникам, которые раньше могли распоряжаться им почти всецело). Появление идеи изономии, гражданства**

было неразрывно связано с бунтом против рода, его авторитетов, его иерархии.

Именно в этом заключается секрет столь глубокого воздействия античной трагедии на современников Эсхила и Софокла, а с другой стороны, столь внушительной поддержки театра со стороны эллинского полиса. Вспомним, что Афины, как и другие полисы Греции, придавали очень большое значение театру и делали всё, чтобы как можно больше граждан посещало театральные представления. На государственные¹ деньги строились сами театры, полис обязывал богатых граждан финансировать театральные постановки, оплачивать работу актёров, хора, предоставлял беднякам специальные пособия – «театрон», чтобы и малоимущие могли ходить в театр.

Античный театр имел важную идеологическую функцию: он должен был внушить гражданам, что полисная гражданская идентичность (как любят сейчас выражаться) важнее и выше чувства сопричастности роду. Любой грек, который смотрел трагедии Софокла об Эдипе, мог почувствовать себя Эдипом, так как понимал в глубине души, что и он в некоторой степени отрёкся от старинных, родовых начал в пользу принадлежности к полисному содружеству, в пользу политической дружбы, как выражался Аристотель, отношений в сообществе равноправных граждан. Сострадав Эдипу, грек как бы искупал эту свою вину, очищался и теперь был готов стать примерным гражданином полиса-государства. В этом и заключалась социально-политическая суть катарсиса греческой трагедии.

«В чём же здесь сходство с эпохой Сталина?», – спросит нас читатель, вспомнив,

¹ Оставим пока в стороне спор, можно ли считать полис государством в привычном нам смысле.

с чего начиналась статья. Ответ прост: в том, что эпоха Сталина для миллионов жителей Советского Союза точно так же была эпохой разложения родового или, как минимум, общинного коллектива, выброса из него тысяч и тысяч людей. И освобождаясь от общинных уз, входя в новую, советскую гражданскую общность, радуясь этой свободе, они испытывали и глубокое чувство вины. Конечно, мы говорим о выходцах из крестьянского сословия, чьё детство, как и жизнь их отцов и дедов, было связано с русской поземельной общиной.

Русская крестьянская община и место в ней личности

Россия петербургского, имперского периода являла собой странное и внутренне неоднородное общество. Представители верхнего, образованного, европеизированного слоя, жители городов мало чем отличались от своих современников в уже прошедших модернизацию странах Запада. Но подавляющее большинство россиян, жителей деревни, рождались, проживали отведённые им годы и умирали внутри патриархальной общины, корни которой уходили в первобытную праисторию. Историк Георгий Вернадский писал, что если в России перед революцией горожане жили в XX веке, то сельчане – в XVII веке, мало чем по облику и образу мыслей и бытия отличаясь от подданных отца Петра Великого – Алексея Михайловича [5]. Можно выразиться даже резче – **в смысле экзистенциальном русские крестьяне-общинники находились на той же стадии развития общества, что и эллины перед рождением греческой трагедии**². Классообразование в

² Это не означает признания примитивно-линейного взгляда на историю, когда игнорируют историческое своеобразие эпохи.

русской крестьянской общине начиналось дважды на рубеже XIX и XX веков. Первый раз – когда в России стал развиваться капитализм, апогея этот процесс достиг в эпоху П. А. Столыпина, когда само государство стало поощрять выделение из общины сельских буржуа. Второй раз – в эпоху нэпа, когда партия при Н. И. Бухарине также взяла курс на поддержку деревенского «кулака». И оба раза это было прервано: в первый раз – революцией 1917 года, в ходе которой частная собственность на землю была запрещена по «Декрету о земле», а во второй раз – в ходе «раскулачивания».

Надо отдавать себе отчёт в том, что представляла собой русская сельская община («мир»), в рамках которой жили до 80% населения Российской империи. Это был не союз отдельно взятых крестьян. **Это был союз семейств и даже родов (или кровнородственно-соседский коллектив). Вся жизнь крестьянина и крестьянки проходила внутри семейного, родового (и деревенского, общинного) коллектива, который мало напоминал современную нуклеарную, демократизированную семью.** Это была семья многопоколенная, включавшая в себя от 20 до 50 человек. Её глава – большак, старший мужчина. Он был абсолютным правителем в семье, распоряжался всем семейным имуществом. Исследователь русского обычного права В. Н. Безгин пишет: «Нормы обычного права русской деревни рассматривали семейное имущество как единое целое, игнорируя имущественные права отдельной личности ... Заведование общесемейным имуществом признавалось правом большака...» [4, с. 15]. При этом сам большак тоже не был частным собственником, а именно распорядителем, когда собственность принадлежала «крестьянскому двору», то есть роду в це-

лом. Единственное исключение – это приданое женщины, которое признавалось общиной неприкосновенным и было её личной собственностью: в случае, если её выгонят из семьи, она могла забрать его с собой.

Большак, подобно римскому «патер фамилиас», распоряжался даже самими жизнями своих домочадцев, прежде всего – жены и детей. Единственным ограничением своеволия большака был сход, собрание таких же большаков, которое могло лишить «большины» за безнравственное поведение и преступления [4, с. 16]. В идеале большак должен был являться образцом нравственности, высшим авторитетом в процессе воспитания и главой «домашней церкви». Жена и дети звали его как царя – «государь» и по имени и отчеству, как полагалось обращаться лишь к дворянам. Не удивительно, что никакой другой власти, кроме власти абсолютного монарха – «всеобщего большака», крестьяне и не мыслили, и это стало залогом поражения Белого движения, которое пыталось увлечь крестьян европейскими идеями парламентаризма.

Большак отвечал за свою семью перед деревенской общиной. По сути, общинный сход – это, как уже говорилось, было собрание большаков, так же как и народное собрание античного полиса – собрание глав семейств, которые были одновременно жрецами родовых, семейных культов. Другие мужчины также присутствовали на сходе, но до 40 лет, как правило, должны были помалкивать и слушать, что говорят старшие. Сход решал вопросы распределения земли, вершил суд по «обычному праву».

Жизнь крестьянина подчинялась строго определённой матрице, проходя несколько стадий. Мужчина в русской деревне проходил следующие этапы взросления: дите, парень (до свадьбы), мужик (после свадьбы

и до обретения собственного хозяйства), наконец, большак. Понятно, что большаками становились не все, отец назначал таковым (передавал «большину») лишь одного из сыновей. Другие оставались «вечными мужиками». Это обстоятельство сыграло роковую для общины роль в эпоху коллективизации, ибо её поддержали как раз те, кому стать большаками никогда не пришлось бы. Женщина также проходила схожие этапы: дите, девка, молодуха, баба, большуха – жена большака.

Итак, крестьянин в русской деревне вплоть до эпохи коллективизации был погружен в родовой и общинный коллектив, лишён имущества, представлений о личных правах и даже об универсальном, рациональном законе. Он не мог даже помыслить о равноправии и гражданстве в греческом, да и в современном как в советском, так и в западном смысле слова.

Гибель общины и смысл сталинизма

Российская крестьянская община существовала в СССР до конца 1920-х годов. Она добилась в 1917 году социализации помещичьих, церковных и государственных земель. В. И. Ленин на Втором Всероссийском съезде Советов лишь легализовал требования крестьянских общин, которые собрали эсеры. Причём эти требования противоречили изначальной аграрной программе большевиков. Всероссийская крестьянская община, восстав против белых в 1919 году, обрекла их движение на гибель и, восстав против большевиков в 1920 году, добилась компромисса с «красным городом» в виде нэпа. Но видимая победа всероссийского общинного крестьянства в начале 1920-х годов скрывала его скорое поражение в борьбе с городом. И это чутко почувствовал своим поэтическим гением

Сергей Есенин и с щемящим чувством тоски выразил в «Сорокоусте» в метафоре бега жеребёнка наперегонки с поездом.

И дело не только в том, что город располагал армией и милицией, не только в том, что город нуждался в хлебе, а община не могла его поставить в нужных количествах, так как чересполосица не позволяла использовать технику. Община в годы нэпа начинает разлагаться изнутри. В ней появляется имущественное расслоение – на кулаков, середняков и бедняков. Формально кулаки были лишь «индивидуальными землепользователями», фактически они превращались в советскую сельскую «протобуржуазия». Не менее важен и поколенческий конфликт, который зачастую скрывался за идеологической схемой, изображавшей все события через призму упрощённой классовой теории.

Русская деревня в начале XX века переживала демографический бум. Прирост населения в ней заставляет вспомнить современные страны Африки с их вечно голодающим, но стремительно растущим населением. Только за правление Николая II население аграрной, слабо урбанизированной России увеличилось на 60 миллионов человек. В деревнях на узких клочках земли скопилась критическая масса деревенской молодёжи, в значительной мере – молодых мужчин, которым никогда не суждено было стать большаками и которые, если бы ничего не изменилось, так и провели бы свою жизнь на вторых ролях – «вечными мужиками», а то и бобылями. Они страдали от произвола деревенских богатеев – кулаков, вынуждены были брать у них кредиты, горбатиться на них в качестве батраков. **И никакой защиты со стороны своих большаков, своего рода, со стороны общины, которую зачастую контролировали**

кулаки, они не видели. Многие из них сбегали в города, но демографическая перегрузка деревни была столь велика, что всё равно на селе их оставалось предостаточно. И когда началась коллективизация, то разразилась война между «молодыми» и «большаками».

Современные исследователи мира российской деревни XX века Лора Олсон и Светлана Адоньева пишут об этом так: «Отношения между мужскими поколениями существенно меняются с приходом советской власти. Советская власть в первую очередь ударила по мужской возрастной иерархии. Власть в деревне захватывали те, кто получал санкции большевиков в областных центрах. Обычно это были мужчины, чья крестьянская, мужская судьба не состоялась. Женившись и бросив семью, либо ещё парнями, они ушли в город. Собственно, в деревню 1920-х годов вернулись уполномоченными властью “сыновья” тех, кто составлял деревенский сход. *Революция в российской деревне – а она произошла с коллективизацией во второй половине 20-х – начале 30-х годов – в значительной степени была конфликтом между мужскими поколениями* (курсив наш. – Р. В.). Исторические данные о ходе коллективизации рубежа 30-х годов позволяют увидеть за “классовыми” определениями участников событий их возрастной статус» [11].

Интересно, что и здесь, как в случае с Древней Грецией, имела место своеобразная изомомия. В деревнях на смену общине пришёл колхоз – сельскохозяйственная артель, в городах выходцы из деревень влились в трудовые коллективы заводов, фабрик, госучреждений. Все эти трудовые коллективы имели свои формы самоуправления (профсоюзные, комсомольские, партийные собрания), хотя и

придавленные тяжёлой дланью партии и государства. И что особенно важно: везде, хотя бы формально, все были равноправны, во всяком случае здесь не было неравенства между младшими и старшими. Бывший «мужик», который без коллективизации так и остался бы в патриархальном рабстве у отца-большака, теперь мог стать председателем колхоза или парторгом, а бывший «большак» становился простым колхозным сторожем. Освобождающей и даже вдохновляющей силы такого социального переворота, очевидной для современников, уже не понять потомкам, которые рассуждают в либеральных категориях о «колхозном рабстве» и «трудоднях» и удивляются, почему люди тридцатых искренне верили в то, что жить стало лучше.

Конечно, в определённом смысле **это был бунт против отцов**, и поэтическая интуиция не обманула Мандельштама: на просторах Советского Союза развернулась трагедия, достойная стилосов Эсхила и Софокла. И дело не только в том, что некоторые крестьяне открыто выступали против своих отцов-большаков, организуя колхозы и занимая в них руководящие посты. И те крестьянские парни, которые без всяких конфликтов, с благословения родителей, отправлялись в города, чтобы стать там рабочими, служащими, военными, милиционерами, а то и директорами предприятий, генералами, известными писателями, партийными деятелями, всё равно чувствовали в душе «осадо́к». Они бросали родные села, могилы предков, ремесло, которым занимались их пращурсы до 7 и 10 поколений, – благородный и освящённый всей крестьянской культурой труд хлебороба. Они ломали вековую традицию, отрекались от дела отцов в самом широком смысле слова и не могли не испытывать чувства вины.

Парадоксальным образом это вылилось в восприятие Сталина как всеобщего отца, которому уж граждане страны Советов точно верны до последней капли крови, ради которого можно и нужно отречься – прямо или косвенно – от своих обыкновенных отцов. И тем не менее чувство вины саднило, и внутренний голос уверял, что слепая коса репрессий заслужена, и это неизбежное наказание за «отцеубийство».

Лучше всего такое восприятие Сталина выразил Александр Трифонович Твардовский в своей до сих пор сполна не оценённой поэме «За далью – даль»:

*Средь наших праздников и буден
Не всякий даже вспомнить мог,
С каким уставом к смертным людям
Взывал их посетивший бог.*

*Он говорил: иди за мною,
Оставь отца и мать свою,
Всё мимолётное, земное
Оставь – и будешь ты в раю.*

*А мы, кичась неверьем в бога,
Во имя собственных святынь
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь.*

*Забудь, откуда вышел родом,
И осознай, не прекословь:
В ущерб любви к отцу народов –
Любая прочая любовь.*

*Ясна задача, дело свято, –
С тем – к высшей цели – напрямиком.
Предай в пути родного брата
И друга лучшего тайком.*

Между прочим, считать, что Сталин избежал этой общей участи, было бы

наивным. Он ведь тоже был виновен в своеобразном «отречении от отца», под которым, безусловно, следует понимать его духовного, партийного «отца» – Ленина.

По мере того как Сталин шёл всё дальше по пути укрепления государства, он вынужден был отказываться от многого из наследия Ильича, конечно всячески скрывая это на уровне лозунгов и, наоборот, провозглашая себя единственным полноправным наследником Ленина.

Так, уже в 1920-х годах Сталину пришлось отказаться от ленинской идеи, которую тот страстно отстаивал в 1917 году, начиная с первого «Письма из далека», а именно – замены полиции рабочей милицией – вооружённым ополчением из числа рабочих и крестьян. Оказалось, что для борьбы с преступностью в огромной стране с неоднородным составом населения нужны профессионалы-правоохранители. Отодвинул на второй план Сталин и идею всемирной революции, за что подвергся страшным проклятиям со стороны Льва Троцкого. Даже после победы во Второй мировой войне Сталин не использовал мощь СССР для разжигания «мирового пожара», ему оказался ближе проект славянофилов – создание цепи славянских государств от Москвы до Белграда.

К середине 1930-х годов фактически была свёрнута советская демократия, а Верховный Совет стал формироваться не за счёт кооптации из нижестоящих Советов, на чём особо настаивал Ленин, а наподобие буржуазных парламентов – всеобщим тайным голосованием по округам. К концу 1930-х годов Сталин окончательно отбросил ленинскую идею об армии милицкого типа: Красная армия стала состоять из профессиональных военных – командиров и рядовых по призыву. Таким образом,

она уже ничем не отличалась от армий государств Запада. Разве что сохранился институт политработников-комиссаров, но он может считаться аналогом института полковых священников. С конца 1940-х годов Сталин уже не скрывал своего ироничного отношения к Ленину перед ближним кругом. В присутствии других высших руководителей он шутливо именуется Владимира Ильича «Лениным Ламанческим» [2, с. 56; 6]. Народ об этом, понятно, не должен был знать и не знал.

Расплата за символическое «отцеубийство» была жестокой: распространена версия, что Сталина фактически убили его «сыновья» – члены Политбюро, приехавшие на дачу, когда его разбил инсульт, и не пускавшие к вождю врачей, пока совсем уже не стало поздно [10; 12]... Это находит определённое подтверждение в мемуарах Н. С. Хрущева, хотя по прошествии лет доказать уже ничего невозможно.

Во всяком случае это соответствует логике греческих мифов: Кронос оскопил своего отца Урана, но и сам был низвергнут в Тартар своим сыном Зевсом...

Греческое общество при переходе от родовой общины к общине гражданской знало просвещённых тиранов вроде Писистрата, без которых, по мнению историков, невозможно было бы окончательно освободиться от наследия родового строя и без которых – по закону диалектики! – не было бы греческой демократии. Здесь уместно вспомнить, что Писистрат, который, подобно Сталину, был не только инициатором репрессий, но и просветителем Афин, как раз и учредил театральные празднества, что помогло грекам пережить тяжелейшую травму перехода от родового коллектива к гражданскому.

Сталинизм по большому счёту стал переходом от рода к обществу гражданско-

го типа. При всей несхожести советского социализма с западным гражданским обществом, он был разновидностью гражданской, хотя и не буржуазной общности. Но советская культура ни при жизни Сталина, ни после его смерти не создала (и могла ли создать?) форму, позволяющую миллионам пережить свою вину и обрести спасительный катарсис за «оплаченный кровью» социализм.

Вместо «институции массового катарсиса» разоблачения «культы личности» при Н. С. Хрущеве стали ещё одним символическим «отцеубийством», подорвавшим веру в государство и социализм, а М. С. Горбачёв и Б. Н. Ельцин подорвали уже веру в элементарную справедливость. Цинизм архитекторов шоковых реформ 1990-х годов, уходящий корнями в травму интеллигентов-шестидесятников, грубо, но точно выразил Александр Галич:

*... оказался наш Отец
не отцом, а сукою.*

Таким образом, вместо катарсиса в постсталинскую эпоху мы имеем дело с механизмом символического отцеубийства, который воспроизводит себя из поколения в поколение. Именно поэтому после разоблачения Сталина последовало разоблачение Хрущева, потом – Брежнева, потом – Горбачева, и так до наших дней. Каждый раз власть и «глубинный народ» создают культ «всеобщего Отца» – за счёт отречения и демонизации «отцов предыдущих» – и каждый раз разрушают его.

Давно умерли современники величайшей аграрной революции в истории России – коллективизации, которая была и сломом родового сознания для большинства населения страны. Но до сих пор нас не отпускает нерешённая мировоззренческая коллизия той эпохи. Кто-то считает, что коллективное

«покаяние» – это миф и новая эпоха уже не нуждается в механизме массовой трансформации родового сознания, какой когда-то была греческая трагедия.

И тем не менее на нашем обществе лежит длинная тень эпохи Сталина. Речь идёт не только о неосталинистах, но и об их противниках, которые отличаются от оппонентов идеями, но не агрессией, не-

терпимостью и готовностью уничтожить всех несогласных. И потому для нас – внуков и правнуков тех людей – актуальной остаётся тема Сталина, тесно увязанная с глубинными архетипами нашей культуры. Так и будет, пока мы не изобретём механизм катарсиса, который позволит успокоить и оставить позади наше болезненное родовое подсознание.

Примечания

1. Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа о Эдипе. Конспект // Античность и современность : [сборник статей] : к 80-летию Ф. А. Петровского / [ред. коллегия: М. Е. Грабарь-Пассек и др.] ; [АН СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького]. Москва : Наука, 1972.
2. Антонов М. А. Капитализму в России не бывать! Выход есть! Москва : Яуза : Эксмо, 2005. 669,[1] с.
3. Аристотель. Поэтика / перевод М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения : в 4 томах. Москва : Мысль, 1984. Том 4.
4. Безгин В. Н. Правовая культура русского села (вторая половина XIX – начало XX веков) : учебное пособие для студентов дневной и заочной форм обучения всех специальностей / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Тамбовский государственный технический университет». Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2012. 79,[1] с.
5. Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь : [пер. с англ.] / [идея, вступ. ст., ред. рус. текста Николаева Б. А.]. Тверь : ТОО «ЛЕАН» ; Москва : АГРАФ, 1996. 445,[2] с.
6. Гореславская Н. Б. Иосиф Сталин. Отец народов и его дети. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/338573>
7. Евсеенко Т. П. От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье = From the Community to Complex Statehood in Ancient Mediterranean region. Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 264 с.
8. Лосев А. Ф., Сонкина Г. А., Тахо-Годи А. А. и др. Античная литература / под ред. А. А. Тахо-Годи. 3-е издание, переработанное. Москва : Просвещение, 1980. 494 с. : ил.
9. Лифшиц М. А. В мире эстетики. Статьи 1969–1981 гг. Москва : Изобразительное искусство, 1985. 318 с.
10. Миронин С. Убийство Сталина. Крупнейший заговор XX века – Итоги расследования [Электронный ресурс]. URL: <https://stalinism.ru/elektronnaya-biblioteka/ubijstvo-stalina-krupnejshij-zagovor-xx-veka.html?start=17>
11. Олсон Лора, Адоньева Светлана. Советские крестьянки (половозрастная идентичность: структура и история) [Электронный ресурс]. URL: <https://uborshizza.livejournal.com/3996287.html>
12. Сесар Сервера Мучительная смерть Иосифа Сталина. Кто убил кровавого диктатора? [Электронный ресурс] // ИноСМИ : [веб-сайт]. Электрон. дан. 8.03.2018. URL: <https://inosmi.ru/social/20180308/241666686.html>

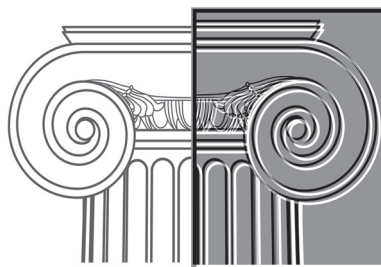
References

1. Averintsev S. S. K istolkovaniyu simboliki mifa o Edipe. Konspekt [To the Interpretation of the Symbolism of the Myth of Oedipus. Abstract]. In: Grabar-Passek M. E., etc., eds. *Antichnost' i sovremennost' [Antiquity and Modernity]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1972. (In Russian)
2. Antonov M. A. *Kapitalizmu v Rossii ne byvat'! Vykhod est'!* [Capitalism Will Never Happen in Russia! There Is an Exit!]. Moscow, Publishing House “Eksmo”, 2005. 669 p. (In Russian)

3. Aristotle. Poetika [Poetics]. In: Aristotle *Sochineniya. V 4 tomakh, tom 4* [Works. In 4 volumes, volume 4]. Moscow, Mysl Publishers, 1984. (In Russian)
4. Bezgin V. N. *Pravovaya kul'tura russkogo sela (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov)* [Legal Culture of the Russian Village (Second Half of the XIX – Early XX Centuries)]. Tambov, Publishing House of the Tambov State Technical University, 2012. 80 p. (In Russian)
5. Vernadsky G. V. *Istoriya Rossii. Drevnyaya Rus'* [History of Russia. Ancient Russia]. Moscow, Publishing House "Agraf", 1996. 445 p. (In Russian)
6. Goreslavskaya N. B. *Iosif Stalin. Otets narodov i ego deti* [Iosif Stalin. Father of Nations and His Children]. Available at: <https://history.wikireading.ru/338573> (In Russian)
7. Evseenko T. P. *From the Community to Complex Statehood in Ancient*. St. Petersburg, 2005. 264 p. (In Russian)
8. Losev A. F., Sonkina G. A., Takho-Godi A. A., etc. *Antichnaya literatura* [Antique Literature]. 3rd edition. Moscow, Publishing house "Prosveshchenie", 1980. 494 p. (In Russian)
9. Lifshits M. A. *V mire estetiki. Stat'i 1969–1981 gg.* [In the World of Aesthetics. Articles 1969–1981]. Moscow, Fine Arts Publishing House, 1985. 318 p. (In Russian)
10. Mironin S. *Ubiystvo Stalina. Krupneyshiy zagovor XX veka – Itogi rassledovaniya* [Murder of Stalin. The Largest Conspiracy of the XX Century - the Results of the Investigation]. Available at: <https://stalinism.ru/elektronnaya-biblioteka/ubiystvo-stalina-krupnejshij-zagovor-xx-veka.html?start=17> (In Russian)
11. Olson Lora, Adonyeva Svetlana. *Sovetskie krest'yanki (polovozrastnaya identichnost': struktura i istoriya)* [Soviet Peasant Women (Gender and Age Identity: Structure and History)]. Available at: <https://uborshizzza.livejournal.com/3996287.html> (In Russian)
12. César Cervera *Muchitel'naya smert' Iosifa Stalina. Kto ubil krovavogo diktatora?* [The Painful Death of Joseph Stalin. Who Killed the Bloody Dictator?]. Available at: <https://inosmi.ru/social/20180308/241666686.html> (In Russian)

*

ЭСТЕТИКА

ЭЛЛИНСКИЙ ВОИНСКИЙ ПАМЯТНИК И МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

УДК 130.2:904

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10311

О. А. Скуридин

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье рассматривается эллинский воинский памятник как знак-символ, включённый в механизм культурной преемственности. В процессе исследования выделяются основные функции памятника-символа в этом механизме. На основании коммеморативного символа (символ Героя, символ героической жизни, символ героической смерти, символ Наследия) и формы увековечения исторических личностей и исторических событий, характерных для Античности, определяются типы эллинского воинского памятника. С учётом выделенных функций проводится анализ роли эллинского воинского памятника в механизме культурной преемственности в эпоху Античности в целом и для каждого выделенного типа. Автор показывает, что коммеморативный символ Героя в Античности воплощён в статуях-памятниках и картинах, создающих образ выдающихся полководцев и воинов. Коммеморативный символ «героическая жизнь» представлен местами и сооружениями на местах великих битв, их изображениями. Коммеморативный символ «героическая смерть» находит отражение в захоронениях павших на поле боя. Коммеморативный символ Наследия отражают святилища, храмы, алтари, дары божествам в честь побед в бою.

Ключевые слова: эллинский воинский памятник, знак, коммеморативный символ, символ Героя, символ «героическая жизнь», символ «героическая смерть», символ Наследия, роль, механизм культурной преемственности, Античность, процесс, типы, функции.

Oleg A. Skuridin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Prospekt Vernadskogo 4,
295007, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

THE HELLENIC MILITARY MONUMENT AND THE MECHANISM OF CULTURAL CONTINUITY IN THE ERA OF ANCIENT

The article considers the Hellenic military monument as a symbol included in the mechanism of cultural continuity. During the study, the main functions of the monument-symbol in this mechanism are distinguished. On the basis of the commemorative symbol (Hero's symbol, the symbol of "heroic

СКУРИДИН ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»

SKURIDIN OLEG ALEKSANDROVICH – PhD student, the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Research Fellow of the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”

e-mail: oleg772015@mail.ru.
© Скуридин О. А., 2020

life”, the symbol of “heroic death”, the symbol of Heritage) and the form of perpetuation of historical personalities and historical events characteristic of ancient, the types of Hellenic military monument are determined. Taking into account the identified functions, an analysis of the role of the Hellenic military monument in the mechanism of cultural continuity in the era of ancient as a whole and for each selected type is carried out. The author shows that the commemorative symbol of the Hero in antiquity is embodied in statue-monuments and paintings that create the image of outstanding commanders and warriors. The commemorative symbol “heroic life” is represented by places and structures at the sites of great battles, their images. The commemorative symbol “heroic death” is reflected in the graves of the fallen on the battlefield. The commemorative symbol of the Legacy reflects the sanctuaries, temples, altars, gifts to deities in honor of victories in battle.

Keywords: Hellenic military monument, sign, commemorative symbol, Hero symbol, symbol of “heroic life”, symbol of “heroic death”, Heritage symbol, role, mechanism of cultural continuity, ancient, process, types, functions.

Для цитирования: Скуридин О. А. Эллинский воинский памятник и механизм культурной преемственности в эпоху Античности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 120–128. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10311

Важным элементом механизма культурной преемственности являются памятники, символизирующие основные гражданские добродетели, сущность которых заключается в служении Отечеству в мирное время и защите его на поле брани во время войны. Их образцы мы находим в античной культуре. Гражданские добродетели древних вызывали восхищение у европейцев, начиная с эпохи Возрождения. Никколо Макиавелли в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» пишет о том, как далеко ушли в добродетелях древние по сравнению с его современниками, приводя как символ античную статую-памятник: «Когда я вспоминаю о том, какие почести воздаются древности и сколь часто – оставляя сейчас в стороне многие другие примеры – обломок какой-нибудь античной статуи покупается за огромные деньги ... и когда я, с другой стороны, вижу, что доблестнейшие деяния, о которых нам повествует история, совершенные в древних царствах и республиках царями, полководцами, гражданами, законодателями и другими людьми, трудившимися на благо отчизны, в наши дни вызывают скорее восхищение, чем подражание,

более того, что всякий их до того сторонится, что от прославленной древней доблести не осталось у нас и следа, – я не могу всему этому не изумляться и вместе с тем не печалиться» [цит. по: 4, с. 127–128].

Таким образом, со времени Ренессанса античный памятник становится символом «прославленной древней доблести», достойной подражания для современников. Именно воинский памятник – мемориал в честь спартанцев, погибших при Фермопилах (480 год до н.э.) в борьбе за общеэллинскую свободу, согласно И. Г. Гердеру, являлся «высшим принципом гражданской доблести» [1, с. 370]. Таким образом, современные воинские памятники генетически восходят к эллинским образцам.

Сохранившиеся памятники-статуи экспонируются в музеях, они вдохновляют создателей современных военных мемориалов. Но в Античности такие памятники часто вызывали противоположные чувства у современников. Известно, что Кассандр, сын Антипатра (царь Македонии в 305–297 годах до н.э.), случайно увидев статую Александра Великого в Дельфах, испытал сильное потрясение, «почувствовал головокру-

жение, задрожал всем телом и едва смог прийти в себя» [14, с. 448]. В то же время, как будет показано нами ниже, братские могилы, павших во время великих битв за независимость Эллады в течение многих поколений пользовались благоговейным почтением и даже религиозным почитанием.

Чтобы разобраться в функциях и способах трансляции культурного смысла эллинских воинских памятников, рассмотрим памятник как визуально-интеллектуальный образ, который ассоциируется с историческим событием или результатами деяний выдающейся личности, превращаясь в знак.

В отличие от нарративов, которые повествуют о событиях в жизни обществ и государств, чувствах и деяниях людей, указанные памятники говорят на своём особом «языке». Такие памятники создают у воспринимающего субъекта визуально-интеллектуальный образ, в который включён один, два или три из приведённых ниже элементов:

- особенности формы и внешнего вида, отмеченные печатью исторического события или личности;
- расположение объекта или объектов в историческом пространстве;
- характеристики места свершения исторического события.

Такого рода визуально-интеллектуальный образ отличается доходчивостью и предельной конкретностью, он провоцирует у зрителя внутренний диалог (иногда и конфликт).

Обратимся к классификации, предложенной Ч. С. Пирсом, согласно которой существуют знаки трёх видов [9, с. 89]:

1. Подобия (*likenesses*), или изображения (*icons*), реализуемая функция которых состоит в передаче идей и репрезентации вещей в форме их имитации.

2. Указатели (*indications*), или индексы (*indices*), которые говорят о вещах, связанных с ними физически.

3. Символы, или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями (*meanings*) благодаря привычке или конвенционному соглашению.

Все перечисленные виды знаков-памятников существовали в Античности. Знаки-подобия представлены в форме памятников-статуй. Плиний Старший в «Естественной истории», рассуждая о почестях, заслуживающих увековечения путём создания статуи, пишет: «Изображения людей обычно делали лишь за какое-нибудь блистательное дело, заслуживавшее увековечения, вначале за победу на священных состязаниях, особенно в Олимпии, где был обычай посвящать статуи всем победителям при трехкратной победе – статуи с воспроизведением их внешности, которые называют иконическими» [11, с. 57]. Здесь показано, как портретное сходство статуи ассоциируется с образом выдающейся личности.

Знаки-указатели представлены многочисленными сооружениями на местах важных событий древности. Трофеи, святилища, храмы, могилы на полях сражений, местах осад городов, в определённом культурном контексте содержат в себе указание на события, свидетелями которых они были.

В отличие от знаков-подобий и знаков-указателей, символ, согласно Ч. С. Пирсу, представляет собой конвенциональный знак, или знак, зависящий от привычки (приобретённой или врождённой) [9, с. 93]. Знаки-символы являются наиболее сложными для интерпретации, поэтому на них необходимо остановиться подробнее.

Эллинский воинский памятник представляет собой воплощение одного или

нескольких коммеморативных символов, если понимать коммеморативный символ как архетип, с помощью которого формируются требуемые ценности и социальные модели поведения в конкретном обществе [17, с. 254].

Исследователь М. Л. Шуб выделяет два глобальных коммеморативных символа (символы Героя и Наследия) [17, с. 357–358] и два более частных коммеморативных символа (символы «героическая жизнь» и «героическая смерть») [17, с. 366].

Применяя теоретические результаты работы отечественного учёного для исследования эллинского воинского памятника, мы получаем следующее содержание коммеморативных символов:

- символ Героя воплощён в образе идеального полководца или воина;
- символ «героическая жизнь» отражает индивидуальный или коллективный подвиг на поле брани;
- символ «героическая смерть» воплощает героическую гибель на поле боя;
- символ Наследия воплощён в любом воинском памятнике, но особенно в священных местах и предметах, связанных с событиями военной истории эллинской Античности.

Для выяснения механизма культурной преемственности в период Античности выделим функции эллинского воинского памятника, принимающего участие в этом процессе.

Памятник как символ играет роль своеобразного «социального гена» при передаче значимой информации от поколения к поколению: «Контакт поколений, уподобление последующего поколения предшествующему возможны лишь при опосредовании этого контакта знаком» [8, с. 29]. Частной формой такой трансляции информации от по-

коления к поколению является воспитание. Героические поступки, достойные подражания, увековеченные в памятниках, использовались в Античности в целях воспитания подрастающего поколения.

Так, полководец и тираноборец коринфянин Тимолеонт после своей кончины (336 год до н.э.) был оплакан гражданами Сиракуз и похоронен за общественный счёт в гимназии, где занимались спортом и воспитывались будущие защитники Отечества [5, с. 84]. О деяниях Тимолеонта, достойных подражания для молодёжи, стало постоянным напоминанием его надгробие.

Таким образом, первая функция памятника-символа в механизме культурной преемственности в любой, в том числе и античной, культуре состоит в способности транслировать память об историческом событии или личности в историко-культурной среде последующих поколений. При этом жизнь постоянно рождает новации, связь времён может быть временно прервана, например, трагическими событиями войны. Поэтому в новой историко-культурной ситуации острота воспоминаний притупляется и памятник может постичь забвение.

Однако не исключена возможность обновления и даже возрождения памятника. Продолжая свою жизнь, он может стать новым знаком-символом, который отражает реалии другой исторической эпохи. Например, при описании надгробия великого фиванского стратега Эпаминонда (около 418–362 годы до н.э.), путешественник Павсаний (II век) замечает, что надписей на нём было две, одна первоначальная, написанная на беотическом наречии, а другая посвящена римским императором Адрианом (76–138 годы) [7, с. 92–93], считавшим себя поклонником этого полководца. Таким образом, памятник интерпретируется по-разному со-

временниками, их ближними и дальними потомками.

Если следовать Ю. М. Лотману, памятник-символ является одним из способов, с помощью которого прошлое не уничтожается, а «подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определённых условиях вновь заявить о себе» [3, с. 673]. Итак, вторая функция памятника в процессе культурной преемственности – хранение информации о прошлом в форме символов.

Способы реализации указанных выше функций можно показать на примере эллинских воинских памятников разных типов, характерных для Античности.

Указанная типология основывается на коммеморативном символе, а также форме сооружений, представляющих способы увековечения исторических личностей и исторических событий.

1. Коммеморативный символ Героя представлен в основном памятниками-статуями и историческими картинами, отражающими индивидуальный подвиг, совершённый при защите Отечества.

Изображение полководца-победителя на поле брани считалось наивысшей степенью общественного признания для грека-гражданина, символом личного мужества. Например, по словам Корнелия Непота, со времён афинского полководца Хабрия (IV век до н.э.) скульпторы стали изображать воинов и атлетов в том виде, в каком они одержали победу, запечатлевая момент их наивысшей славы [5, с. 49].

Статуи-памятники часто воспроизводили личные черты изображаемого человека. Например, Плутарх Херонейский (около 46 – около 127 годы) пишет, что в Афинах его времени было много статуй стратега Перикла (около 490 – 429 годы

до н.э.) [13, с. 198], которые, несомненно, восходили к его прижизненным статуям. Об этом говорит тот факт, что все они подражали образцам, созданным скульпторами, видевшими живого Перикла, и при этом стремились скрыть его единственный телесный недостаток – продолговатую и несоответственно большую голову, изображая стратега в шлеме [13, с. 198]. Такое замечание Плутарха не случайно: этим подчёркнуто то, что статуя стратега Перикла стала символом личных военных заслуг этого полководца.

С другой стороны, появился идеал благородного военачальника и политика, действующего во благо своих граждан, а не ради почестей, в том числе и в форме статуй-памятников или картин. Такой идеал создал Ксенофонт (около 430 – около 355 годы до н.э.), изобразив спартанского царя-воителя Агесилая (около 444 – около 358 годы до н.э.), который запрещал ставить себе статуи, считая, что «память о душе человека зависит от него самого и от добрых его качеств» [2, с. 238].

Таким образом, коммеморативный символ Героя, который представлен образом великого полководца или воина, запечатлённого в форме статуи или картины, успешно решал функцию транслирования идеала служения Отечеству, а также передачи памяти об исторических личностях будущим поколениям.

2. Коммеморативный символ «героическая жизнь» представлен местами великих битв, сооружениями на местах великих битв, историческими картинами, изображавшими великие битвы Античности.

У эллинов было принято создавать сооружения из победных трофеев на месте битв. Особое место занимали трофеи побед в войне за независимость всей Эллады.

В одном из диалогов Платона («Менексен») Сократ произносит речь в честь павших граждан. В этой речи чётко прослеживается мысль о величии побед над варварами во времена Греко-персидских войн, как торжества свободы над рабством. Об этом потомкам напоминают победные трофеи: «Если бы кто-нибудь из нас в это время там оказался, он бы познал, сколь велика была доблесть тех, кто у Марафона встретили полчища варваров и, обуздав всеазиатскую гордыню, первыми водрузили трофеи в честь победы над ними ... Оглядываясь на их деяние, эллины проявили отвагу и в последующих битвах за свою жизнь, став навсегда учениками сражавшихся при Марафоне» [цит. по: 10, с. 102–103].

Итак, победные трофеи времён Греко-персидских войн в понимании грека классической эпохи, как и более поздних исторических периодов, отражали доблесть всех эллинов, являлись символами-ориентирами, на которые должны равняться последующие поколения, примером для воспитания молодёжи. На Марафонском поле ещё во II веке н.э. путешественникам с гордостью показывали трофей из белого мрамора [6, с. 84], поставленный в честь победы афинян и платейцев над персидской армией в 490 году до н.э. Морская победа при Саламине (480 год до н.э.) также была отмечена трофеем из оружия побеждённого персидского флота [6, с. 91]. Эти сообщения служат неоспоримым доказательством выполнения эллинскими воинскими памятниками указанных выше функций трансляции памяти о важных исторических событиях и хранения информации о них в форме общезначимых символов.

Интересным способом увековечения событий прошлого были картины на исторические темы, написанные на стенах пор-

тиков и храмов. Они дошли до нас почти исключительно в описаниях античных авторов. Например, согласно Павсанию, на Пёстрой стое в Афинах, были изображены сцены из военной истории этого полиса [6, с. 48].

3. Коммеморативный символ «героическая смерть» репрезентирован захоронениями павших на поле боя. Могильные сооружения являлись символом высочайшего мужества павших во имя защиты Отчества, чьи поступки были оценены как подвиг. Памятники над могилами героев становятся значимыми для всего государства, а их имена, отмеченные на надгробиях, превращаются в предмет гордости не только современников, но и их потомков.

В связи с вышеуказанным, интересно сообщение Плутарха в «Древних обычаях спартанцев» о том, что законами Ликурга в Спарте были запрещены «надписи на могильных памятниках, за исключением тех, которые были воздвигнуты погибшим на войне» [цит. по: 12, с. 333]. Такая исключительность позволяла в полной мере реализовать функцию трансляции и сохранения памяти именно о героических поступках, особо значимых для всей общины.

Павшие за общеэллинскую свободу удостоивались особых почестей со стороны не только сограждан, но и всех греков. Братские могилы воинов-граждан, могилы стратегов, погибших за общеэллинскую свободу, удостоивались особого почёта. Например, братская могила павших при Фермопилах, вызывала благоговение у путешественников даже через несколько столетий после этой битвы [15, с. 83]. Такое отношение к памятнику было вызвано тем, что подвиг спартанцев, подобно другим подвигам самопожертвования (*suicidal exploits*), оставил глубокий след в эллинском сознании [18, р. 345].

Особо почитались также индивидуальные могилы воинов, сражавшихся за независимость всей Эллады. Выдающиеся представители поколения, участвовавшего в Греко-персидских войнах, понимали громадное значение этих событий. Не случайно драматург Эсхил (525–456 годы до н.э.) повелел начертать в тексте эпитафии на своём надгробии имя отца и название города, полагая, что «свидетелями своей храбрости он имеет марафонский лес и мидян, отступивших туда», засвидетельствовав тем самым факт участия в Марафонской битве [6, с. 47]. Его могила воспринималась как символ мужества и исполненного долга по отношению к родному полису, как послание-пример, обращённый к потомкам.

4. Коммеморативный символ Наследия наиболее полно отражают святилища, храмы, алтари и статуи богов, посвяtitельные дары божеству, в честь побед в бою.

Святилища, храмы, алтари и статуи богов в первую очередь являются объектами религиозного почитания. Но сооружение последних в честь исторических событий превращало их в символы победы или окончания войны. Обратим внимание, что храмы, алтари и статуи богов являются символами коллективного подвига в сражении (победы на поле боя), символом победоносного окончания войны. В этом случае сакральный символ превращается в памятник.

Согласно Плутарху, в честь заключённого Каллием мира с персами (449 год до н.э.) афиняне воздвигли алтарь Мира [14, с. 165]. С полным правом можно считать этот алтарь памятником в честь победоносного завершения Греко-персидских войн. Но часто происходил и противоположный процесс – памятник становился объектом религиозного поклонения. Например, брат-

ские могилы на Марафонском поле почитались как святыни, а сами павшие в этой битве назывались «героями» [6, с. 84]. Таким образом, святилища, храмы, алтари и статуи богов, а также посвяtitельные дары божеству можно считать памятниками только в тех случаях, когда они имеют непосредственную связь с событиями военной истории.

Последнее хорошо осознавалось в Античности. Например, царь Павсаний хотел присвоить себе славу победителя при Платеях (479 год до н.э.), в связи с этим в Дельфах посвятил богу треножник с соответствующей надписью, которую лакедемоняне велели выскоблить, и далее написали «имена всех городов, воздвигнувших этот жертвенный дар после общей победы над Варваром» [16, с. 57]. Этот треножник с надписью, безусловно, можно считать памятником в честь победы при Платеях. Он воспринимался именно как символ Наследия, общего для всей Эллады, важный для сплочения всех эллинов в настоящем и будущем.

Подводя итог, отметим, что эллинские воинские памятники представляют собой коммеморативные символы (символ Героя, символ «героическая жизнь», символ «героическая смерть», символ Наследия). Такой памятник имеет две основные функции в механизме культурной преемственности: способ трансляции социально значимой информации в форме культурных символов; способ хранения памяти о значимых событиях и исторических личностях в символической форме.

Эти функции реализуются в различных типах эллинских воинских памятников, а также во всех античных воинских монументах в целом. В основе построения такой типологии лежат коммеморативные символы и формы сооружений, представляющих

способы увековечения событий или личностей, характерных для Античности:

- коммеморативный символ Героя воплощён в статуях-памятниках и исторических картинах, создающих образ выдающихся полководцев и воинов;
- коммеморативный символ «героическая жизнь» представлен местами великих битв, сооружениями на местах великих битв, историческими картинами, изображавшими великие битвы Античности;
- коммеморативный символ «героическая смерть» находит отражение в захо-

ронениях павших на поле боя, в том числе в братских могилах павших.

- коммеморативный символ Наследия отражают святилища, храмы, алтари и статуи богов, посвячительные дары божествам в честь побед в бою.

Все перечисленные типы эллинских воинских памятников играли ключевую роль в механизме культурной преемственности в эпоху Античности, и их анализ может быть использован для понимания роли воинских мемориалов нашего времени в аспекте культурной преемственности начала XXI века.

Примечания

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. и примеч. А. В. Михайлова. Москва : Наука, 1977. 703 с.
2. Ксенофонт. Киропедия / пер. с древнегреч. В. Г. Боруховича, Э. Д. Фролова. Москва : Наука, 1976. 334 с.
3. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Семиосфера : сборник статей. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2004. С. 673–676.
4. Макиавелли Н. Государь. Сочинения. Москва : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2005. 672 с.
5. Непот Корнелий. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной. Москва : Издательство МГУ, 1992. 208 с.
6. Павсаний. Описание Эллады : в 2 томах / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева ; под ред. Е. В. Никитюк. Москва : АСТ : Ладомир, 2002. Том 1. Книги I–VI. 492,[1] с.
7. Павсаний. Описание Эллады : в 2 томах / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева ; под ред. Е. В. Никитюк. Москва : АСТ : Ладомир, 2002. Том 2. Книги VII–X. 503,[2] с.
8. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. Москва : Наука, 1991. 328 с.
9. Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95.
10. Платон. Диалоги / пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Тонштейн ; сост., ред. и авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев ; примеч. А. А. Тахо-Годи. Москва : Мысль, 1986. 607 с.
11. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / пер. с лат. Г. А. Тароняна. Москва : Ладомир, 1994. 941 с.
12. Плутарх. Застольные беседы / пер. с древнегреч. Я. М. Боровского ; отв. ред. Я. М. Боровский, М. Л. Гаспаров. Ленинград : Наука, 1990. 591 с.
13. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 томах / пер. с древнегреч. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского. Москва : Издательство АН СССР, 1961. Том 1. 504,[1] с.
14. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 томах / пер. с древнегреч. М. Е. Грабарь-Пассека, С. П. Маркиша. Москва : Издательство АН СССР, 1963. Том 2. 548,[2] с.
15. Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского / пер. с древнегреч. Е. Г. Рабиновича. Москва : Наука, 1985. 328 с.
16. Фукидид. История / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. Ленинград : Наука, 1981. 543 с.
17. Шуб М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : дис. на соискание учёной степени доктора культурологии : 24.00.01 / Шуб Мария Львовна. Челябинск, 2018. 491 с.
18. Sacks D. (2005) *Encyclopedia of the Ancient Greek World*. New York: Facts on File, Inc. : 432.

References

1. Gerder I. G. [Herder Johann Gottfried] *Idey k filosofii istorii chelovechestva [Ideas for the Philosophy of the History of Mankind]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1977. 703 p. (In Russian)
2. Xenophon. *Kypedia*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1976. 334 p. (In Russian)
3. Lotman Yu. M. Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in Cultural Light]. In: *Semiosphere*. St. Petersburg, Art Publishing House, 2004. Pp. 673–676. (In Russian)
4. Makiavelli N. [Machiavelli Niccolò di Bernardo dei] *Gosudar' [Sovereign]*. Moscow, Publishing House “Eksmo”, Kharkov, Publishing House “Folio”, 2005. 672 p. (In Russian)
5. Nepot Cornelius. *O znamenitykh inozemnykh polkovodtsakh. Iz knigi o rimskikh istorikakh [About Famous Foreign Commanders. From a Bbook on Roman Historians]*. Moscow, Publishing House of the Lomonosov Moscow State University, 1992. 208 p. (In Russian)
6. Pausanias. *Opisanie Ellady. V 2 tomakh, tom 1, knigi I–VI [Description of Hellas. In 2 volumes, volume 1, books I–VI]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2002. 492 p. (In Russian)
7. Pausanias. *Opisanie Ellady. V 2 tomakh, tom 2, knigi VII–X [Description of Hellas. In 2 volumes, volume 2, books VII–X]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2002. 503 p. (In Russian)
8. Petrov M. K. *Yazyk. Znak. Kul'tura [Language. Sign. Culture]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1991. 328 p. (In Russian)
9. Piers Ch. S. Chto takoe znak? [What is a Sign?]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2009, no. 3 (7), pp. 88–95. (In Russian)
10. Plato. *Dialogues*. Moscow, Mysl Publishers, 1986. 607 p. (In Russian)
11. Pliny the Elder. *Natural Science. About Art*. Moscow, Publishing House “Ladimir”, 1994. 941 p. (In Russian)
12. Plutarch. *Zastol'nye besedy [Table Conversations]*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1990. 591 p. (In Russian)
13. Plutarch. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya. V 3 tomakh, tom 1 [Comparative Biographies. In 3 volumes, volume 1]*. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. 504 p. (In Russian)
14. Plutarch. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya. V 3 tomakh, tom 2 [Comparative Biographies. In 3 volumes, volume 2]*. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. 548 p. (In Russian)
15. Philostratus Flavius. *Zhizn' Apolloniya Tianskogo [The Life of Apollonius of Tyana]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1985. 328 p. (In Russian)
16. Thucydides. *History*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1981. 543 p. (In Russian)
17. Shub M. L. *Obraz proshlogo kak fenomen kul'tury: kontseptualizatsiya i formy reprezentatsii v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve. Diss. dok. kul'tur. [The Image of the Past as a Cultural Phenomenon: Conceptualization and Forms of Representation in Modern Social and Cultural Space. Dr. cultural studies diss.]*. Chelyabinsk, 2018. 491 p. (In Russian)
18. Sacks D. (2005) *Encyclopedia of the Ancient Greek World*. New York: Facts on File, Inc. : 432. (In English)

*

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТРУКТА ТЕЛЕСНОСТИ В ЭСТРАДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10312

А. Е. Кощеев

Московский государственный институт культуры

В статье рассматриваются вопросы трансформации конструкта телесности в пространстве эстрадного творчества. На основе социокультурной концепции телесности И. М. Быховской автор анализирует особенности феномена телесности в природном, социальном и культурном проявлениях. Под этим углом зрения оценивается характер изменений в аксиосфере эстрадного творчества и эстетике самопрезентации исполнителя. Автор выделяет тенденцию к вариативности и размыванию границ нормативности при конструировании телесности в контексте массовой культуры, в частности в пространстве эстрады. Именно символичность «культурного» тела как совокупность природного и социального становится на эстраде завершённым образным воплощением артиста.

Ключевые слова: конструкт телесности, нормативное тело, духовность, самопрезентация исполнителя, ценностный аспект эстрадного творчества, тело как художественный код, массовая культура.

Artem E. Koscheev

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

TRANSFORMATIONS OF THE CONSTRUCT OF CORPOREALITY IN VARIETY ART

The article deals with the transformation of the construct of corporeality in the sphere of variety art. Based on the social and cultural concept of corporeality by I. M. Bykhovskaya, the author analyzes the features of the phenomenon of corporeality in natural, social and cultural demonstrations. From this point of view, we assess the nature of changes in the axiosphere of variety art and the aesthetics of the performer's self-presentation. The author highlights the tendency to variability and blurring the boundaries of normativity in the construction of corporeality in the context of mass culture, in particular in the sphere of variety art. It is the symbolism of the "cultural body" as a combination of natural and social that becomes the complete image of the artist on the stage.

Keywords: construct of corporeality, normative body, spirituality, performer's self-presentation, value aspect of variety art, body as an artistic code, mass culture.

Для цитирования: Кощеев А. Е. Трансформация конструкта телесности в эстрадном творчестве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 129–134. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10312

КОЩЕЕВ АРТЁМ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KOSHCHEEV ARTEM EVGENYEVICH – PhD student at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: Kosheev_show@bk.ru
© Кощеев А. Е., 2020

Одна из главных претензий к современному эстраднему творчеству, поп-музыке в частности, имеет ценностно-содержательный характер. Вследствие придания многим формам массовой культуры стиля шоу и рекламной самопрезентации исполнителей в последние десятилетия в сфере эстрады превалирует выразительность не столько художественного, сколько зрелищного характера. Выразительность такого рода направлена на визуальные впечатления в большей мере, чем на эстетические переживания на основе восприятия содержательно-формотворческих параметров эстрадного номера. В ряду доминирующих приёмов внешней выразительности видное место занимает эстетизация актёрской телесности исполнителей. Таким образом, в реалиях массовой культуры «телоориентированность» в её различных вариантах является одной из характерных черт эстрадных шоу. В связи с этим особую внимания заслуживает анализ конструкта телесности в разнообразии его эстетических проявлений.

Характерным примером социокультурного подхода к проблеме телесности является её дефиниция у И. М. Быховской, где она определяется как «очеловеченное» тело, приобретающее в дополнение к своим изначально данным, естественным характеристикам те свойства и качества, которые порождены спецификой человеческой, социокультурной среды, определяющей условия существования, характер осмысления, принципы использования и преобразования свойств и качеств человеческого тела» [4, с. 107]. Восприятие телесности как единства витальных, то есть природных, и социокультурных характеристик человеческого тела позволяет поставить вопрос о теле человека, в том числе эстрадного исполнителя, как конструкта. Если в обы-

денной жизни такое единство формируется стихийно, то в сфере художественного творчества, в частности на эстраде, оно именно конструируется, исходя из тех запросов, которые рождает социокультурная среда в определённый период. Отсюда закономерен вопрос о трансформации конструкта телесности в сфере эстрадного творчества.

Примером этой тенденции является то, что всё чаще современные эстрадные артисты, особенно представители музыкальных жанров, в качестве обогащения визуальной составляющей своего выступления используют шоу-балеты. Яркие детали костюмирования, усиливающие внимание к телесной эстетике участников танцевально-пластического сопровождения «звёздного» вокалиста, направлены на «зрелищный драйв». По нашему наблюдению, включение элементов презентации телесности исполнителей как эстетической ценности в определённой мере способствует конструированию некоего образа «коллективного» тела, которое способно создавать у зрителя ощущения непосредственного участия в сценическом действии. В этом случае зритель не только воспринимает телесность исполнителя как сконструированный образ, состоящий из его «биологического» тела, а также костюма, макияжа, причёски (парика), включая элементы подтанцовки, видимого бэк-вокала, инструментальной группы, но и осознаёт себя сопричастным к этому зрелищному действию.

Вслед за И. М. Быховской мы выделяем три проявления человеческого тела: природное, социальное и культурное [4]. Данная дифференциация тела как основы конструкта телесности продуктивно для анализа основных тенденций в эстетизации современной эстрады. «Природное» тело определяется И. М. Быховской как «биологическое тело

индивида, подчиняющееся законам существования, функционирования, развития живого организма» [4, с. 109]. «Природное» тело, являясь наиболее статичной формой бытия телесности, придаёт уникальность внешнему облику индивида. Благодаря творческой одарённости артиста, его профессиональным навыкам и умениям внешние характеристики его «природного» тела обретают особую выразительность. Именно «природное» тело исполнителя – та первооснова, которая влияет на характер эстетических впечатлений аудитории. Зрительское восприятие может быть созвучным сконструированному образу артиста (крепкое, коренастое тело Михаила Евдокимова в образе деревенского мужика и стройная, изящная фигура певицы Лаймы Вайкуле и т.д.), либо существует в контрапункте с репертуаром (Сьюзан Бойл – полная дама – домохозяйка из Канады, поразившая мир своим исполнением классических музыкальных произведений, исполнительница Монеточка – хрупкая девочка-подросток, исполняющая песни на остросоциальные темы).

Те или иные социальные перемены диктуют изменения не только в одежде, причёске, макияже, но и в их сочетании при конструировании тела, отвечающего новым веяниям. Мода является характерным примером синтетической сути конструкта тела как тела «социального». С точки зрения И. М. Быховской, «социальное» тело представляет собой результат взаимодействия естественно данного человеческого организма с социальной средой [4, с. 110]. Одним из подтверждений данного высказывания является эстрада: как одна из наиболее динамичных форм массовой культуры она своими средствами влияет на эстетические параметры «социального» тела с учётом тех или иных запросов общества.

В этом своём качестве эстрада обладает внушительным потенциалом трансляции ценностных установок. В контексте массовой культуры она формирует нормативы и идеалы в области телесности. Так, образ эстрадного артиста способен представлять не просто норму, а своего рода эстетический ориентир нормативности тела. Под действием социальных запросов и ожиданий эстрадное творчество активно участвует в процессе формирования «нормативного» тела. При этом тело становится своего рода холстом, отражающим противоречия в существующей системе ценностей. Проблема заключается в том, что, наряду с общепринятой нормой телесности, эстрадное творчество формирует и крайние реперные точки. С одной стороны, перед нами «эталонное» тело мейнстрима, а с другой – антиэталон андеграунда в качестве альтернативы норме.

С течением времени, подчиняясь процессам конвергенции массовой и неформальной культур, альтернативные течения становятся также частью «нормативного» тела. Так, если в 90-е годы прошлого столетия тенденции эротизации тела в рекламе и на эстраде поражали многих зрителей, то спустя несколько лет эстетические компоненты этого феномена воспринимались уже как вполне само собой разумеющийся атрибут поп-сцены. Причём, по утверждению французского исследователя Мишеля Фуко, «сексуальность, превращаясь в предмет особых забот и анализа ... в то же время порождает усиление желаний каждого в его собственном теле, к нему и ради него» [9, с. 163]. Проникновение нового, шокирующего и устоявшегося в презентации «социального» тела становится существенным моментом в сфере эстрадного творчества.

Особое значение для анализа эстетических особенностей современной эстрады

имеет предлагаемое И. М. Быховской третье воплощение конструкта телесности – тело «культурное». Согласно исследователю, специфику данного феномена можно определить, как «своего рода квинтэссенцию, завершение перехода от “безличных”, природно-телесных предпосылок к собственно человеческому, не только социально-функциональному, но и личностному бытию телесности» [4, с. 110]. Таким образом, «культурное» тело можно рассматривать в качестве своеобразного способа самоидентификации, осознания личности в том или ином культурном контексте. С этим связана постановка вопроса о символизации телесности в современном обществе. Тело становится не просто идентификационным маркером принадлежности к тому или иному классу, касте, культуре, а образно-символическим комплексом, сопряжённым с рядом понятий, в том числе и таким, как «нормативная телесность». Отклонения от норматива тем или иным образом трактуются как знаки. Как отмечает Н. Н. Зарубина, «важнейшим символом успеха для представителей высшего и среднего классов становится здоровое, ухоженное, красивое, спортивное тело, тогда как запущенное, некрасивое тело маркирует неудачников» [7, с. 83]. На наш взгляд, именно символичность «культурного» тела как совокупности «природного» и «социального» становится на эстраде завершённым образным воплощением артиста.

Атрибуты визуального воплощения образа артиста создают знаковую систему, которая позволяет зрителю идентифицировать принадлежность исполнителя к тому или иному жанру, направлению. Например, такое весьма распространённое явление, как татуировки. Если ещё 40–50 лет назад тату на теле являлось знаком принадлежности к различным профессиональным обла-

стям (моряки, служба в армии), социальным группам (заключённые) или же культурным группам и этносам (традиции некоторых народов наносить татуировки), то сегодня мы можем говорить о татуировках в семиотико-эстетическом аспекте. Разнообразие вариантов татуировки предстаёт не только как общая эстетическая мода, но и как знак приверженности тому или иному музыкальному жанру, подобным хип-хопу или року.

Знаково-эстетическую компоненту включают иные практики модификации тела, например, шрамирование (нанесение рисунка на кожу посредством неглубоких порезов), пирсинг и другие. Подобные проявления зачастую претендуют на восприятие личности как неординарной и уникальной. Стоит при этом иметь в виду, что почти всегда эти телесные модификации носят практически необратимый характер, то есть остаются со своим владельцем на продолжительное время, что ведёт к нормативизации подобных образов. Этот процесс описал Фуко, назвав его «инвестированием власти в тело» [9]. По мнению С. В. Бацановой, дискурс телесности всегда связан с дискурсом власти и контроля. По сути, инвестируя в тело, власть стремится создать нормативную телесность, которая будет отвечать потребностям этой власти, но в результате осознания индивидом права на собственное тело возникает сила сопротивления – протестная телесность (панки в 1970–80-х годах, эмо, готы в 2000-х). Подобные протестные проявления телесности находят отражение в эстетике альтернативных, андеграундных течений эстрадного творчества. Подчиняя себе «социальное» тело, власть даёт толчок к развитию протестной телесности, находящей отклик также в эстрадном творчестве как одной из наиболее остро «реагирующих» сфер актуальной культуры.

Принадлежность к той или иной субкультуре рождает потребность в протестной модификации тела не только в виде татуировок и прочих маркеров его самооценности, но и, в связи с индивидуальным включением в сферу «гламурных» жанров, таких как современный R'n'B, поп, европоп, – хирургических модификаций различных частей тела (губы, грудь и т.д.). Развитие безопасной и доступной пластической хирургии и, соответственно, расширение перечня предложений эстетизации нашего телесного облика создают спрос и формируют систему знаков тела в качестве причастности к некоей страте элитарного сообщества, касте людей, способных оплатить услуги пластики тела. Восприятие татуировок, шрамирования, различных продуктов пластической хирургии как эстетической ценности провоцирует различные способы утверждения телесности как ценности в целом, а также утверждение новой эстетики манифестации свободного тела как индивидуального кода. С этой точки зрения интересно следующее высказывание А. Ю. Чукрова: «То, что обыденное сознание нередко воспринимает как саморазрушение, на самом деле является вариантом самоидентификации и обретения индивидуальности» [10, с. 148].

Тенденцию к вариативности и размыванию границ нормативности при конструировании телесности в контексте массовой культуры можно обозначить сентенцией «Моё тело – моё дело». По сути, тело становится самооценностью, наравне с индивидуальностью мышления, мироощущения, мировоззрения. Эта установка находит своё проявление и в сфере эстрады: ряд звёзд эстрады демонстрирует своим обликом и стилем самопрезентации тенденцию к отстранению от нормативной телесности. Так, основным из трендов в развитии вза-

имоотношений общество – личность – тело сейчас можно выделить движение боди-позитив. Для него характерно своеобразное отношение к телу как самостоятельной, не требующей внешнего вмешательства данности. Боди-позитив как своеобразная парадигма телесности провоцирует отказ от инвестирования власти в тело, тем самым провозглашая его свободным от внешних вмешательств. Данное явление получило широкое распространение на волне роста активности движения феминизма и особенно проявил себя в индустрии моды участием в показах так называемых моделей-плюс (моделей с пышными формами). В эстрадном творчестве данный взгляд наиболее ярко проявил себя в образе певиц Адель и Netta.

Тем не менее современная «телоориентированность» и понимание тела как терминальной ценности создают предпосылки карнавализации облика-маски исполнителя и стиля его существования на эстраде. Осмысление конструкта телесности как инструментальной ценности в условиях массовой культуры даёт основания рассматривать проблему телесность/духовность в творчестве эстрадных исполнителей через призму феномена эстетического плюрализма и этического релятивизма.

В центре классического искусства всегда была тема духовности, которая подчиняла себе телесность. При анализе актуального состояния искусства важно иметь в виду запрос на внешнюю выразительность, яркую форму и установку исполнителя на тело как главное воплощение творческих особенностей и эстетических пристрастий Я. Проблема сопряжения внешней выразительности и внутреннего духовного наполнения по-прежнему связана с поиском наиболее удачного соотношения формы и содержания, телесности и духовности.

Примечания

1. Акчурин Б. Г. Человеческая телесность и социальные аспекты её идентификации : дис. на соискание учёной степени доктора философских наук : 09.00.11 / Акчурин Басыр Гайфуллович. Уфа, 2004. 315 с.
2. Бацанова С. В. Протестная телесность // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. 2015. № 4. С. 245–250.
3. Бойко М. М. Социальные стратегии структурирования телесности : дис. на соискание учёной степени кандидата философских наук : 09.00.11 / Бойко Марина Михайловна. Владивосток, 2010. 171 с.
4. Быховская И. М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела / Российская академия наук, Министерство культуры РФ, Российский институт культурологии. Москва : Эдиториал УРСС, 2000. 204,[2] с. : ил.
5. Горяинов А. А. Феномен телесности в социокультурном пространстве : дис. на соискание учёной степени кандидата философских наук : 09.00.13 / Горяинов Александр Александрович. Белгород, 2006. 131 с.
6. Замощанский И. И. Телесность как смыслообразующий фактор культуры : дис. на соискание учёной степени кандидата философских наук : 09.00.11 / Замощанский Иван Игоревич. Екатеринбург, 2007. 141 с.
7. Зарубина Н. Н. Представления о «нормативном теле» как детерминанты изменений в практиках питания россиян // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 75–91.
8. Колесник М. В. Телесность массовой культуры : дис. на соискание учёной степени кандидата философских наук : 09.00.13 / Колесник Михаил Васильевич. Омск, 2007. 163 с.
9. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. Москва : Праксис, 2002. 384 с.
10. Чукуров А. Ю. Конструирование телесности как механизм самоконтроля // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 3 (36). С. 145–149.

References

1. Akchurin B. G. *Chelovecheskaya telesnost' i sotsial'nye aspekty ee identifikatsii. Diss. dok. filos. nauk [Human Corporeality and Social Aspects of Its Identification. Dr. philos. sci. diss.]*. Ufa, 2004. 315 p. (In Russian)
2. Batsanova S. V. Corporeality of the Body as a Protest. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*. 2015, no. 4, pp. 245–250. (In Russian)
3. Boiko M. M. *Sotsial'nye strategii strukturirovaniya telesnosti. Dis. kand. filos. nauk [Social Strategies for Structuring of Corporeality. Cand. filos. sci. diss.]*. Vladivostok, 2010. 171 p. (In Russian)
4. Bykhovskaya I. M. *Homo somatikos: aksiologiya chelovecheskogo tela [Homo Somatikos: Axiology of the Human Body]*. Moscow, Editorial URSS, 2000. 204 p. (In Russian)
5. Goryainov A. A. *Fenomen telesnosti v sotsiokul'turnom prostranstve. Dis. kand. filos. nauk [The Phenomenon of Corporeality in the Social and Cultural Space. Cand. filos. sci. diss.]*. Belgorod, 2006. 131 p. (In Russian)
6. Zamoshchansky I. I. *Telesnost' kak smysloobrazuyushchiy faktor kul'tury. Dis. kand. filos. nauk [Corporeality as a Meaning-Forming Factor of Culture. Cand. filos. sci. diss.]*. Ekaterinburg, 2007. 141 p. (In Russian)
7. Zarubina N. N. The Images of “Normative Body” as Determinants in Changing Nutrition Practices in Russia. *Historical Psychology & Sociology*. 2015, no. 1, pp. 75–91. (In Russian)
8. Kolesnik M. V. *Telesnost' massovoy kul'tury. Diss. kand. filos. nauk [Corporeality of mass culture. Cand. filos. sci. diss.]*. Omsk, 2007. 163 p. (In Russian)
9. Fuko M. [Foucault Paul-Michel] *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuy [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews]*. Moscow, Publishing House “Praksis”, 2002. 384 p. (In Russian)
10. Chukurov A. Yu. *Konstruirovaniye telesnosti kak mekhanizm samokontrolya [The Construction of Physicality as a Mechanism of Self-Control]. Society. Environment. Development” (“TERRA HUMANA”)*. 2015, no. 3 (36), pp. 145–149. (In Russian)

*

СОВПАДЕНИЕ ИДЕИ МИСТИЧЕСКОЙ КРАСОТЫ
 В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА ЭПОХИ РОМАНТИЗМА
 (НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ
 ВТОРОГО АКТА БАЛЕТА «ЖИЗЕЛЬ» А. АДАНА
 И ЖИВОПИСНЫХ ПОЛОТЕН К. Д. ФРИДРИХА)

УДК 7.01

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10313

Т. В. Портнова

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

В статье впервые предложен сравнительный анализ балета «Жизель» А. Адана, поставленного по либретто на основе немецкой легенды Г. Гейне, и ряда живописных полотен немецкого художника К. Д. Фридриха. Параллельное изучение образов, созданных в хореографии и живописи, позволяет выявить ассоциации и параллели между разными и одновременно схожими произведениями в синхронном и диахронном рассмотрении. Акцент сделан на анализе художественных образов природы как компонента индивидуальной (балетмейстерской и живописной) поэтико-символической модели мистической красоты. Автор обращает внимание на нововведения в балетном театре и в живописи эпохи романтизма, нашедшие естественное равновесие в принципах пространственной организации между всеми компонентами спектакля и живописного полотна. Показано, что они работают на стыке образной романтической идеи как мощного психологического средства.

Ключевые слова: балет «Жизель», К. Д. Фридрих, сценическая интерпретация, живописное полотно, стилистика романтизма, пейзажно-живописная система, мистическая красота.

Tatiana V. Portnova

Russian State University named after A. N. Kosygin (Technology, Design, Art), the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Sadovnicheskaya str., 33, bldg 1, 117997, Moscow, Russian Federation

THE COINCIDENCE OF THE IDEA OF MYSTICAL BEAUTY
 IN THE WORKS OF ART OF THE ROMANTIC ERA (ON THE
 EXAMPLE OF COMPARING THE SECOND ACT OF THE BALLET
 “GISELLE” BY A. ADAN AND PAINTINGS BY C. D. FRIEDRICH)

The article offers for the first time a comparative analysis of the ballet “Giselle” by A. Adan, based on the libretto based on the German legend by H. Heine, and a number of paintings by the German

ПОРТНОВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения и кафедры искусства хореографа Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), член Союза театральных деятелей Российской Федерации, <http://orcid.org/0000-0002-4221-3923>

PORTNOVA TATIANA VASILYEVNA – D.Arts, Professor at the Department of Art History, Professor at the Department of Choreography Art, the Russian State University named after A. N. Kosygin (Technology, Design, Art), member of the Union of Theater Workers of the Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-4221-3923>

e-mail: infotatiana-p@mail.ru
 © Портнова Т. В., 2020

painter C. D. Friedrich. The parallel study of images created in choreography and painting allows us to identify associations and Parallels between different and simultaneously similar works in synchronous and diachronic consideration. The focus is on the analysis of artistic images of nature as a component of individual (choreographic and pictorial) poetic and symbolic models of mystical beauty. The author draws attention to the innovations in ballet theater and in painting of the romantic era, which found a natural balance in the principles of spatial organization between all the components of the performance and the painting. It is shown that they work at the junction of the figurative romantic idea as a powerful psychological tool.

Keywords: ballet “Giselle”, Caspar David Friedrich, stage interpretation, painting, style of romanticism, landscape-painting system, mystical beauty.

Для цитирования: Портнова Т. В. Совпадение идеи мистической красоты в произведениях искусства эпохи романтизма (на примере сопоставления второго акта балета «Жизель» А. Адана и живописных полотен К. Д. Фридриха) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 135–144. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10313

Введение

Культурно-историческое единство того или иного периода включает сходные на строения в различных видах художественного творчества. Проблема выразительности художественного языка различных искусств остаётся до сегодняшнего времени дискуссионной. Представляется интересным рассмотреть связи и зависимости разных жанровых, но сходных образно-психологических решений в их внутренней соотносённости и целостности. Может появиться вопрос о необходимости анализа такого рода соответствий, сближений и расхождений между разнородными творческими сферами, хронологически объединёнными одним периодом в пределах одного стилевого направления. Понятно, что балет «Жизель» Адольфа Адана и живописные полотна немецкого художника Каспара Давида Фридриха не имеют прямого сходства, но круг эстетических интересов их авторов близок. Фридрих создавал свои пейзажи в то же время, когда был поставлен балет «Жизель». Это было направление, бесконечно далёкое от барочной роскоши и шумной феерии. Новшества в театре и живописи XIX века словно нашли естественное рав-

новесие в принципах пространственной организации художественного произведения, между всеми компонентами спектакля и живописного полотна. Выход наметился в отказе от чисто конструктивного подхода сценической коробки к новым решениям, умению организовать сцену живописным пространственным методом. Попытка в рамках стилистики романтизма создать соответствующее визуальное решение была предпринята в декорациях и во всей атмосфере балета «Жизель». Фридрих, восприняв образную стилистическую систему романтизма в пейзажном жанре, творчески преобразовал традиции театрально-декорационной живописи, но перенёс центр тяжести на решение живописных задач, подчиняя их композиционной логике. Во времена зарождения романтизма на балетной сцене сразу проявились свойственные ему черты взаимодействия пейзажной живописи, литературы и собственной хореографической драматургии, что привело к созданию величественного романтического зрелища. Фридрих, бесспорно, был наиболее ярким выразителем немецкого романтизма, одновременно и самым решительным его реформатором. Метод живописного пейза-

жа Фридриха оказался одним из наиболее показательных примеров отражения концепции сценического романтизма.

Таким образом, цель данной статьи определяется прежде всего попыткой совместного анализа балета «Жизель» А. Адана и живописных произведений К. Д. Фридриха, их целостного описания с позиций мистической красоты, отражённой в границах романтического направления в искусстве XIX века.

Для достижения результатов поставлены следующие задачи:

- определить особенности интерпретаций идейно-философского замысла в семантическом и образно-композиционном пространстве указанных художественных произведений;
- обозначить основные модели создания картин природы и характер их реализации в сценическом и живописном форматах;
- показать комплексы ассоциаций, связанных с основными природными состояниями в контексте замысла хореографического и живописных произведений.

Литература

К исследованию и анализу идей романтизма обращались философы и искусствоведы, о чём свидетельствуют их работы [2; 4; 9]. Существует литература по балетному романтизму, по творчеству Фридриха, преимущественно на иностранных языках. Исследователей привлекала загадка фантастического в романтизме, романтическая фантастика, игра и взаимодействие выразительных форм, а также сопоставление российского художественного опыта с немецким, однако вопрос о художественных и хореографических взаимосвязях и взаимодействиях не ставился. Балет «Жизель» часто становился предметом внимания балетной

критики. В газетных и журнальных статьях можно познакомиться с рецензиями на этот спектакль в различных театрах мира, авторы которых больше рассматривают его танцевально-исполнительскую сторону [8; 12; 13]. Издания о Фридрихе – это разговор о его творчестве в целом, в котором присутствует и анализ его живописных картин [5; 15; 16]. Среди изданий о художнике есть работы, исследующие пейзажный жанр, являющийся основным у Фридриха [1; 7; 11]. Повторим, немецкий романтизм на примере второго акта балета «Жизель» А. Адана и произведений изобразительного искусства, представленных пейзажным творчеством К. Д. Фридриха, ещё не был главным предметом научных поисков.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили текстовые и фотоматериалы архивных фондов театральных музеев ГЦТМ имени А. Бахрушина, Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства, РГАЛИ, а также видеозаписи балета «Жизель» разных лет и непосредственный анализ современных постановочных решений, справочно-энциклопедические издания. Относительно творчества К. Д. Фридриха исследовались произведения, находящиеся в музейных коллекциях, в основном Германии.

Для изложения материала использовался метод сравнительного анализа, который явился основным, именно он обозначен в формулировке темы. Аналитический метод в данном исследовании предполагает параллельное изучение образов, созданных как в хореографии, так и в живописи. Метод комплексного анализа учитывает связь исполнительства с драматургией балетного спектакля и сценическим оформлением в соот-

ношении с образами полотен К. Д. Фридриха. Этот подход к исследованию ассоциаций и параллелей между разными и одновременно схожими произведениями в синхронном и диахронном рассмотрении получает множество значений.

Результаты

Семантика балета «Жизель» и полотен К. Д. Фридриха. «Жизель, или Виллисы» (фр. Giselle, ou les Wilis) – «фантастический балет» в двух актах композитора Адольфа Адана на либретто Анри де Сен-Жоржа, Теофиля Готье и Жана Коралли по легенде, пересказанной Генрихом Гейне. История любви крестьянской девушки и знатного дворянина, переплетаясь со славянской легендой о невестах, умерших до свадьбы и по ночам поднимающихся из своих могил, чтобы утолить не исчерпанную при жизни страсть к танцам, гармонично вписывалась в романтическую атмосферу эпохи. Сюжет давал также возможность создать на сцене не обычное зрелище, погруженное в шумное веселье с многочисленными пёстрыми выходами и танцевальными шествиями, а интимный целостный мир печального сельского кладбища, над которым ночью исчезает туман и оживает старинное поверье. В сочинениях Г. Гейне о стихийных духах читаем: «Виллисы — невесты, умершие до свадьбы. Бѣдныя молодыя созданія не могутъ спокойно лежать въ гробу; въ ихъ мертвомъ сердцѣ, въ ихъ мертвыхъ ногахъ сохранилась еще та страсть къ танцамъ, которой не могли онѣ удовлетворить при жизни, и въ полночь выходятъ онѣ изъ могилъ, толпами собираются на дорогахъ, и горе молодому человѣку, который ихъ тамъ встрѣтитъ! Онѣ должны съ ними танцевать, онѣ обнимаютъ его съ необузданною жаждою веселья, и онѣ пляшеть

безъ отдыха, пока не упадетъ мертвымъ. Одѣтыя въ вѣнчальныя платья, съ цвѣточными вѣнками и развѣвающимися лентами на головахъ, съ блистающими кольцами на пальцахъ, танцуютъ виллисы при свѣтѣ мѣсяца, точно такъ же, какъ эльфы. Ихъ лица, хотя и бѣлыя, какъ снѣгъ, молоды и прекрасны, онѣ смѣются такъ страшно весело, такъ преступно граціозно, киванье ихъ такъ, таинственно сладострастно, такъ много общаетъ ... устоять противъ этихъ мертвыхъ вакханокъ невозможно» [6, с. 146]. Эта центральная линия сюжета второго акта помогла обрести балету «Жизель» статус спектакля-легенды и остаться бесспорной вершиной романтического стиля. Из сентиментально-красивой истории об обманутой любви «Жизель» постепенно превратилась в поэму о доверии, которое было предано, и любви, которая оказалась сильнее смерти. Точно так же пасторальная солнечная сельская природа первого акта преобразовалась в мистическую темноту деревенского кладбища, где ночью среди могил в лунном свете появляются призрачные виллисы – невесты, умершие до свадьбы, одетые в подвенечные платья. Мотивы кладбищ, крестов, придорожных распятий, далѣких городов и стоящих в глубине моря кораблей – центральная тема работ К. Д. Фридриха. На его полотнах картины природы, населенные одинокими персонажами, перемежаются с философскими размышлениями о смысле бытия. Щемящее чувство одиночества, затерянности в огромном пространстве и во времени как будто дублируется и развивается в сценической интерпретации балета «Жизель». Фридрих, включая образ человека в свои пейзажи, стремился обосновать их поведение не религиозными нормами, а законами природы. Сюжетный ход и фабула второго акта в «Жизели» апеллирует к достоинству

человеческой личности, требуя от неё разумной ясности поведения, твёрдого выбора в определении решения. Если в балете звучит мысль, которая актуализирует тему, заставляя зрителя задуматься, то у Фридриха этот вопрос кажется слишком отвлечённым. Виллисы и Жизель изменились, стали недоверчивы, ушло в прошлое наивное представление о радостном смысле жизни. От первого ко второму акту хорошо заметен переход от прежней наивной человеческой убеждённости к жестокой реальности мистического поверья. Автор либретто, безусловно, человек живого воображения, у него, наряду с общими философскими размышлениями, в тексте содержится конкретное содержание. Чёткая позиция, изложенная в легенде, облегчает понимание последующего авторского, зачастую сложного хода балетмейстерской мысли. Фридрих на своих полотнах не высказывал в характеристиках персонажей столь определённых суждений, но так же, как и Г. Гейне, обращался к волнующей его проблеме – закономерностям меняющегося и одновременно неизменного исторического процесса. Они оба верили в бессмертие души, видения и чудеса, охотно подхватывали представление о природе как вечном мистическом явлении, их можно назвать космическими творцами, но каждый из них следует своей натуре. Человеком правит слепая и жестокая душа, а после смерти он уходит в небытие. Люди лишь часть природы, но не её господа, их обычные помыслы заслуживают презрения, таковы богатство, слава, придворная суета. У Фридриха человек стремится следовать законам природы и воспринимает её особым образом. Идущая от романтиков загадочность внутреннего мира исходит у него от намеренной недосказанности, в балете наоборот – анализ стремится к исчер-

пывающе ясному знанию о душе человека и всё же не достигает его. У Фридриха присутствует таинственность, в «Жизели» – тайна.

Композиционно-сценографическая структура второго акта балета «Жизель» и полотна К. Д. Фридриха. В контексте обсуждаемых вопросов интересно рассмотреть композиционно-сценографическую структуру второго акта балета «Жизель» и картин К. Д. Фридриха, поскольку она становится магистральным признаком идеи совпадения романтической атмосферы мистической красоты. Фигуры танцовщиц на планшете сцены в силу продуманной хореографии становятся подчинёнными геометрической форме. Достаточно вспомнить готический принцип перенесения скульптурных функций на архитектурное строение, только здесь всё меняется местами, телесная форма преобразуется в высокие материи готической линейности стиля. Это наблюдается в построении мизансцен, в открытых и замкнутых движениях танцовщиц – Виллис, группирующихся в многоплановой ускользящей пластике, в направлениях, развивающихся в различных плоскостях и высотах. Но косвенно приём замкнутости, так же как на полотнах Фридриха, в сценическом пространстве спектакля присутствует. Однако в сценической режиссуре балета он нарушается, что выражено в многочисленных исчезновениях и появлениях исполнительниц, движение кажется выходящим за пределы кулис. Рамы картин Фридриха, так же как и театральные кулисы, не ставят движению специальных преград, оно легко устремляется вперёд. «Театральность поведения» его персонажей не бросается сразу в глаза, это происходит прежде всего благодаря совмещению различных композиционных логик: линейно-пространственной и светотеневой.

В балете белые, словно фосфоризирующие в темноте от лунного света фигуры Виллис, танцующие на фоне могильных крестов, обнажают неоднозначность происходящего, возникшего на грани реальности видимого и воображаемого. Этот модуль символического построения формирует настроенное мистической романтической красоты в обоих случаях. На картинах Фридриха этот композиционный принцип проявляется даже в ещё большей мере, когда он намеренно выстраивает планы, освещение, включает в природные мотивы фигуры героев, заставляя их безмолвно созерцать необычные её состояния. Закономерно предположить, что на создание композиций полотен «Двое, созерцающие луну» (1819/20, Картинная галерея, Дрезден), «Меловые скалы на острове Рюген» (около 1818, собрание Оскара Рейнхарта, Винтертур), «На паруснике» (1834, Национальная художественная галерея, Осло), «Странник над морем тумана» (1818, Кунстхалле, Гамбург), «Восход луны (Двое мужчин на берегу)» (около 1835–1837, Эрмитаж, Санкт-Петербург) и других на художника оказали влияние театральные постановки. Можно заметить, что на этих полотнах преимущественно две формы театрализации изображения соединены вместе (плановость и свет). «Свет на сцене ... на декорациях или актёрах – это всё или почти всё. Светом можно всё спасти или всё погубить» [10, с. 118]. Принципы и способы включения источника света в композиционно-цветовую структуру произведений во многом сходны. Представление одной природной реалии – лунного освещения в пейзаже и спектакле, становится лейтмотивом, выполняющим существенную роль в реализации их идейного замысла. образу луны в этих произведениях принадлежит особенная роль в выражении как собствен-

но авторской позиции, так и в отношении автора-постановщика и автора-художника к персонажам. Об этом подробнее скажем в последнем разделе статьи.

Фридрих часто вписывал в пейзажный фон фигуры людей, расположенных спиной к зрителю. Их взгляд, устремлённый вперёд, открывает далёкую перспективу. Кроме этого, художник стремился привлечь зрителя к происходящему, превратить его в действующее лицо, это тоже театральные приёмы.

Совсем иной принцип, уподобленный театральному занавесу, предстаёт в картинах художника «Руины монастыря Ойбин» (1840, Государственный Эрмитаж), «Руины аббатства Эльдена близ Грайфсвальда» (1824, Старая и Новая Национальные Галереи, Музей Берггрюна, Берлин), «Гробница Ульриха фон Гуттена» (1824), в которых он создал монументальный архитектурный ансамбль, объединивший, предположительно, интерьер зала со сценой, где мощный портал, напоминающий врата готического собора, является доминантой и служит величественным фоном для начала разыгрываемого представления. Подобная завеса, где нет рампы, существенно отличается от рассмотренного нами приёма, несмотря на то, что характер театрального метода и задачи, которые он ставит перед художником, прежние. Фридрих здесь остаётся в пределах реконструктивистской концепции композиционного решения, однако теперь она получает иное выражение. Словно привнесённая на маленькую сцену театра «настоящая» архитектура на полотнах художника придала ей масштаб большого спектакля и сняла тот музейный налёт, подчеркнутую условность, отличавшие изобразительные решения старинного театра [14].

В ряде других работ К. Д. Фридриха конструктивным стержнем построения ста-

новится мотив арки, образующий прорыв в картинную плоскость, подобный кулисному окружению сцены и уводящий взгляд зрителя в глубину: «Беседка» (Новая пинакоотека Мюнхен), «Мужчина и женщина, рассматривающие луну» (1830–1835), «Меловые скалы на острове Рюген» (около 1818, Собрание Оскара Рейнхарта, Винтертур). Присутствие портала, обрамляющего широко открытую сценическую площадку, многозначно. Это и своеобразная рама спектакля, придающая театральному действию суверенный характер, что соответствовало классическим традициям художественного оформления. Это и обобщённый образ, сосредотачивающий основные мотивы решения драмы. Кроме того, он выполнял техническую функцию, которая была неотъемлемой частью всей кулисной системы. Особое расположение порталных кулис способно создать сужение зеркала сцены и иллюзию углублённого пространства при условии последовательно проведённого принципа создания двух сценических атмосфер: более приглушённой и сумрачной на авансцене и более яркой на задних планах.

Мистика природы в балете «Жизель» в сопоставлении с пейзажной интерпретацией К. Д. Фридриха. Теперь стоит сделать всего один шаг, чтобы перейти к анализу представления природы в сценическом воплощении и живописи К. Д. Фридриха в соответствии с общим духом его творчества и интерпретацией природы во втором акте балета «Жизель». Сам Фридрих называл себя соавтором природы, она становится постоянным его спутником, несмотря на то, что иногда образуется пропасть между изображением архитектурных руин и человеческих фигур, но здесь срабатывает стереотип живописности мотива. Первые декорации для балета оформлял Пьер Люк-Шарль

Сисери. В основе сценографии балета «Жизель» лежит принцип свободной композиции, подчёркнуто извилистые линии сельского кладбища произвольно трансформируются в различных художественных интерпретациях, одновременно не выходя на планшет сцены. В балете концептуальная сложность композиционной танцевальной формы, кажется, достигает высшей степени. Художник и его модели (артисты) и потенциальные зрители все разом выведены на сцену этого единственного в своём роде живописного представления. Несмотря на чёткую геометрию в построении, группы танцовщиц кажутся призрачными образованиями, которые противоречат всему материальному и создают иллюзорную живописность. Пространство пейзажного изображения и все действующие герои, вместе взятые, каждый жест и взгляд проникнуты двойственностью, они одновременно призрачные, но благодаря сюжету соотносятся с реальностью и концепцией представления, являясь в одно и то же время плотью и ролью. Точно так же и на пейзажах Фридриха нет противоположного столкновения двух миров, а есть их единство. В его восприятии природы отразилось то новое, что проявилось под влиянием идей романтизма: «Аббатство в дубовом лесу» (1809–1810, Старая национальная галерея, Берлин), «Крест на горе» (1807–1808, Галерея старых мастеров, Дрезден), «Крест и собор в горах» (1812, Музей изобразительных искусств, Дюссельдорф), «Кладбище под снегом» (1826, Музей изобразительных искусств, Лейпциг). Одинокий путник теряется в белом снежном безмолвии, вселяя тоскливый ужас своим, кажется, безысходным одиночеством. Такие же острые, почти графические контрасты в изображении силуэтов деревьев, такое же чувство разорванно-

сти мира и оторванности от него в полотнах «Монах у моря» (1808–1810, Старая национальная галерея в Берлине), «Прогулка в сумерках» (1837), в которых некто явился неизвестно откуда и неизвестно зачем. Бесконечность неуловимо движущегося времени материализуется в окутанных туманом пространствах картин 1820-х годов. В тонком лёгком свечении охристых тонов возникают сохранённые памятью образы, являются застывшие, как бы прислушивающиеся к себе и времени, часто не связанные друг с другом фигуры. Тонкая, с богатой нюансировкой почти монохромная с эффектным включением световых пятен живопись Фридриха и такая же монохромия тёмно-синего пространства сцены в «Жизели» имеют конкретный смысл, связанный с символикой в интерпретации всего «пейзажного» второго акта. Живописность для художника и хореографа здесь является состоянием души. Своеобразная красота его живописи – нарочито холодная и бесстрастная, подобная атмосфере второго акта балета «Жизель», перед которой как перед вечностью в бессилии умолкают человеческие чувства, а разум покидает грешную землю. «С первыми лучами восходящего солнца исчезают белые призраки-виллисы. Исчезает и лёгкая тень Жизели, но сама она всегда будет жить в памяти Альберта как вечное сожаление о потерянной любви – любви, которая сильнее смерти» [3]. Светоцветовая организация выступает как средство проявления внутреннего личного мира, разлитого в мистическом таинстве мироздания – как средство обвинения и скорби в балете и самоотрешённости и созерцания в полотнах К. Д. Фридриха.

Заключение

В романтическую эпоху национальный пейзаж как природная форма духов-

ной культуры органически входил в структуру художественных произведений. В этом смысле сценическое и художественное творчество находилось в русле имеющихся традиций. Образ природы являлся важной составляющей живописных произведений К. Д. Фридриха и тесным образом был связан с формированием философско-эстетической концепции автора. Природа в спектакле «Жизель» – не столько средство художественной выразительности, сколько одна из тех нравственных категорий, которые образуют суть понимания героини как человеческого существа и её мира. Близость Жизели к миру природы, характер восприятия ею окружения становятся особыми критериями для определения степени духовности героини, а также близости её позиций позициям хореографа-постановщика.

Как видим, романтическое направление невозможно отнести только к одному виду художественного творчества, в том-то и заключается его самостоятельность, потому что оно синтетично, сконцентрировало вокруг себя усилия многих представителей литературы, живописи, театра. В этом заключена органическая связь этих видов искусства. Романтическая концепция «Жизели» и романтическое мышление К. Д. Фридриха – очень своеобразный, в чём-то близкий и в чём-то очень далёкий от нас мир, волнующий и мистический. Танцующие призраки – Виллисы – могут гармонично вписаться в пейзажи художника, а природа, изображённая на его живописных полотнах, стать декорацией для балета. Превалирование живописной пейзажной декорации на сцене становится самоценным доминирующим элементом спектакля. Это одна сторона контактных художественных аналогий, другая заключалась в преобразении хореографии в пейзажную картину.

Подчеркнём, что наше описание идей мистической красоты в произведениях эпохи романтизма на примере балета «Жизель» и живописных полотен К. Д. Фридри-

ха, не претендует на полноту, но может быть полезным для понимания той духовной среды, с которой соприкасались авторы этих творений.

Примечания

1. Азадовский К. М. Пейзаж в творчестве Каспара Давида Фридриха // Проблемы романтизма : сборник статей. Выпуск 2 / [сост. А. М. Гуревич]. Москва : Искусство, 1971. С. 100–118.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2001. 512 с.
3. Большой театр. А. Адан. Жизель. Балет в двух действиях в редакции Ю. Григоровича. Краткое содержание [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bolshoi.ru/performances/41/libretto/>
4. Ванслов В. В. Эстетика романтизма. Москва : Искусство, 1988. 397 с.
5. Вольф Н. Каспар Давид Фридрих 1774–1840. Художник спокойствия / пер. Бряндинская А. А. Кёльн : Taschen ; Москва : Арт-родник, 2006. 96 с.
6. Гейне Г. Полное собрание сочинений : в 12 томах / под общ. ред. Н. Я. Берковского, М. А. Лифшица, И. К. Луппола. Москва ; Ленинград : Academia, 1935–1949. Том 3: Лирика / ред. пер. и коммент. Я. М. Металлова. 1939. 371 с., 4 л. ил., факс.
7. Дзери Ф. Фридрих. Путник над морем тумана / [пер. с итал.: Е. Суржанинова]. Москва : Белый город, 2001. 48 с. : цв. ил.
8. Емельянова Г. Н. Исполнительская традиция партии Жизели в русском балетном искусстве XX века : на примере петербургских танцовщиц : автореферат дис. на соискание учёной степени кандидата искусствоведения : 17.00.09 / Емельянова Графира Николаевна. Санкт-Петербург, 2012. 25 с.
9. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. Санкт-Петербург : Аксиома, Новатор, 1996. 232 с.
10. Козлинский В. И., Фрезе Э. П. Художник и театр. Москва : Советский художник, 1975. 239 с. : ил.
11. Михайлов А. В. Природа и пейзаж у Каспара Давида Фридриха // Пространство картины : [сборник статей / сост. Н. О. Тамручи]. Москва : Советский художник, 1989. С. 55–57.
12. Наумова А. В. Балет «Жизель» сквозь призму трёх столетий // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2016. № 4 (23). С. 96–102.
13. Ранди Е., Аксёнова А. Жизель как скрытое воплощение эстетического идеала // Театр. Живопись. Кино. Музыка = Theatre. Fine arts. Cinema. Music : ежеквартальный альманах / учредитель: Российский ун-т театрального искусства – ГИТИС. Москва : РУТИ-ГИТИС, 2017. № 3. С. 96–110.
14. Ходаковский Е. В. Каспар Давид Фридрих и архитектура. Санкт-Петербург : ДБ, 2003. 118 с. : ил.
15. Bialostocki J. (1977) Tor und Tod bei Caspar David Friedrich. *Caspar David Friedrich. Leben, Werk, Diskussion*. Berlin : 155–159.
16. Börsch-Supan H. (1975) *Caspar David Friedrich*. München : Prestel-Verlag : 178.

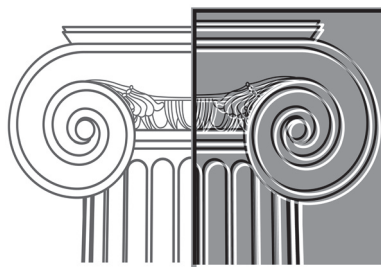
References

1. Azadovsky K. M. Peyzazh v tvorchestve Kaspara Davida Fridrikha [Landscape in the Works of Caspar David Friedrich]. In: Gurevich A. M., ed. *Problemy romantizma. Vypusk 2 [The Problems of Romanticism. Issue 2]*. Moscow, Art Publishing House, 1971. Pp. 100–118. (In Russian)
2. Berkovsky N. Ya. *Romantizm v Germanii [Romanticism in Germany]*. St. Petersburg, “Azbooka-klassika” Publishing House, 2001. 512 p. (In Russian)
3. Bolshoi teatr. A. Adan. Zhizel'. Balet v dvukh deystviyakh v redaktsii Yu. Grigorovicha. *Kratkoe sodержanie [Bolshoi theater. A. Adam. Giselle. Ballet in two acts edited by Yu. Grigorovich. Summary]*. Available at: <https://www.bolshoi.ru/performances/41/libretto/> (In Russian)
4. Vanslov V. V. *Estetika romantizma [Aesthetics of Romanticism]*. Moscow, Art Publishing House, 1988. 397 p. (In Russian)

5. Wolf N. *Kaspar David Fridrikh 1774–1840. Khudozhnik spokoystviya [Caspar David Friedrich 1774–1840. Painter of Serenity]*. Cologne, Taschen, Moscow, Publishing House “Art-Rodnik”, 2006. 96 p. (In Russian)
6. Geyne G. [Heine Heinrich] *Polnoe sobranie sochineniy. V 12 tomakh, tom 3 [Complete Works. In 12 volumes, volume 3]*. Moscow, Leningrad, Publishing house “Academia”, 1939. 371 p. (In Russian)
7. Dzeri F. *Fridrikh. Putnik nad morem tumana [Friedrich. Traveler over the Sea of Fog]*. Voscow, 2001. 48 p. (In Russian)
8. Emelyanova G. N. *Ispolnitel'skaya traditsiya partii Zhizeli v russkom baletnom iskusstve XX veka: na primere peterburgskikh tantsovshchits. Avtoreferat diss. kand. iskusstv. [Performing Tradition of the Part of Giselle in Russian Ballet Art of the 20th Century: the Example of St. Petersburg Dancers. Synopsis cand. history of arts sci. diss.]*. St. Petersburg, 2012. 25 p. (In Russian)
9. Zhirmunsky V. M. *Nemetskiy romantizm i sovremennaya mistika [German Romanticism and Modern Mysticism]*. St. Petersburg, Publishing House “Aksioma”, Publishing House “Novator”, 1996. 232 p. (In Russian)
10. Kozlinsky V. I., Freze E. P. *Khudozhnik i teatr [Artist and Theater]*. Moscow, Publishing House “Soviet painter”, 1975. 239 p. (In Russian)
11. Mikhailov A. V. *Priroda i peyzazh u Kaspara Davida Fridrikha [Nature and Landscape at Caspar David Friedrich]*. In: Tamruchi N. O., ed. *Prostranstvo kartiny [Painting Space]*. Moscow, Publishing House “Soviet painter”, 1989. Pp. 55–57. (In Russian)
12. Naumova A. V. *The Ballet “Giselle” Through the Prism of Three Centuries. Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2016, no. 4 (23), pp. 96–102. (In Russian)
13. Randi E., Aksenova A. *ZHizel' kak skrytoe voploshchenie esteticheskogo ideala [Giselle as a Hidden Embodiment of the Aesthetic Ideal]*. *Theatre. Fine arts. Cinema. Music*. 2017, no. 3, pp. 96–110. (In Russian)
14. Khodakovskiy E. V. *Kaspar David Fridrikh i arkhitektura [Caspar David Friedrich and Architecture]*. St. Petersburg, 2009. 118 p. (In Russian)
15. Bialostocki J. (1977) *Tor und Tod bei Caspar David Friedrich. Caspar David Friedrich. Leben, Werk, Diskussion*. Berlin : 155–159. (In German)
16. Börsch-Supan H. (1975) *Caspar David Friedrich*. München : Prestel-Verlag : 178. (In German)

*

НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕТОДИК АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

УДК 001.89

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10314

Н. В. Лопатина, Г. И. Булдина

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена совершенствованию подходов к анализу результативности научной деятельности организаций (высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, учреждений науки). Конкретизированы задачи научного поиска критериев, позволяющих раскрыть характер участия отдельных организаций, коллективов или учёных в национальной или мировой научной деятельности. Авторы предлагают включить в систему оценок результативности научной деятельности организации анализ документных потоков диссертаций, её инновационной активности. Представлен опыт апробации наукометрической методики, разработанной авторами, при исследовании вклада Московского государственного института культуры в изучение и разработку информационной инфраструктуры общества, которое осуществлено на основе анализа массива диссертаций, подготовленных в институте в 1980–2000-е годы. Предложенная методика ориентирована на отраслевую специфику документопотока и характеризует его посредством специфических содержательных декомпозиций.

Ключевые слова: наукометрия, результативность научной деятельности организации, диссертация, библиотечно-информационные науки, информационная инфраструктура, Московский государственный институт культуры, инновационная активность, инновационный индекс организации.

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

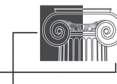
LOPATINA NATALYA VIKTOROVNA – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Full Professor, Head of the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

БУЛДИНА ГАЛИНА ИВАНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

BULDINA GALINA IVANOVNA – PhD in Pedagogic Sciences, Associate Professor at the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: lis.mgik@yandex.ru

© Лопатина Н. В., Булдина Г. И., 2020

Nataliya V. Lopatina, Galina I. Buldina

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

MODERNIZATION OF INFORMATION AND ANALYTICAL METHODS FOR ANALYZING THE EFFECTIVENESS OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE ORGANIZATION

The article is devoted to improving approaches to analyzing the effectiveness of scientific activity of organizations (higher educational institutions, research institutes, scientific institutions). The tasks of scientific search for criteria allowing to reveal the nature of participation of individual organizations, collectives or scientists in national or world scientific activities are specified. The authors propose to include the analysis of dissertations' document flows and the analysis of innovation activity in the system of evaluation of the organization's scientific performance. The article presents the experience of testing the scientometric methodology developed by the authors in the study of the contribution of the Moscow State Institute of Culture to the study and development of the information infrastructure of society, which is based on the analysis of the array of dissertations prepared at the Institute in 1980–2000. The proposed method focuses on the industry specifics of the document flow and characterizes it by means of specific content decompositions.

Keywords: scientometrics, effectiveness of scientific activity of the organization, dissertation, library and information science, information infrastructure, Moscow state Institute of culture, innovation activity, innovation index of the organization.

Для цитирования: Лопатина Н. В., Булдина Г. И. Модернизация информационно-аналитических методик анализа результативности научной деятельности организации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 146–156. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10314

Одной из наиболее обсуждаемых в научных кругах проблем является применение количественных методов оценки результативности научной деятельности организации и отдельных учёных. Наукометрическая методология вошла в предметное поле науки в 1960-х годах [3; 10], её инструментарий активно и эффективно разрабатывался в 1970–1990-е годы (создав базу для особого сектора мирового информационного рынка), но история организации науки показывает локализацию данного дискурса в библиотечно-информационных науках вплоть до 2010-х. Между тем масштабное использование наукометрии на современном этапе не выходит за рамки нескольких клишированных инструментов.

Применение ограниченного круга наукометрических инструментов и моделей не позволяет эффективно (то есть с получением нового аналитического знания) раскрыть характер участия отдельных организаций, коллективов или учёных в национальной или мировой научной деятельности. Необходим системный мониторинг документопотоков [5], позволяющий выявлять закономерности и тенденции развития науки и трансфера научного знания; модернизация информационно-аналитического инструментария в русле интеллектуализации [7; 8] и учёта новых ориентиров оценки научно-исследовательской деятельности – вкладов научного знания и результатов интеллектуальной деятельности конкретной ор-

ганизации в социально-экономическое развитие и увеличение рейтинговых позиций государства в Глобальном инновационном индексе [9]. Неотложность задач совершенствования информационно-аналитического арсенала обусловлена «новыми форматами научно-информационной деятельности, функционирования научно-технической информации, повседневных практик научной коммуникации, информационного обслуживания науки и техники, формирования экспертных сообществ» [4]. В связи с этим актуальна разработка методов и моделей с многоаспектным набором параметров, учитывающих механизмы отраслевой адаптации инструментов, и применение дифференцированного подхода в информационной аналитике [2].

Для решения данной научной задачи начато исследование на основе выделенных экспериментальным путём параметров количественного анализа отраслевого научного документопотока, сформированного в ходе научной деятельности конкретной организации – Московского государственного института культуры. Для проверки информативности предлагаемых нами параметров оценки научной деятельности организации эвристичность показали методы исторического анализа, которые в данном исследовательском контексте заключались не только в ретроспективном анализе документопотоков на основе библиографии как универсального научного метода [6]. Основной акцент был сделан на анализе результатов научных исследований, выполненных в МГИК, с точки зрения их дальнейшего применения в отраслевой науке и практике и с точки зрения их инновационного значения для развития экономики и социокультурной сферы на долгосрочный период. Апробация таких эксперимен-

тальных параметров оценки невозможна на уровне ситуативного анализа, а требует рассмотрения наукометрических объектов в динамике, выявления и сопоставления уровней развития отраслевой науки и практики.

Апробируя данную информационно-аналитическую методику, мы сконцентрировали внимание на методологических, теоретических и практико-ориентированных разработках библиотечно-информационных наук, представленных в кандидатских диссертациях, которые были защищены в МГИК в 1980–2000-х годах [1]. Выбор для этой цели диссертационных исследований обусловлен их комплексным характером и информативностью для многоаспектного анализа трансфера знаний и отраслевых инновационных процессов. Предметное и тематическое разнообразие диссертационных работ по библиотековедению, библиографоведению и книговедению в данном исследовании приведено к «единому знаменателю» с помощью концепта информационной инфраструктуры общества, которая понимается как система социальных институтов, субъектов, структур, процессов, удовлетворяющих информационные потребности личности и общества и обеспечивающих функционирование социальных коммуникаций. Именно с точки зрения инновационного вклада в развитие информационной инфраструктуры общества, которая в заявленный временной период вступала в первые этапы грандиозных трансформаций, на основе авторской методики было проанализировано содержание 376 диссертационных работ.

Исследование позволило проследить и оценить динамику количества работ, направленных на изучение и проектирование основных подсистем информационной ин-

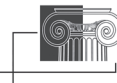

Таблица 1

Распределение диссертационных работ на основании предметной и целевой направленности исследования на одну из подсистем информационной инфраструктуры изучаемого временного периода (абсолютные величины)

Подсистема информационной инфраструктуры	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-2000
Библиотека	43	34	22	21
ГСНТИ	8	6	3	5
Издательское дело, книгораспространение	6	22	8	12
Библиография (вне основных организационных форм информационного взаимодействия)	21	14	14	9
Производство информационных продуктов и услуг (в комплексе основных организационных форм или вне основных организационных форм)	1	12	8	1
ИТ-решения и иные новые способы информационного взаимодействия	3	7	9	3
Организация информационного взаимодействия в культуре, образовании	4	11	2	2
Подготовка специалистов в области библиотечно-информационной деятельности / библиотечная профессиология	2	6	11	11
Массовый актор инфосферы	1	6	1	6
Управленческая и оценочная подсистемы	1	8	4	8

фраструктуры изучаемого временного периода (см. таблицу 1). Выявлено, во-первых, влияние конкретных подсистем экономических и политических трансформаций на количество исследований, во-вторых, опережающий характер разработок, которые в дальнейшем стали основой для проектирования новых систем организации документных коммуникаций.

В ходе исследования было проведено распределение диссертаций (см. таблицу 2) по характеру изучения информационной инфраструктуры общества по следующим группам: исследования фундаментального характера, исторические исследования, исследования педагогического характера, исследования социологического характера, исследования в области экономики и управ-

Таблица 2

Распределение диссертационных работ по характеру научных исследований информационной инфраструктуры общества (абсолютные величины)

Характер научных исследований информационной инфраструктуры общества	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-2000
Исследования фундаментального характера	6	16	10	6
Исторические исследования	15	28	16	18
Исследования социологического характера	3	4	1	0
Исследования педагогического характера	17	21	10	20
Исследования в области экономики и управления подсистемами информационной инфраструктуры	8	11	9	10
Практико-ориентированные исследования	20	14	10	7
R&D	16	22	18	11
Разное	5	10	8	6

ления подсистемами информационной инфраструктуры, практико-ориентированные исследования, R&D (исследования и разработки, направленные на создание новых практических решений или технологий).

Учитывая специфику научных задач библиотековедения, библиографоведения и книговедения, проанализировано распределение выбранного массива диссертационных работ по трём группам в зависимости от временной направленности проведённых исследований: «Исследование прошлого», «Изучение и анализ настоящего», «Проектирование будущего» (см. таблицу 3). Проведённый дополнительно анализ тематических направлений в рамках групп «Проектирование будущего» и «Изучение и анализ настоящего» позволил реконструировать

процесс социальной диффузии тех идей, которые через 20 лет станут мейнстримами развития информационной инфраструктуры, но в рассматриваемый нами период только возникают «как предчувствие» и двигаются по «лестнице инноваций» к прототипированию или экспериментальному внедрению.

Анализ участия вуза в отраслевых инновационных процессах в конкретный исторический период обусловил выделение в качестве исследовательской декомпозиции распределение тематики и результатов исследований в альтернативе «традиционные элементы информационной инфраструктуры – инновационные элементы информационной инфраструктуры» (см. таблицу 4).

Таблица 3

Распределение диссертационных работ по характеру временной направленности исследования (абсолютные величины)

По характеру временной направленности исследования	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-2000
«Исследования прошлого»	17	31	18	18
«Изучение и анализ настоящего»	56	72	47	51
«Проектирование будущего»	17	23	17	9

Таблица 4

Распределение тематики и результатов исследований в альтернативе «традиционные элементы информационной инфраструктуры – инновационные элементы информационной инфраструктуры» (%)

	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-2000
Исследования традиционных элементов информационной инфраструктуры	84,5%	88,1%	76,8 %	84,7 %
Разработка инновационных элементов информационной инфраструктуры	15,5%	11,9 %	23,2 %	15,3%

Полученные в ходе анализа данные позволяют фиксировать показатели высокого уровня инновационной активности МГИК в библиотечно-информационной деятельности изучаемого периода.

Отраслевая специфика анализируемых диссертационных работ определила интерес к сфере применения полученных в них результатов интеллектуальной деятельности (см. таблицу 5).

Группа «для отдельных подсистем информационной инфраструктуры» включает диссертации, направленные на исследова-

ние и развитие институций информационной инфраструктуры в соответствии с изучаемым временным периодом: библиотеки, органы научно-технической информации, книгоиздание, средства массовой информации (периодическая печать), ресурсы, информационные структуры в организациях, профильное образование, кадры. Исследования этой группы рассматривают данные институции по вопросам методик, технологий, управления на следующих уровнях: международном, национальном (в том числе на республиканском уровне и на уровне

Таблица 5

Распределение диссертационных работ по направленности научных результатов (абсолютные величины)

Уровень направленности исследований	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-2000
для отдельных подсистем информационной инфраструктуры	39	64	49	37
для обслуживаемых отраслей / целевых и потребительских аудиторий	29	22	28	10
для общества в целом	22	40	21	31

СССР), региональном, корпоративном уровнях, на уровне отдельных социальных институтов (наука, образование и т.д.).

Группа «для обслуживаемых отраслей / целевых и потребительских аудиторий» включает диссертации, результаты которых направлены на развитие информационной поддержки конкретных отраслей, а также на решение народно-хозяйственных задач «обслуживаемых» отраслей.

Группа «для общества в целом» включает диссертации, направленные на создание результатов общекультурного характера, имеющих значение для социального, информационного и культурного развития общества в целом, отдельных социальных групп (например, отдельных возрастных категорий). Данная группа исследований далеко не всегда напрямую связана с библиотечным или библиографическим предметным полем (например, диссертации по общей теории чтения, по формированию читательской активности «не библиотечными» средствами) [10].

Заключительная задача описанного исследования связана с характеристикой ин-

новационных ориентиров тех диссертаций, которые отнесены к группе «Проектирование будущего» (см. таблицу 3, таблицу 6). Отмечено, что наибольшая доля в данном фрагменте документного потока принадлежит диссертационным работам, в которых содержатся разработки новых информационных продуктов (продуктов с оригинальными качественными характеристиками) и новых технологий (информационных, педагогических, библиотечных). Вместе с тем дополнительно проведенные исследования показали, что, обладая в значительной части случаев патентоспособностью, разработки не были оформлены как интеллектуальная собственность и не имели перспектив для рационального использования в те периоды, когда они были максимально востребованы практикой.

Таким образом, диссертационные исследования информативны для комплексной оценки научной деятельности, однако требуют многоаспектной методики анализа. Наукометрический анализ массивов и потоков диссертационных работ не должен ограничиваться только приравнивани-

Таблица 6

**Распределение диссертационных работ, отнесённых в таблице 3
к группе «Проектирование будущего», по характеру инновационных ориентиров (%)**

По характеру инновационных ориентиров	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-2000
Ориентированные на производство и использование новых информационных продуктов (в том числе информационных ресурсов новых качественных характеристик)	29,4%	47,8%	29,4%	22,2%
Нацеленные на создание и применение новой технологии (в том числе новой методики, новой педагогической технологии, новой библиотечной технологии)	58,8%	30,4%	41,2%	22,2%
Ориентированные на построение и функционирование новых структур, инновационных механизмов моделей взаимодействия в информационном секторе	11,8 %	21,8%	29,4%	55,6%

ем к публикациям и количественными данными об их цитировании. Принципиальное значение имеет результативность социальной диффузии новых идей и разработок, действенные механизмы внедрения нового знания в практику, «инновационная отдача» результатов научных исследований.

Предложенная методика, ориентированная на отраслевую специфику документопотока и характеризующая его посредством специфических *содержательных* декомпозиций, позволяет глубже анализировать результативность научной деятельности организации.

Данная методика даёт возможность оценивать инновационную активность организации не с позиций соответствия моде и конъюнктурным клише, а исходя из до-

полнительной ценности, которую дают результаты данных исследований для экономики, культуры, дальнейшего роста эффективности и качества отраслевых продуктов и услуг.

Анализ результативности научной деятельности организации не может считаться полным, если объектом изучения выступает только документный поток. Принципиальное значение имеет анализ документных массивов и банков знаний, в основе которых – результаты научных исследований и разработки организации, а также их оформление в качестве объектов интеллектуальной собственности.

Проведённое исследование позволило наметить и новые направления и задачи научной работы:

- формирование *инновационного индекса* вуза/НИИ как комплексной характеристики оценки научной деятельности, в том числе его структуры, системы субиндексов, параметров и методик их оценивания, системы целесообразных критериев и показателей;

- разработка методов оценки внедрения результатов диссертаций в отраслевую практику. В качестве параметров анализа выделены и ожидают апробации: (1) доля внедрённых результатов от общего количества защищённых работ; (2) длительность жизненного цикла внедрённых результатов; (3) соотношение внедрённых фундаментальных и практико-ориентированных работ; (4) динамика этих показателей во времени;

- анализ величины временного *лага* между выполнением/публикацией первых результатов/защитой диссертации и внедрением их в информационные практики; сопоставление периодов жизненного цикла результатов диссертационных исследований с экономическими циклами;

- разработка инструментов повышения результативности научной деятельности современного вуза. В их числе – научная политика вуза, которая включает систему принципов финансового инвестирования в науку, развитие кадрового капитала и воспроизводство научных кадров, модернизацию отношения к результатам научного труда (охрана результатов научной дея-

тельности, их продвижение, коммерциализация, создание условий для широкого внедрения в практику);

- проведение прикладных исследований массивов и потоков научной информации как показателя научной деятельности организации для получения информативных, свободных от спекуляции данных об уровне её результативности;

- создание типовых, стратегически ориентированных решений в области организации и управления наукой.

P.S. Проводя это исследование, мы рассматривали МГИК только в качестве одного из кейсов, того, который нам знаком более всего, и не стремились определить причины динамики показателей, выявить факторы, события, персоны, которые повлияли на историю развития отрасли. Но эти задачи интересны для изучения, ибо история любого вуза всегда неразрывно связана с историей его научной деятельности, и она невольно обрастает мифами, которые оказываются более устойчивыми для социального образа, нежели факты и цифры. И именно точные наукометрические инструменты доказывают, насколько высоким является вклад МГИК в развитие информационной инфраструктуры общества, информатизацию культуры, другие аспекты современной жизни, у истоков которой стоял наш институт.

Примечания

1. Библиографический указатель работ, защищённых в Диссертационном совете К 092.07.02 по присуждению учёной степени кандидата наук за 20 лет (в период с 1980 по 2000 г.) при Московском ордена Трудового Красного Знамени государственном институте культуры (МГИК) / составитель Г. И. Булдина. Москва : МГУКИ, 2011. 99 с.
2. Лопатина Н. В., Зубов Ю. С., Неретин О. П. Информационно-аналитическое обеспечение приоритетных направлений науки и техники: отраслевой и дифференцированный подходы // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2017. № 5. С. 15–21.

3. Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия. Изучение науки как информационного процесса. Москва : Наука, 1969. 192 с.
4. Неретин О. П., Суконкин А. В., Рыбакова Ю. В. Теоретические основания изучения и модернизации научных коммуникаций в информационной инфраструктуре цифровой экономики // Культура: теория и практика : электронный научный журнал. 2019. № 3 (30). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/106/1241/>
5. Сладкова О. Б. Информационный мониторинг : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 080800 – «Прикладная информатика (по областям)» и другим экономическим специальностям. Москва : МГИК, 2002. 124 с.
6. Сляднева Н. А. Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: Опыт системно-деятельностного анализа : монография. Москва : МГИК, 1993. 226 с.
7. Сляднева Н. А. Информационно-аналитическая деятельность: проблемы и перспективы // Информационные ресурсы России. 2001. № 2 (57).
8. Сляднева Н. А. Социально-информационные технологии в современном культурогенезе // Культура: теория и практика : научный электронный журнал. 2015. № 3 URL: <http://theoryofculture.ru/issues/48/767/>
9. Россия в зеркале международных рейтингов. Информационно-справочное издание / отв. ред. В. И. Суслов ; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск : Автограф, 2015. 115 с.
10. Pritchard A. (1969) Statistical Bibliography or Bibliometrics. *Journal of Documentation*. No. 25 (4): 348–349.

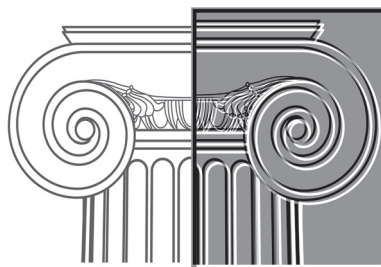
References

1. Buldina G. I., comp. *Bibliographicheskiy ukazatel rabot, zashchishchennikh v Dissertatsionnom Sovete K 092.07.02 po prisuzdeniyu uchenoy stepeni kandidata nauk za 20 let (v period s 1980 po 2000 g.) pri Moskovskom Trudovogo Krasnogo Znameni gosudarstvennom institute kultury (MGIK) [Bibliographic Index of Works Protected in the Dissertation Council K 092.07.02 for the Award of the Degree of Candidate of Science for 20 Years (in the Period from 1980 to 2000) at the Moscow Order of the Red Banner of Labor State Institute of Culture (MSIC)]*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2011. 99 p. (In Russian)
2. Lopatina N. V., Zubov Yu. S., Neretin O. P. Informatsionno-analiticheskoe obespechenie prioritetsnikh napravleniy nauki i tekhniki: otraslevoi i differetsirovanny podkhody [Information and Analytical Support of Priority Areas of Science and Technology: Sectoral and Differentiated Approaches]. *Scientific and Technical Information. Series 1. Organization and Technique of Information Work*. 2017. № 5. Pp. 15–21. (In Russian)
3. Nalimov V. V., Mulchenko Z. M. *Naukumetria. Izuchenie nauki kak infomatsionnogo protsesssa [Scientometrics. The Study of Science as an Information Process]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1969. 192 p. (In Russian)
4. Neretin O. P., Sukonkin A. V., Rybakova Yu. V. Theoreticheskie osnovania izucheniya i modernizatsii nauchnikh kommunikatsiy v informatsionnoi infrastrukture tsifrovoy ekonomike [Theoretical Foundations for the Study and Modernization of Scientific Communications in the Information Infrastructure of the Digital Economy]. *Culture: theory and practice*. 2019, no. 3 (30). Available at: <http://theoryofculture.ru/issues/106/1241/> (In Russian)
5. Sladkova O. B. *Informatsionniy monitoring: theoretiko-metodologicheskie osnovy [Information Monitoring: Theoretical and Methodological Bases]*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2002. 124 p. (In Russian)
6. Slyadnaya N. A. *Bibliografiya v sisteme Universuma chelovecheskoy deyatel'nosty: Opyt sistemno-deyatelnostnogo analiza [Bibliography in the System of the Universum of Human Activity: Experience of System-Activity Analysis]*. Moscow, Publishing House of the Moscow State Institute of Culture, 1993. 226 p. (In Russian)

7. Slyadneva N. A. Informatsionno-analyticheskaya deyatel'nost': problemy i perspektivy [Information and Analytical Activity: Problems and Prospects]. *Informatsionnye resourсы Russii [Information Resources of Russia]*. 2001, no. 2 (57). (In Russian)
8. Slyadneva N. A. Sotsial'no-informatsionnye tekhnologii v sovremennom kul'turogenese [Social and information Technologies in Modern Cultural Genesis]. *Culture: Theory and Practice*. 2015, no. 3. Available at: <http://theoryofculture.ru/issues/48/767/> (In Russian)
9. Suslov V. I., ed. *Rossiya v zerkale mezhdunarodnykh reytingov. Informatsionno-spravochnoe izdanie [Russia in the Mirror of international Ratings. Information and Reference Edition]*. Novosibirsk, Publishing House "Autograph", 2015. 115 p. (In Russian)
10. Pritchard A. (1969) Statistical Bibliography or Bibliometrics. *Journal of Documentation*. No. 25 (4): 348–349. (In English)

*

КУЛЬТУРА
И ПРОСВЕЩЕНИЕ:
ОПЫТ СОВЕТСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ КУЛЬТУРНО- ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

УДК 37(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10315

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры

Рассматривается Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию (1919) как источник идей модернизации культурно-просветительных практик в Советской России. Дан анализ общих предпосылок процесса трансформации внешкольного образования в 1920-е годы и принципов внешкольного образования, сформулированных участниками съезда: свободной творческой самостоятельности, общедоступности учреждений внешкольного образования, планомерности светскости и других. Сделан вывод о том, что съезд предопределил организационную и институциональную специфику, государственный характер просветительской деятельности всего советского периода, а также заложил основы позитивных изменений (всеобщий и массовый характер, общедоступность и бесплатность и другие) и негативных тенденций – тотальная политическая индоктринация, отказ от разнообразия форм общественного управления, централизованный характер и бюрократизация работы культурно-просветительных учреждений. Дана оценка съезда как социокультурного проекта, предвосхитившего многие формы отечественной культурно-просветительной работы, деятельности учреждений внешкольного образования в XX столетии.

Ключевые слова: внешкольное образование, культурно-просветительная работа, история социально-культурной деятельности, Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию, принципы внешкольного образования, принцип свободной творческой самостоятельности.

Nikolay N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

THE FIRST ALL-RUSSIAN CONGRESS ON EXTRACURRICULAR EDUCATION AND THE FORMATION OF A SYSTEM OF CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY IN SOVIET RUSSIA

The First All-Russian Congress on Extracurricular Education (1919) is considered as a source of ideas for the modernization of cultural and educational practices in Soviet Russia. The article analyzes

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

YAROSHENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Full Professor, Head of the Department of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: yaroch1@yandex.ru
© Ярошенко Н. Н., 2020

the General prerequisites of the process of transformation of extracurricular education in the 1920th and the principles of extracurricular education formulated by the participants of the Congress: the principles of free creative self-activity, accessibility of institutions of extracurricular education, planned secularism, etc. It is concluded that Congress has predetermined organizational and institutional specificity, state the nature of the educational activities of the Soviet period, and also laid the Foundation for positive change (universal and mass character, General availability and gratuity, etc.) and negative trends in the total political indoctrination, rejection of diversity of forms of social control, a centralized bureaucratization of the work of cultural institutions. The Congress is evaluated as a social and cultural project that anticipated many forms of national cultural and educational work and activities of institutions of extracurricular education in the XX century.

Keywords: extracurricular education, cultural and educational work, history of social and cultural activity, the First all-Russian Congress on Extracurricular Education, principles of extracurricular education, the principle of free creative self-activity.

Для цитирования: Ярошенко Н. Н. Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию и становление системы культурно-просветительной деятельности в Советской России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 158–171. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10315

Отечественная история отличается яркой цикличностью и богата повторениями явлений, в том числе в развитии культуры, многие из которых оказываются актуальными и в современном контексте, продолжают опосредованно определять его логику и содержание. Одним из таких явлений, которое в ретроспективе «вырастает» до уровня исторического события, можно считать организацию и проведение в Москве в 1919 году Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию. И обращаясь сегодня к историко-педагогическому осмыслению его идей и результатов, можно обнаружить и то, как значимо было общественное мнение по различным вопросам культурного развития страны, и то, как формировался социальный импульс модернизации просветительных практик, прежде всего – внешкольного образования, позволивший создать уникальную советскую модель культурно-просветительной работы, переросшую в современную социально-культурную деятельность [см.: 15].

Актуальность обращения к этому внешкольному съезду также определяется по-

требностью в выявлении истоков современной системы институций, обеспечивающих потребности россиян в сфере культуры, поскольку исторически в России понятие «внешкольное образование» носило достаточно универсальный характер и включало в себя всю совокупность учреждений культурно-просветительной направленности – библиотеки и книжные склады, народные дома, музеи, народные университеты, просветительские общества и другие. И именно на Первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию были сформулированы принципы и подходы, которые были положены в основу перестройки этой деятельности (принципиально не государственной, построенной на частной и общественной инициативе) на государственной основе. Действительно, решения Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию дали мощный импульс к обновлению всех культурно-просветительных практик в Советской России в 1920-е годы, а после его проведения стала возможной коренная реформа внешкольного образования и его принудительная трансформация

в политпросветработу, что нашло достаточное отражение в истории социально-культурной деятельности советского периода [14]. В рамках данной статьи мы ставим перед собой задачу дать характеристику общих предпосылок процесса трансформации внешкольного образования в 1920-е годы, а также показать их значение в последовавшей модернизации системы управления и институций культурно-просветительной работы. В числе таких предпосылок, безусловно, нужно рассматривать цели и идеи, сформулированные участниками Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию (1919).

Основными источниками для анализа данного события послужили архивные материалы (прежде всего материалы фонда Наркомпроса РСФСР (ГА РФ, ф. 2306), частично опубликованные в издании материалов съезда, осуществлённом в 1993 году Государственным республиканским центром русского фольклора [10]), решения съезда, опубликованные в специальном выпуске газеты «Внешкольный съезд» (1919) [2], а также широко всем известные материалы – речи В. И. Ленина, А. В. Луначарского, Н. К. Крупской и других.

Михаил Булгаков писал: «Самый ужасный год в России был 1918-й. Хуже его был только 1919-й». Действительно, в апреле – июне 1919 года шла ожесточённая Гражданская война: наступление белого генерала Н. Н. Юденича на Петроград, боевые действия белых войск адмирала А. В. Колчака. Однако несмотря на нарастающую военную интервенцию, голод и разруху, в Москве одновременно открылись сразу несколько идеологически значимых съездов – в Москве 5–9-го мая 1919 года прошли Второй Всероссийский съезд советских журналистов, Первый Всероссийский съезд работ-

ников искусств [7, с. 42], а также Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию, открывшийся в Москве в Доме Союзов 6 мая 1919 года.

В открытии и закрытии Внешкольного съезда принял участие В. И. Ленин, что придало особое значение всему происходящему, привлекло внимание советской общественности к обсуждению задач культурного строительства и политического просвещения.

Речи В. И. Ленина, выступления А. В. Луначарского и Н. К. Ульяновой (Крупской) были опубликованы в однодневной газете съезда [2], а затем вошли в их собрания сочинений, многократно переиздавались, рассматривались как научно-теоретические источники в теории культурно-просветительной работы. Однако эти тексты, начётнически откомментированные в многочисленных работах советских учёных, сформировали достаточно политизированную оценку съезда, не отражающую реальный процесс его работы. Вот почему сегодня особый интерес представляют малоизвестные материалы, раскрывающие процесс принятия резолюций съезда; характер дискуссий по вопросам о роли интеллигенции, религии, о подходах к подготовке кадров и других; содержание выступлений рядовых делегатов, не стеснявшихся в выражениях, вступавших в открытую полемику с именитыми докладчиками.

Демократический настрой съезда формировался с самых первых моментов его организации.

В ноябре 1918 года по решению участников Совещания представителей внешкольных губернских и областных отделов было объявлено о созыве Всероссийского съезда по внешкольному образованию. Для его организации и проведения при Внешкольном

отделе Наркомпроса РСФСР было сформировано Бюро по созыву съезда, утвердившее развёрнутое «Положение о съезде» [1].

Кроме пленарных заседаний была запланирована работа отдельных групп делегатов. С этой целью участники съезда были разделены на шесть «отделов», среди которых обозначились отделы организационных проблем, внешкольных учреждений, художественного образования, профессионального образования внешкольным путём, издательской деятельности и снабжения.

Бюро съезда полагало, что его проведение даст возможность «установить новые точки зрения на содержание и направление работы» [3, с. 2] по всем формам внешкольного образования, включая подготовку кадров и разработку его теории.

На съезд ожидалось более 1 200 участников, но в условиях Гражданской войны, голода и разрухи смогли приехать около 700 делегатов. Несмотря на то, что оценки числа участников разнятся в имеющихся источниках [4; 8; 13 и другие], можно говорить о том, что речь идёт о представительном и массовом событии, оказавшем заметное влияние на становление советской модели культурно-просветительной работы и художественного образования.

Среди делегатов съезда преобладали практические работники внешкольного образования, прибывшие из регионов страны, однако организационную работу и модерацию заседаний вели партийные лидеры и представители Наркомпроса РСФСР (А. В. Луначарский, С. Ф. Гарденин, Н. К. Крупская, Л. Р. Менжинская, М. А. Ружер-Нирова, Д. Ю. Элькина и другие). Большой интерес съезд вызвал и у ведущих теоретиков внешкольного образования, получивших известность ещё в дореволюционный период благодаря публикаци-

ям и активной практической деятельности (В. А. Зеленко, В. Ф. Булгаков, Е. Н. Медынский, Н. В. Чехов и другие). Все участники были единодушны в ожидании того, что съезд позволит «вывести дело внешкольного образования из стадии стихийности и кустарничества» [6, с. 4].

Л. Р. Менжинская отмечала, что «съезд продолжался две недели, причём заседания происходили утром и вечером, занятия были разделены на целый ряд отделов и секций, так что одному лицу даже не под силу было бы ознакомиться со всеми материалами» [4, с. 6].

В Бюро съезда поступило более двухсот шестидесяти заявок на выступления с докладами, что потребовало организовать, кроме пленарных заседаний, ещё несколько отделов: организационный отдел, внешкольных учреждений и мероприятий, внешкольно-художественного образования, внешкольного профессионального образования, издательский и снабжения, отдел персонала. Каждый из отделов, в свою очередь, делился на секции. Например, отдел внешкольных учреждений имел следующие секции: библиотечная, народных домов и клубов, школьно-лекционная, музейно-экскурсионно-выставочная, физической культуры, внешкольно-научная и издания периодических органов.

Не будем останавливаться на детальном анализе докладов В. И. Ленина (на открытии и закрытии съезда) и А. В. Луначарского (на открытии съезда), которые хорошо известны и детально проанализированы в историко-педагогической литературе. Главная идея этих выступлений состояла в мобилизации всех участников внешкольного образования в качестве активных участников политического просвещения и борьбы с неграмотностью.

Среди выступлений, представленных на съезде, выделяется доклад С. Ф. Гарденина. Он хорошо был известен собравшимся как один из активных деятелей дореволюционного большевистского движения, как один из организаторов этого съезда, представлявший Внешкольный отдел Наркомпроса. Он обозначил позицию, согласно которой в дореволюционной России имелся слабый уровень организации внешкольного образования в целом, а также неравномерный и даже частичный охват территории страны внешкольными учреждениями. Доклад содержал многочисленные статистические данные о развитии внешкольного образования в РСФСР. И всё это высказывалось на фоне достаточно слабой организации внешкольной работы в молодой Республике, бессистемности, которая приводит к тому, что «внешкольная работа крайне распылена» (Л. Р. Менжинская).

Основываясь на политической целесообразности пролетарской диктатуры, участники этого съезда фактически одобрили идею воспитания личности и социальных групп в русле доминирующей партийной идеологии. Внешкольное образование, по мысли В. И. Ленина, должно было перерасти в политическое просвещение, в политпросветработу. Именно поэтому в советской истории педагогики всегда давалась исключительно положительная оценка этого съезда. В литературе советского периода признавалось, что съезд стал предтечей масштабного социального проекта по ликвидации неграмотности в Советской России и формирования государственной системы культурно-просветительных учреждений. Присоединяясь в целом к этой оценке, следует указать на объективные последствия, которые не так однозначны.

В последнее время постепенно формируется новый историко-педагогический подход, позволяющий в ходе анализа исторических явлений, наряду с положительными моментами, определять истоки ошибочных решений. В ходе анализа результатов съезда, а шире – всей последовавшей за ним деятельности Главполитпросвета, необходимо выделить один из наиболее заметных отрицательных результатов модернизации внешкольного образования в 1920-е годы: была сформирована воспитательная система, в которой оставалось мало места для свободных инициатив, а бюрократизация и заорганизованность стали бичом советской культпросветработы, дополнительного образования.

Авторы предисловия к изданным материалам внешкольного съезда А. С. Каргин и Е. А. Владимиров так написали об этом: «Картина подъёма внешкольного дела, расписанная умопомрачительными красками, которая грезилась новым властям, требовала огромных материальных, финансовых, кадровых и прочих ресурсов. А только что народившееся Советское государство формировалось, как известно, в условиях лавинообразно разрастающейся экономической разрухи, обнищания народа, военных потрясений, эпидемий “испанки”, тифа, повального голода. В такой ситуации отказываться от тех возможностей, сил, средств (пусть невеликих), которыми располагали общественные организации, и взваливать все расходы по просвещению на госбюджет, даже с позиций элементарного здравого (а не только экономического) смысла, было, конечно, не чем иным, как политическим авантюризмом. Между тем именно такой подход восторжествовал! И не только на первом внешкольном съезде, но и на построение вскоре IX Съезде РКП/б/. Всё это

красноречиво говорит о крупных ошибках, прямых просчётах, допущенных в те годы. Полнейший развал системы внешкольного образования, наступивший в РСФСР в начале 20-х годов, явился закономерным результатом, в частности, “претворения в жизнь” решений I Съезда по внешкольному образованию» [8, с. 11]. Соглашаясь в целом со столь резкой оценкой, следует отметить, что роль внешкольного съезда в становлении советской культурно-просветительной работы многоаспектна: наряду с положительными его результатами, главным из которых стала инициатива по организации борьбы с неграмотностью, были решения, позволившие в дальнейшем свернуть *общественную самоорганизацию* в просветительстве, культурном творчестве людей, заменив её на принцип *государственно-партийного руководства* этой сферой.

Отход от хрестоматийного прочтения – актуальная историко-педагогическая задача, которая должна раскрыть не только социокультурную и педагогическую значимость съезда, но и исключительно противоречивый характер мнений его участников и, наконец, его роль в формировании негативных тенденций в системе культурно-просветительной работы советского и постсоветского периодов.

Наиболее ярко смена смысловых ориентиров и парадигмы понимания сущности и специфики внешкольного образования проявилась в формировании позиции участников внешкольного съезда относительно принципа самодеятельности.

Именно первые шаги к созданию «основной государственной системы внешкольного образования» намеченные Первым Всероссийским съездом по внешкольному образованию представляют особый интерес – здесь видно, что участники съез-

да не отвергают принцип самодеятельности населения в деле внешкольного образования, призывают при создании сетей учитывать имеющийся состав учреждений. Любопытно, что и само построение государственной системы виделось участникам съезда как важный шаг, не только не устраняющий, но прежде всего поддерживающий многообразие видов и форм организаций культурно-просветительной направленности.

Обобщая итоги съезда М. А. Рузер-Нирова, являвшаяся на тот момент главным редактором журнала «Внешкольное образование», подчеркнула, что внешкольное образование – это «крепкий цемент», обеспечивающий устойчивость нового режима, и он «не даст развалиться государственной системе Советской власти» [12]. На чём же основан этот тезис? В его основе лежит понимание того, что внешкольное образование побуждает людей к активной творческой деятельности. Сегодня мы определили бы это понятием «социально-культурная активность», а в понятийном поле педагогов-внешкольников первых десятилетий XX века это явление обозначалось как творческая самодеятельность населения, создающая новый уклад жизни.

Внешкольное образование – это «гигантский рычаг, который должен поднять культурный, политический и общественный уровень широких трудящихся масс до способности сознательно и самостоятельно созидать новые формы коммунистического уклада жизни» [12]. Даже метафоры «цемент», «мощный рычаг», использованные М. А. Рузер-Нировой, подчёркивали индустриальный характер эпохи, которая в проекции на культурные и социальные процессы была призвана преодолеть неграмотность, техническую отсталость страны,

то есть внешкольное образование в самом начале советской власти реально выполняло функцию социальной модернизации и модерации новых культурных ориентиров.

К великому сожалению в 1920-е годы диктатура средств в итоге победила «цели» в культурно-просветительной работе всего советского периода. Источником для такой оценки служит провозглашённый на съезде отказ от принципов общественной и частной инициативы, которые лежали в основе организации внешкольного образования в дореволюционной России. На смену им был выдвинут принцип самодеятельности. На первый взгляд может показаться, что речь идёт об одном и том же и всё остаётся без изменений. Однако это не так. По нашему мнению, в принципе общественной и частной инициативы, который лежал в основе дореволюционного внешкольного образования, были чётко обозначены субъекты инициативы, активного действия, деятельного участия – это общество и частные лица. Принцип же «самодеятельности» формулируется более широко и не конкретизирует инициативную форму участия в создании, организации и обеспечении деятельности внешкольного учреждения, а может быть отнесён к личности, социальным группам, государственным органам и т.д., реализующим «творческую деятельность» в широком смысле. Более того, полагаем, что принципы частной инициативы и самодеятельности вообще нельзя синонимизировать или считать взаимозаменяемыми. Речь идёт о самостоятельных, самодостаточных принципах, получивших теоретическую разработку ещё в работах дореволюционных авторов, прежде всего в трудах Е. Н. Медынского.

В дореволюционном внешкольном образовании принцип самодеятельности не

отменял принципа частной инициативы, а дополнял его. Видная деятельница внешкольного образования М. Фрумкина, выступившая на съезде, говорила: «В настоящий момент мы исходим из тех взглядов на будущую культуру, на ту новую культуру, которую мы создаём, что это будет культура массового творчества. Мы исходим из идеи коллективного творчества...» [10, ч. 1, с. 149]. Идея *коллективного творчества* была широко поддержана участниками съезда.

Переход к новой формулировке центрального принципа внешкольного образования, в которой доминируют понятия «коллективное творчество», «массовое творчество», открыл возможность для того, чтобы фигура носителя инициативы, инициатора этого творчества стала «обезличенной», что делало возможным передать эту функцию государству. Но именно такая патерналистская модель, в которой главное – инициатива государственной системы управления, представленной государственными служащими, стала приоритетной в культурно-просветительной работе советского периода.

При этом роль государства во внешкольном образовании участникам съезда виделась весьма ограниченной – это участие должно было быть минимальным, обеспечивать лишь самые насущные потребности людей во внешкольном образовании, и для этого на съезде было введено понятие «основная государственная система учреждений внешкольного образования».

В резолюции по докладу Внешкольного отдела Народного Комиссариата по просвещению особо подчеркнута идея того, что речь идёт именно только об «основной» системе, которая не является единственной и нуждается в широкой поддержке, так как «основная государственная система учреж-

дений внешкольного образования является тем минимумом внешкольного просвещения, который может и обязано дать государство; развитие всевозможных видов учреждений и мероприятий внешкольного образования сверх этого минимума предоставляется как Отделам Народного образования, так и свободной творческой инициативе всяких культурно-просветительных организаций и учреждений самодеятельности населения» [11, с. 4].

Отдельный пункт данной резолюции закреплял за государством функцию финансирования именно необходимого и достаточного минимума внешкольного образования: «Основная система содержится всецело на государственный счёт; учреждения же и мероприятия, не входящие в систему, могут субсидироваться государством на основании особых положений» [11, с. 4].

Таким образом, по мнению участников съезда, финансируемая государством система внешкольных учреждений не должна была отменить инициативу населения и «всяких культурно-просветительных организаций». Однако на практике эту установку выдержать не удалось. Финансируемая государством система культурно-просветительных практик уже к 1930-м годам оказалась главной и практически единственной, а формирующаяся рядом с ней система культурной работы профсоюзных и кооперативных организаций стала её «копией», не отражающей реальную самоорганизацию людей в сфере культуры и просветительства.

И хотя на съезде подчёркивались актуальность и правильность положений, выдвинутых Н. К. Крупской на совещании в Наркомпросе от 25 ноября 1917 года, известных по её высказыванию: «Организация внешкольного образования должна быть делом самого населения, непосред-

ственно в нём заинтересованного. Никакой опеки со стороны комиссариата не должно быть. Смешно было бы думать, что из центра можно управлять» [цит. по: 8, с. 12], тотальный учёт и контроль постепенно стали основой советского управленческого стиля, в том числе и в сфере культуры.

Подводя итоги этого уникального события, Н. К. Крупская подчёркивала: «Съезд пришёл к заключению, что весь громадный внешкольный аппарат должен служить целям углублённой коммунистической пропаганды, имеющей целью открыть массам глаза на все явления, происходящие в природе, и на структуру современного общества и его развитие» [13].

Идея «углублённой коммунистической пропаганды», определяющая ценностно-смысловое ядро советской культурно-просветительной работы, выстраивалась тем не менее на основе принципов, в которых присутствовали идея демократии и чёткое понимание специфики социально-культурной активности и творческой самодеятельности.

Эти принципы внешкольного образования нашли отражение в «Положении об организации дела внешкольного образования Р.С.Ф.С. Республике», проект которого прозвучал на съезде в докладе Н. К. Крупской.

Подчеркнём, что открывает перечень принципов «всемерная поддержка и содействие свободно проявляемой творческой самодеятельности широких масс населения в области внешкольного образования и организация участия их как в создании учреждений внешкольного образования, так и ведении внешкольной культурно-просветительной работы на местах и в центре». Это главный и основополагающий принцип, провозглашавший свободное творческое участие граждан не только в самой

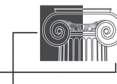
деятельности, но и в её организации на всех уровнях управления. И здесь речь, по сути, идёт о реальном участии людей в работе учреждений культуры. Однако постепенно этот принцип подменяется рассмотрением «свободной самодеятельности» в основном в контексте художественного творчества. Ибо постепенно на первый план выдвигается принцип партийности, которого в 1919 году ещё не было в числе принципов внешкольного образования – указывалось лишь на контроль пролетариата и крестьянства над постановкой дела внешкольного образования. Внешкольный съезд не решился включать партийность и идеологическую обусловленность в число принципов, среди которых были заявлены и сегодня актуальные подходы: «общедоступность учреждений внешкольного образования», «планомерность и согласованность работы как органов, ведающих делом внешкольного образования, так и отдельных внешкольно-просветительных учреждений», «соблюдение принципов светскости в самом построении и во всей практике внешкольных учреждений» [2; 5 и другие].

Оценивая сформулированные на съезде принципы деятельности внешкольных учреждений, А. С. Каргин и Е. А. Владимиров точно отметили, что эти принципы «носили, безусловно, демократический характер. Они явно отражали взгляды сторонников “мягкой централизации”». Однако двойственность позиций последних (попытка сроднить тоталитаризм с демократическим началом) по сути вела к монополии идеологии в культуре» [8, с. 12].

Обращение к изучению результатов этого съезда имеет определённую социальную актуальность, поскольку в развитии современной российской культуры постепенно зреет общественная потребность в де-

мократизации практики принятия организационно-управленческих решений на всех уровнях. Однако реальных механизмов для реализации этой потребности пока не выработано, а существующие – недостаточно эффективны. Большинство управленческих решений, затрагивающих сферу отечественной культуры, принимаются органами управления по традиционной, достаточно бюрократизированной процедуре, в которой мнение рядовых участников культурного процесса учитывается не всегда или не в должной мере. Большая часть решений по важным, ключевым вопросам принимается или без широкого общественного обсуждения, либо с соблюдением процедур, имитирующих форму такого обсуждения, но не имеющих особого значения. Пока ещё не в полной мере сформирована потребность органов управления в сфере культуры в социальной легитимизации своих решений на основе всестороннего обсуждения и учёта многообразных мнений и подходов.

Принципиально иная ситуация складывалась в молодом советском государстве, в котором новая власть объективно нуждалась в общественном признании и поддержке решений, в том числе по вопросам развития культуры и формирования новой системы просвещения. Это потребовало проведения многочисленных съездов, совещаний, заседаний по самым разнообразным вопросам культурной жизни и образования. Большинство из них в первые годы советской власти ещё не носили бюрократизированного и заорганизованного характера, а отличались экспрессией, демократичностью, стремлением к кардинальному обновлению идей и практик. Образование и культурно-просветительная деятельность вообще воспринимались в молодом советском государстве как магистральное направле-

ние социальной модернизации, что вызвало в стране бум в создании учреждений и организаций внешкольного образования – школ для взрослых, библиотек, народных домов и других.

Потребность в коллегиальном обсуждении задач внешкольного образования, взаимная информация о ведущейся работе были отражены в резолюциях съезда. В резолюции «Основы объединения внешкольной работы в Республике» признавалось целесообразным и необходимым организовать «периодический созыв общих конференций», «периодический созыв небольших деловых совещаний в промежутках между сессиями конференций». С этой же целью было запланировано издание «совместными силами общего периодического органа по внешкольному образованию с постоянными отделами, посвящёнными работе каждой организации», а также «устройство совместными силами показательных и опытных учреждений, курсов и учебных заведений для подготовки персонала, общего издательства книг, различных мастерских и предприятий; взаимная информация о намечающихся предприятиях в этих направлениях и совместное обсуждение предварительных проектов указанных мероприятий» [5, с. 14].

Поэтому рассмотрение подходов к выработке стратегии развития внешкольного образования, осуществлённой в рамках Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию (1919), может в определённой мере служить источником для понимания логики принятия решений в сфере педагогики и образования на основе открытого демократического обсуждения. И, возможно, стать источником для поиска органичных форм взаимодействия общества и государства, способного дать необходимый импульс к обновлению содержания куль-

турно-просветительной деятельности в современной России.

Итак, импульс модернизации внешкольного образования и та траектория, по которой пошло развитие культурно-просветительных практик в советском государстве, определялись не только волевыми управленческими решениями руководства страны, но и общественным мнением, для которого в жёсткой управленческой системе ещё оставались «люфты» в виде многочисленных форм коллегиального обсуждения на собраниях, совещаниях, съездах и т.д.

В историко-педагогическом контексте значение съезда трудно переоценить, так как его проведение стало переломным моментом в превращении внешкольного образования в политико-просветительную работу, его решения и резолюции повлияли на последующее объявление всероссийской кампании по борьбе с неграмотностью. В ходе работы участниками съезда было разработано «Положение об организации дела внешкольного образования в РСФСР» и, в развитие общего Положения, – «Об организации дела народного образования в Российской республике».

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что советский опыт ликвидации неграмотности и организации массового просвещения является одним из наиболее ярких примеров успешной реализации модернизационного проекта социально-культурной направленности.

Полагаем, что именно этот съезд во многом определил организационную и институциональную специфику просветительской деятельности всего советского периода, реально предопределив его государственный характер, а также заложил основы как позитивным её сторонам – всеобщий и массовый характер, общедоступность и

бесплатность, так и негативным – тотальная политическая индоктринация, отказ от разнообразия форм общественного управления, централизованный характер и бюрократизация работы культурно-просветительных учреждений.

При этом, на наш взгляд, съезд выполнил функцию легитимизации решений, которые вырабатывались предварительно в ходе проведения значительного числа конференций, съездов и других демократических по форме научно-практических собраний с участием партийных руководителей и практиков внешкольной работы. Во главе выработки этих решений, безусловно, стояло руководство Наркомпроса. Чрезвычайно важна в этом роль Н. К. Крупской, возглавившей Внешкольный отдел Наркомпроса РСФСР, а затем – Главполитпросвет.

Съезд также выполнил и функцию проектирования будущего состояния системы образования в советском государстве, по крайней мере – в части развития просветительства, художественного образования. Это был своего рода футурологический проект, предвосхитивший многие формы отечественной культурно-просветительной работы, деятельности учреждений внешкольного образования в XX столетии.

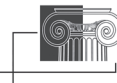
История педагогики рассматривает «историко-педагогический процесс как неотъемлемую часть историко-культурного процесса» [9, с. 40], и с этим нельзя не согласиться, ведь становление и развитие большинства отечественных образовательных практик является необходимым компонентом общего процесса становления культуры страны. Ярким примером этого можно признать процесс становления в Советской России системы культурно-просветительной работы, которая с новых идеологических и организационных позиций развива-

ла идеи внешкольного образования. История становления советской модели культурно-просветительной деятельности по праву рассматривается как предтеча становления современной системы дополнительного образования и системы социально-культурной деятельности, осуществляемых учреждениями образования и культуры разного типа.

Сегодня в общественном сознании и отчасти в научно-педагогическом дискурсе сформировалась достаточно скромная общая оценка культурно-просветительных практик – они неверно оцениваются как второстепенные по отношению к практикам общего и профессионального образования, а в теоретическом отношении – ошибочно признаются не обладающими существенной спецификой.

Обращение к одному из узловых моментов в истории культурно-просветительной работы – Первому Всероссийскому съезду по внешкольному образованию (1919) – даёт возможность показать уникальность просветительства как социально-культурного явления и его особое место в педагогической практике, ориентированной на воспитание личности в ситуации творческой самостоятельности и досуговой самореализации.

Отечественные историки педагогики Г. Б. Корнетов и М. А. Лукацкий верно подчёркивают, что «история педагогики не только реконструирует, описывает, объясняет, интерпретирует, конструирует педагогическое прошлое, обобщает, концептуализирует и систематизирует его. Она также обеспечивает возможность соотнесения педагогического прошлого с современной теорией и практикой образования, с их достижениями и трудностями, с их традициями, тенденциями и перспективами развития» [9, с. 47]. Именно поэтому нам

представляется актуальной и теоретически значимой задача дальнейшего анализа культурно-просветительной деятельности в условиях революционных социальных изменений, развёрнуто представленной в материалах Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию, с анализом

долговременных последствий этого съезда и соотносением этих выводов с особенностями имплементации педагогических идей в практику советской культурно-просветительной работы и преимущественно её продолжающей современной социально-культурной деятельности.

Примечания

- 1-й Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Положение о съезде. Москва, 1919. С. 1–2.
- Внешкольный съезд : обзор работ и главные резолюции 1-го Всероссийского съезда по внешкольному образованию 6–12 мая 1919 года : издание Внешкольного отдела Народного комиссариата по просвещению : однодневная газета. Москва, 1919. 8 с.
- Всероссийский съезд по внешкольному образованию // Известия Бюро Всероссийского съезда по внешкольному образованию. Москва, 1918–1919. № 1. С. 2.
- Всероссийский Съезд по внешкольному образованию : Доклад Менжинской Л. Р. // Внешкольное образование. Петроград, 1919. № 6–8. С. 6–13.
- Всероссийский Съезд по внешкольному образованию : Резолюции Съезда // Внешкольное образование. Петроград, 1919. № 6–8. С. 13–25.
- Григорьев П. Государственная система учреждений внешкольного образования // Внешкольный съезд : обзор работ и главные резолюции 1-го Всероссийского съезда по внешкольному образованию 6–12 мая 1919 года : однодневная газета. Москва, 1919. С. 3–4.
- Гурко-Кряжин В., Павлов Б. Два красных года : ноябрь 1917 г. – ноябрь 1919 г. : хронология пролетарской диктатуры. Москва, 1919. 46 с.
- Каргин А. С., Владимиров Е. А. Предисловие // Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию, 6–19 мая 1919 г. Документы и материалы : в двух книгах. Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1993. Книга первая : 6–8 мая 1919 г. С. 5–16.
- Корнетов Г. Б., Лукацкий М. А. Предмет истории педагогики // Историко-педагогический журнал. 2013. № 1. С. 40–58.
- Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию, 6–19 мая 1919 г. Документы и материалы : в двух книгах. Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1993. Книга первая. 172 с. ; Книга вторая. Часть 1. 152 с. ; Книга вторая. Часть II. 176 с.
- Резолюция по докладу Внешкольного Отдела Народного Комиссариата по просвещению // Внешкольный съезд : обзор работ и главные резолюции 1-го Всероссийского съезда по внешкольному образованию 6–12 мая 1919 года : однодневная газета. Москва, 1919. С. 4.
- Рузер-Нирова Н. (М. А.) Боевая армия просвещения // Внешкольный съезд : обзор работ и главные резолюции 1-го Всероссийского съезда по внешкольному образованию 6–12 мая 1919 года : однодневная газета. Москва, 1919. С. 1.
- Текущий момент и внешкольное образование (доклад Н. К. Ульяновой-Лениной) // Внешкольный съезд : обзор работ и главные резолюции 1-го Всероссийского съезда по внешкольному образованию 6–12 мая 1919 года : однодневная газета. Москва, 1919. С. 2.
- Ярошенко Н. Н. Основные этапы историко-педагогических исследований социально-культурной деятельности в России конца XIX – начала XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 114–127. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10210
- Ярошенко Н. Н. Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию: у истоков модернизации культурно-просветительных практик в Советской России // Библиотечная история: современное состояние и перспективы развития : монография / под научной редакцией Н. В. Лопатиной. Москва, 2020. С. 96–117.

References

1. 1-y Vserossiyskiy s"yezd po vneshkol'nomu obrazovaniyu. Polozhenie o s"yezde [The First All-Russian Congress on Extracurricular Education. Regulations on the Congress]. Moscow, 1919. Pp. 1–2. (In Russian)
2. *Vneshkol'nyy s"yezd: obzor rabot i glavnye rezolyutsii 1-go Vserossiyskogo s"yezda po vneshkol'nomu obrazovaniyu 6–12 maya 1919 goda. Izdanie Vneshkol'nogo otdela Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu: odnodnevnyaya gazeta [Extracurricular Education Congress: a Review of Works and the Main Resolutions of the First All-Russian Congress on Extracurricular Education. May 6–12, 1919. Publication of the Extracurricular Education Department of the People's Commissariat for Education: One-Day Newspaper]*. Moscow, 1919. 8 p. (In Russian)
3. Vserossiyskiy S"yezd po vneshkol'nomu obrazovaniyu [All-Russian Congress on Extracurricular Education]. *Izvestiya Byuro Vserossiyskogo s"yezda po vneshkol'nomu obrazovaniyu [Izvestia of the Bureau of the All-Russian Congress on Extracurricular Education]*. Moscow, 1918–1919, no. 1, p. 2. (In Russian)
4. Vserossiyskiy S"yezd po vneshkol'nomu obrazovaniyu: doklad Menzhinskoy L. R. [All-Russian Congress on Extracurricular Education. Report of Menzhinskaya L. R.]. *Extracurricular Education*. Petrograd, 1919, no. 6–8, pp. 6–13. (In Russian)
5. Vserossiyskiy S"yezd po vneshkol'nomu obrazovaniyu: Rezolyutsii S"yezda [All-Russian Congress on Extracurricular Education: Resolutions of the Congress]. *Extracurricular Education*. Petrograd, 1919, no. 6–8, pp. 13–25. (In Russian)
6. Grigoryev P. Gosudarstvennaya sistema uchrezhdeniy vneshkol'nogo obrazovaniya [State System of Extracurricular Education Institutions]. In: *Vneshkol'nyy s"yezd: obzor rabot i glavnye rezolyutsii 1-go Vserossiyskogo s"yezda po vneshkol'nomu obrazovaniyu 6–12 maya 1919 goda. Izdanie Vneshkol'nogo otdela Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu: odnodnevnyaya gazeta [Extracurricular Education Congress: a Review of Works and the Main Resolutions of the First All-Russian Congress on Extracurricular Education. May 6–12, 1919. Publication of the Extracurricular Education Department of the People's Commissariat for Education: One-Day Newspaper]*. Moscow, 1919. Pp. 3–4. (In Russian)
7. Gurko-Kryazhin V., Pavlov B. *Dva krasnykh goda: noyabr' 1917 g. – noyabr' 1919 g.: khronologiya proletarskoy diktatury [Two Red Years: November 1917 – November 1919: the Chronology of the Proletarian Dictatorship]*. Moscow, 1919. 46 p. (In Russian)
8. Kargin A. S., Vladimirov Ye. A. Predislovie [Preface]. In: *Pervyy Vserossiyskiy s"yezd po vneshkol'nomu obrazovaniyu, 6–19 maya 1919 g. Dokumenty i materialy. V dvukh knigakh, kniga 1 [The First All-Russian Congress on Extracurricular Education, May 6–19, 1919. Documents and Materials. In two books, book 1]*. Moscow, Publishing House of the State Republican Center of Russian Folklore, 1993. Pp. 5–16. (In Russian)
9. Kornetov G. B., Lukatsky M. A. Object of Study of the Discipline “History of Pedagogy”. *History of Education Journal*. 2013, no. 1, pp. 40–58. (In Russian)
10. *Pervyy Vserossiyskiy s"yezd po vneshkol'nomu obrazovaniyu, 6–19 maya 1919 g. Dokumenty i materialy. V dvukh knigakh [The First All-Russian Congress on Extracurricular Education, May 6–19, 1919. Documents and Materials. In two books]*. Moscow, Publishing House of the State Republican Center of Russian Folklore, 1993. (In Russian)
11. Rezolyutsiya po dokladu Vneshkol'nogo Otdela Narodnogo Komissariata po prosveshcheniyu [Resolution on the Report of the Extracurricular Education Department of the People's Commissariat for Education]. In: *Vneshkol'nyy s"yezd: obzor rabot i glavnye rezolyutsii 1-go Vserossiyskogo s"yezda po vneshkol'nomu obrazovaniyu 6–12 maya 1919 goda. Izdanie Vneshkol'nogo otdela Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu: odnodnevnyaya gazeta [Extracurricular Education Congress: a Review of Works and the Main Resolutions of the First All-Russian Congress on Extracurricular Education. May 6–12, 1919. Publication of the Extracurricular Education Department of the People's Commissariat for Education: One-Day Newspaper]*. Moscow, 1919. P. 4. (In Russian)
12. Ruzer-Nirova N. (M. A.) Boevaya armiya prosveshcheniya [Combat Army of Education]. In: *Vneshkol'nyy s"yezd: obzor rabot i glavnye rezolyutsii 1-go Vserossiyskogo s"yezda po vneshkol'nomu obrazovaniyu*

- 6–12 мая 1919 года. *Izдание Vneshkol'nogo otdela Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu: odnodnevnyaya gazeta* [Extracurricular Education Congress: a Review of Works and the Main Resolutions of the First All-Russian Congress on Extracurricular Education. May 6–12, 1919. Publication of the Extracurricular Education Department of the People's Commissariat for Education: One-Day Newspaper]. Moscow, 1919. (In Russian)
13. Tekushchiy moment i vneshkol'noe obrazovanie (doklad N. K. Ul'yanovoy-Leninoy) [Current Situation and Extracurricular Education (Report by N. K. Ulyanova-Lenina)]. In: *Vneshkol'nyy s'yezd: obzor rabot i glavnye rezolyutsii 1-go Vserossiyskogo s'yezda po vneshkol'nomu obrazovaniyu 6–12 maya 1919 goda. Izdanie Vneshkol'nogo otdela Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu: odnodnevnyaya gazeta* [Extracurricular Education Congress: a Review of Works and the Main Resolutions of the First All-Russian Congress on Extracurricular Education. May 6–12, 1919. Publication of the Extracurricular Education Department of the People's Commissariat for Education: One-Day Newspaper]. Moscow, 1919. P. 2. (In Russian)
 14. Yaroshenko N. N. The Main Stages of Historical and Pedagogical Research of Social and Cultural Activity in Russia of the End of the XIX – Beginning of the XXI Century. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2019, no. 2 (88), pp. 114–127. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10210 (In Russian)
 15. Yaroshenko N. N. Pervyy Vserossiyskiy s'yezd po vneshkol'nomu obrazovaniyu: u istokov modernizatsii kul'turno-prosvetitel'nykh praktik v Sovetskoy Rossii [The First All-Russian Congress on Extracurricular Education: at the Beginnings of Modernization of Cultural and Educational Practices in Soviet Russia]. In: Lopatina N. V., ed. *Bibliotchnaya istoriya: sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Library History: Current State and Development Prospects]. Moscow, 2020. Pp. 96–117. (In Russian)

*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МАССОВОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ СЕТИ В СССР 1974–1982 ГОДОВ

УДК 021 (047) «1974/1982»

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10316

М. Н. Глазков

Московский государственный институт культуры

В статье впервые в истории библиотечного дела подробно исследуется общее состояние и развитие советской библиотечной сети в поздний период правления Л. И. Брежнева. Изучены основные руководящие документы в библиотечной сфере. Показаны их положительные стороны и недостатки и недоработки. Анализируются причины, не позволившие в полном объёме реализовать государственную библиотечную политику в 1974–1982 годах. Подчёркивается отсутствие объективных условий для организации эффективной единой системы массовых библиотек в стране. Дается сводная оценка состояния библиотечного дела в СССР на начало 1980-х годов. В статье использованы архивные и иные малоизвестные источники.

Ключевые слова: государственная библиотечная политика, централизация массовой библиотечной сети, история 1974–1982 годов.

Mikhail N. Glazkov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

STATE POLITICS OF MASS LIBRARY NETWORK CENTRALIZATION IN USSR 1974–1982

It's first detail investigated the history of soviet library network general condition and development in late L. I. Brezhnev's period. We studied the main guidance documents in library area. We shows it's positive aspects and disadvantages. Main factors that prevent state library policy in 1974–1982 are analyzed. We note lack of objective conditions for unified mass library system organization in the country. We are given the summery assessment of librarianship state in USSR at the beginning of the 1980th. In article used archive and other little-known sources.

Keywords: state library policy, mass library network centralization, history of 1974–1982.

ГЛАЗКОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотековедения и книговедения факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, академик Международной академии информатизации

GLAZKOV MIKHAIL NIKOLAEVICH – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Full Professor at the Department of Library Science and Book Science, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Academician of the International Academy of Informatization

e-mail: mguci@mail.ru
© Глазков М. Н., 2020

Для цитирования: Глазков М. Н. Государственная политика централизации массовой библиотечной сети в СССР 1974–1982 годов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 172–188. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10316

Поздний советский период изучен явно недостаточно. Мы говорим, разумеется, о научном, а не журналистском осмыслении. В истории библиотечного дела вообще отсутствуют серьёзные обобщающие аналитические исследования поздней брежневской эпохи. Между тем тогда происходили весьма интересные и значимые события, во многом определяющие судьбу нашей страны до настоящего времени.

К середине 1970-х годов СССР достиг сравнительно наивысшего уровня своего материального развития. Массы трудящихся бесплатно получали квартиры, медицина и образование являлись тоже бесплатными и, как мы теперь понимаем, вполне качественными, жилищно-коммунальные услуги стоили буквально копейки, советский рубль был надёжным платёжным средством, а про инфляцию и безработицу наши граждане слышали только из зарубежных новостей, и т.д.

Высоким был политический престиж Советского Союза. Он стал безусловной второй мировой сверхдержавой. Знаменитые Хельсинские соглашения 1975 года укрепили позиции социалистического лагеря и его лидера – СССР. Целый ряд стран Азии, Африки и Латинской Америки официально объявил об ориентации на построение социализма, заключил соответствующие договоры с нашей страной. Был достигнут полный военный паритет между странами Варшавского договора и блоком НАТО. В то же время США и их союзники теряли авторитет, особенно по результатам проигранной Вьетнамской войны, вынуж-

дены были идти на политико-экономические уступки. В подобных обстоятельствах в СССР сложились благоприятные условия для внутреннего развития.

С середины 1960-х годов после смены высшей власти в нашей стране разрабатывалась, а затем стала реализовываться государственная политика централизации сети массовых библиотек [подробнее см.: 7; 9]. С 1966 года начался этап экспериментального, а с 1972 года – массового осуществления данной политики. Официально к началу 1974 года централизация сети общедоступных библиотек была проведена в более чем 140 городах и сельских районах восьми республик СССР [2, с. 301].

Однако несмотря на декларируемые успехи в построении централизованной библиотечной сети, полностью достигнуть заявленных целей не удалось [подробнее см.: 7]. Требовались новые крупные усилия государственных и общественных структур для действительного осуществления всесоюзной библиотечной реорганизации.

В мае 1974 года выходит Постановление ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» [11]. Этот конструктивный, системный документ определил направления развития отечественной библиотечной сферы на последующее десятилетие.

В постановлении отмечалось, что «в настоящее время в стране имеется 360 тыс. библиотек с книжным фондом 3,3 млрд. экземпляров, которые обслуживают более

180 млн. читателей ... Значительному повышению эффективности обслуживания населения книгой способствует осуществляемая в ряде городов и районов страны централизация библиотечной сети. Это позволило объединить усилия и материальные ресурсы библиотек, внедрить единую политику комплектования фондов, полнее удовлетворять запросы трудящихся» [11, с. 418–420].

Однако буквально через одно предложение: «ЦК КПСС отмечает, что уровень работы многих библиотек, организация обслуживания населения книгой ещё не полностью отвечают задачам коммунистического воспитания советского народа, поставленным XXIV съездом КПСС [съезд состоялся в 1971 году. – М. Г.], не удовлетворяют в должной мере научные и культурные запросы трудящихся» [11, с. 418–420]. Сам по себе выход майского Постановления правившей партии означал определённое неблагополучие в отрасли, недостаточную успешность государственной библиотечной политики централизации.

Руководящий документ перечислил ряд недостатков в библиотечной сфере. Среди них: «Проблематика научных исследований в области библиотковедения и библиографии нередко носит отвлечённый характер, а результаты исследований не заканчиваются выработкой конкретных предложений и рекомендаций. Имеют место недостатки в комплектовании книжных фондов. Нередко в библиотеки засылается литература, не находящая сбыта в розничной торговле. Более широкому использованию книги мешает ведомственная разобщённость библиотек, отсутствие кооперирования в комплектовании их фондов. Продолжается открытие большого ко-

личества мелких библиотек, без учёта действительной в них потребности. Многие технические и специальные библиотеки работают замкнуто, обслуживают узкий круг специалистов» [11, с. 418–420].

ЦК КПСС указал, что «Министерство культуры СССР ... Министерство просвещения СССР, ВЦСПС, многие партийные, советские профсоюзные, комсомольские органы недостаточно глубоко вникают в содержание работы библиотек, не проявляют должной заботы об укреплении их материально-технической базы, подборе и воспитании кадров, создании для них необходимых жилищно-бытовых условий. Значительная часть крупных библиотек не обеспечена современными средствами механизации и автоматизации, а централизованные библиотечные системы – оперативной множительной техникой и автотранспортом» [11, с. 418–420].

Для правильной оценки данных замечаний Центрального Комитета правившей партии следует пояснить, что в рассматриваемые годы в Советском Союзе негласно существовал особый язык критических высказываний. Его в то же время прекрасно понимали и советские чиновники разного уровня, и западные политологи, да и простая, но очень знающая отечественная интеллигенция. Так, если говорилось об «отсутствии заботы» в укреплении материально-технической базы библиотек, это в реальности означало её слабое состояние. «Недостатки» в комплектовании библиотечных фондов означали серьёзные в этом деле проблемы. «Помехи» из-за ведомственной разобщённости библиотек следовало переводить с партийно постановляющего языка на классический русский как отсутствие координации в библиотечной работе,

и т.п. По сути, всё это были крупные беды отрасли. Даже то, что в самом начале постановляющей части рассматриваемого документа ЦК КПСС призвал целый ряд перечисленных министерств и ведомств союзного уровня «принять меры к коренному улучшению деятельности библиотек», означало фактическое признание наличия коренных проблем в библиотечной сфере, не решённых в ходе проведения государственной политики централизации 1966–1974 годов.

Постановление от 8 мая 1974 года вместе с тем предписывало «Советам министров союзных и автономных республик, краевым, областным исполкомам Советов депутатов трудящихся провести в 1974–1980 годах централизацию государственных массовых библиотек путём создания на базе городских и районных библиотек единой сети с общим штатом, книжным фондом, централизованными комплектованием и обработкой литературы. Министерству культуры СССР разработать положение о централизации государственных массовых библиотек в стране и методику их перевода на новую систему обслуживания населения» [11].

Более того, централизация фактически распространялась не только на массовые библиотеки. ЦК КПСС указал «Министерствам и ведомствам, ВЦСПС разработать меры по централизации сети подведомственных им библиотек, предусмотрев создание как отраслевых, так и межведомственных централизованных систем, обеспечить их чёткое взаимодействие» [11]. Это указание сближало политику централизации 1970-х годов с аналогичной библиотечной политикой ленинского периода, предусматривавшей централизацию всех библио-

тек всех ведомств и организаций [подробнее см.: 5], но и значительно усложняло и без того слабо решаемые задачи.

Конструктивной составляющей данного директивного документа стал перечень реальных мер по улучшению положения библиотек. Так, от Госкомиздата СССР требовалось «улучшить снабжение библиотек книгами, обеспечить своевременное удовлетворение их заявок на вновь выходящую литературу. Предусмотреть расширение выпуска книг библиотечной серии тиражами, удовлетворяющими потребности массовых библиотек. Ввести централизованную обработку книг во всех библиотечных коллекторах» [11]. Госплану СССР поручалось отнести товарооборот библиотечных коллекторов к розничному товарообороту книготорговых организаций.

Для координации руководства библиотечным делом при Министерстве культуры СССР была создана Государственная межведомственная библиотечная комиссия (ГМБК). Это должно было укрепить одно из самых слабых звеньев политики централизации – межведомственное сотрудничество в библиотечной деятельности.

Постановление ЦК КПСС уделило серьёзное внимание такой ключевой проблеме, как подготовка кадров для библиотек. Надлежало «партийным, советским, профсоюзным и хозяйственным органам усилить внимание к подбору и воспитанию кадров, укрепить библиотеки квалифицированными работниками. Министерству высшего и среднего специального образования СССР повысить качество подготовки кадров для всех типов библиотек, обратив особое внимание на увеличение подготовки работников с высшим образованием и осу-

ществование их специализации» [11]. В непрофильных вузах и средних специальных учебных заведениях следовало «принять меры, обеспечивающие овладение студентами и учащимися основами библиотечно-библиографических знаний» [11].

Повышалась зарплата библиотечных работников. Государственному комитету Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и иным смежным ведомствам поручалось «разработать новый порядок отнесения библиотек к группам по оплате труда их работников, положив в его основу объём работы по обслуживанию читателей» [11].

Важно отметить, что Постановление ЦК КПСС обязывало Советы министров союзных республик, партийные, советские и профсоюзные органы «принять меры к дальнейшему укреплению материально-технической базы библиотек, их планомерному размещению ... Госплану СССР при разработке проекта народно-хозяйственного плана на 1976–1980 годы предусмотреть увеличение производства соответствующими промышленными министерствами библиотечного оборудования, средств механизации и копировально-множительной техники. Госстрою СССР, Министерству культуры СССР обеспечить в 1974–1976 годах разработку новых типовых проектов зданий библиотек для различных районов страны» [11].

Понимая диалектическую связь теории и практики, авторы рассматриваемого документа предусматривали «дальнейшее развитие и координацию научно-исследовательской работы в области библиотековедения и библиографии ... В целях систематического обмена опытом работы и лучшего распространения достижений библиотеч-

ного строительства реорганизовать журнал “Библиотекарь” в общесоюзный журнал – орган Министерства культуры СССР и Министерства культуры РСФСР» [11].

В постановлении были заложены положительные меры по развитию детских библиотек, депозитарного хранения библиотечной литературы и т.д. В целом директива ЦК КПСС от 8 мая 1974 года явилась одним из важных библиотечных документов всей советской эпохи. Его издание придало новый сильный импульс осуществлению государственной политики централизации библиотечного дела в средний и поздний брежневский период.

Конкретные аспекты данной политики были разработаны в «Положении о централизации государственных массовых библиотек», утверждённом Министерством культуры СССР 3 февраля 1975 года за подписью министра П. Н. Демичева [13]. Документ был согласован с союзным Министерством финансов.

В нём указывалось, что «централизация государственных массовых библиотек осуществляется в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 8 мая 1974 года» и что предусматривает «объединение ранее самостоятельных библиотек в централизованную библиотечную систему с общим книжным фондом и штатом работников, единым руководством, централизованными комплектованием и обработкой литературы. В городе, районе выделяется центральная библиотека, а остальные государственные массовые библиотеки функционируют на правах её филиалов» [13].

Подчёркивались основные цели названной политики. Они не отличались от традиционных советских ценностей в сфере культуры и просвещения. Централиза-

ция осуществлялась для «дальнейшего развития роли библиотек в пропаганде политики Коммунистической партии и Советского государства, идейно-политическом, трудовом, нравственном и эстетическом воспитании трудящихся, в распространении достижений науки, техники, передового опыта и внедрения их в производство; более тесной связи библиотечной работы с конкретными задачами коммунистического строительства» [13].

Отраслевыми целями являлись «совершенствование форм организации и методов управления библиотечным делом, ликвидация обособленности и разобщённости библиотек, расширение и углубление их функций, более эффективное использование литературы и выделяемых на содержание библиотек средств, ликвидация неоправданного дублирования в пополнении книжных фондов, внедрение специализации труда и механизации библиотечно-библиографических процессов» [13].

Положение обговаривало формы межведомственного взаимодействия: «централизованная система государственных массовых библиотек проводит работу в координации и взаимодействии с универсальными и специальными библиотеками других ведомств или их централизованными системами. Координация предусматривает планомерное размещение библиотек, улучшение комплектования и взаимопользования книжных фондов, совершенствование справочно-информационного обслуживания читателей и методической работы» [13].

Определялась структура ЦБС государственных массовых библиотек. Она состояла из центральной библиотеки, детской библиотеки, библиотек-филиалов, пунктов

выдачи и передвижных библиотек. В городах, где имелась развёрнутая сеть детских библиотек (не менее 8–10), возможно было объединение детских библиотек в самостоятельную централизованную систему. В сельской местности централизация проводилась в пределах административного района и включала районные, городские, детские, сельские и приклубные библиотеки.

Подчёркивалось, что «централизованная система государственных массовых библиотек имеет книжный фонд универсального профиля, рассчитанный на удовлетворение всесторонних запросов читателей ... фонд включает политическую, производственную, художественную, научную, учебную литературу...» [13]. Центральная библиотека должна была обеспечивать её комплектование и обработку, а также оперативное поступление литературы в подразделения системы, равномерную книгообеспеченность всего населения города, района. Формирование фонда не исключало «целесообразного дублирования и приобретения литературы» [13]. Всем читателям предоставлялась возможность получения литературы из общего фонда ЦБС через центральную библиотеку или любой удобный для них филиал по единому читательскому билету.

На центральные библиотеки и их библиотеки-филиалы была возложена организация обслуживания микрорайонов города и населённых пунктов, не имеющих своих стационарных библиотек, с помощью библиобусов, пунктов выдачи и передвижных библиотек. Для оптимального информирования читателей центральная библиотека должна была издавать и направлять во все структурные подразделения ЦБС бюллетене-

ни новых поступлений. Она также составляла рекомендательные списки литературы, вела каталоги, картотеки и т.п.

Отметим, что при центральной библиотеке создавался библиотечный совет, избираемый на отчётных собраниях читателей. В его состав должны были входить представители общественных организаций, предприятий и учреждений города или района, читательский актив. Совет должен был оказывать разнообразную помощь библиотеке и осуществлять общественный контроль, а также отчитываться о проделанной работе перед населением.

От себя заметим, что, к глубокому сожалению, наладить эффективную работу библиотечных советов в СССР так и не удалось. Они превратились в сугубо формальные структуры, часто существовавшие только на бумаге. Хотя сама идея была очень конструктивной.

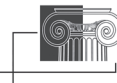
Ещё одним важным документом, обусловленным Постановлением ЦК КПСС от 8 мая 1974 года, стал приказ Министерства культуры СССР «О Государственной междуведомственной библиотечной комиссии» (25 декабря 1975 года) [3, с. 48–49]. В нём подтверждалось, что председателем ГМБК является министр культуры СССР (П. Н. Демичев). Также был определён её персональный состав. Непосредственно библиотечная отрасль была представлена в Комиссии начальником Управления по делам библиотек МК СССР В. В. Серовым.

В Приложении к указанному приказу Минкульту [3, с. 50–52] определялись основные задачи ГМБК. Среди них: «координация деятельности министерств, ведомств и общественных организаций по руководству библиотеками всех типов в целях успешного претворения в жизнь поста-

новлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР в области библиотечного дела; повышение эффективности использования книжных богатств страны ... усиление роли библиотек в широком распространении достижений науки и техники, быстрейшем внедрении их в народное хозяйство, ускорении научно-технического прогресса» [3, с. 50–52].

На ГМБК возлагались следующие крупные задачи: «рассмотрение планов перспективного развития библиотечного дела в нашей стране; разработка предложений, обеспечивающих взаимодействие и согласованность работы библиотек министерств, ведомств и общественных организаций; подготовка заключений по проектам законодательных актов, касающихся деятельности библиотек страны; разработка рекомендаций по улучшению взаимодействия библиотек с издательствами, книготорговыми организациями, органами научно-технической информации, радио и телевидения» [3, с. 50–52]. ГМБК была ответственна и за организацию единой системы межбиблиотечного абонемента в СССР – важнейшей и ключевой с точки зрения эффективной библиотечной системы задачи. Также она подготавливала предложения по формированию и использованию библиотечных фондов, «включая предложения по комплектованию новой литературой, определению её тиражей, переизданию литературы с учётом запросов трудящихся и потребностей библиотек», содействовала «устранению дублирования в комплектовании библиотек ... внедрению механизации в библиотечно-библиографические процессы», и т.д. [3, с. 50–52]

Однако в документе не оговаривались реальные руководящие полномочия

ГМБК. Так, Комиссия могла лишь «знакомиться» с состоянием работы ведомственных библиотек и только «по согласованию» с этими ведомствами. Аналогично обстояло дело с выработкой предложений по основным вопросам межведомственной библиотечной деятельности. Их согласование являлось обязательным, никакого права решающего голоса в библиотечной сфере ГМБК не получила. Забегая вперёд, скажем, что наладить эффективное взаимодействие разных ведомств и организаций, имевших свои библиотеки, в СССР так и не удалось.

В апрельском номере журнала «Библиотекарь» за 1975 год вышла установочная и отчасти программная статья В. В. Серова «Новый этап централизации» [14]. В ней разъяснялись руководящие указания по дальнейшему проведению и завершению реорганизации советской библиотечной системы. Данная статья настолько показательная, что мы позволим себе её прокомментировать.

Вначале автор назвал причиной централизации библиотек «возрастающие потребности социалистического общества в книге и информации в связи с осуществлением в стране научно-технической революции» [14]. НТР тогда, как известно, отвечала важнейшим мировым вызовам, являлась трендом жизни ведущих держав.

Как правило, В. В. Серов в 1970-е годы в аналогичных открытых публикациях очень мало писал о реальном осуществлении централизации, делал это в самых общих выражениях. О трудностях же и недостатках не говорилось, фактически, ничего. Вот и в цитируемой статье сказано: «Опыт работы почти 200 ныне действующих централизованных библиотечных систем со всей убедительностью показывает, что со-

здание единого коллектива ... обеспечение центральных библиотек множительной техникой, библиобусами – всё это способствует повышению уровня работы библиотек системы, поднятию производительности труда, более эффективному использованию средств ... Особенно важно подчеркнуть, что Положение даёт право органам культуры и руководителям централизованных систем перераспределять штаты в зависимости от объёма работы в различных библиотеках. Это позволяет за счёт в основном внутренних резервов создавать в центральных городских и районных библиотеках отделы комплектования и обработки, секторы методической и информационной работы, выравнивать нагрузку библиотечных работников во всех библиотеках-филиалах, обеспечивать в необходимых случаях взаимозаменяемость библиотекарей» [14].

Конечно, с позиций современного знания очевидно, что данные идеи реализовать не удалось. Квалифицированных, опытных библиотекарей, способных успешно вести методическую и общесистемную информационную работу, оказалось слишком мало. Все они и раньше собирались в главной, центральной библиотеке региона и были перегружены текущей работой. Новые задания, поставленные перед ними, а именно – забота и опека ещё и других библиотек-филиалов, заставляли этих лучших местных библиотекарей заниматься формализмом, рапортовать о «преимуществах» централизации на бумаге. Максимум, что они могли сделать в реальности – побывать раз в 2–3 месяца в том или ином филиале и попробовать дать какие-то советы своим менее квалифицированным коллегам.

Апелляции В. В. Серова к «выравниванию нагрузки и взаимозаменяемости биб-

лиотекарей» тоже не заработали, оказались теоретическим построением. В реальной жизни библиотекари не выражали никакого желания помогать другим библиотекам-филиалам выравниваться, более того, относились к временным переводам в другие библиотеки сети как к наказанию, по сути – «ссылке». Не будем забывать, что в 1970-е годы контингент сотрудников массовых библиотек был преимущественно женским. Вливаться на время в чужой женский коллектив оказалось сложной эмоционально-психологической задачей и т.д.

По-настоящему решить данные проблемы было возможно за счёт заметного увеличения подготовки профессиональных библиотекарей и создания серьёзных моральных, а главное материальных условий для их закрепления в массовой библиотечной сети. Увы, складывается впечатление, что последнее даже не предполагалось закладывать в директивно-прикладные документы властей. Более того, как мы уже подробно отмечали [7; 9], высшие власти планировали материально сэкономить на библиотечной централизации.

В своей статье В. В. Серов привёл окончательное решение о месте детских библиотек в централизованных системах. «В соответствии с Положением в тех городах, где имеется развёрнутая сеть детских библиотек (не менее 8–10), они могут объединяться в самостоятельные централизованные системы. Во всех остальных случаях детские библиотеки входят в единую централизованную систему библиотек города, района» [14].

Согласно Положению, в централизованные библиотечные сети объединялись все массовые библиотеки Министерства культуры СССР. Но В. В. Серов разъяснил

и формат межведомственного взаимодействия: «централизованные библиотечные системы государственных массовых библиотек будут проводить работу в тесной связи с библиотеками других ведомств, координируя с ними комплектование фондов, информационное обслуживание, научно-методическое руководство. При этом Положение открывает путь для межведомственной централизации библиотек ... центральная государственная библиотека может осуществлять на договорных началах комплектование и обработку литературы для библиотек других ведомств и организаций. Для небольших городов и сельских районов, где имеется, как правило, очень мало колхозных и профсоюзных библиотек, это вполне реальная перспектива» [14].

Как мы хорошо знаем сегодня, никакой «тесной связи» библиотек разных ведомств установить не удалось. Практически никто не стремился заключать выгодные для библиотекарей центральных массовых библиотек договоры «на комплектование и обработку литературы». Даже самые малые и слабые библиотеки иных ведомств и учреждений пытались справляться своими силами. При этом качество работы часто было низким. Но их скудный бюджет просто не позволял оплачивать договоры с другими организациями. А увеличить бюджет не позволяло государство.

Сам В. В. Серов порекомендовал особое внимание обратить на пункт 35 Положения. В нём устанавливалось, что все выделяемые на содержание объединяемых библиотек финансовые средства аккумулируются на счете центральной библиотеки города или района. Тем самым ранее самостоятельные библиотеки полностью теряли свою финансовую, а значит, и иную независимость.

По важнейшему для всесоюзного контингента библиотекарей вопросу – о заработной плате – было заявлено: «Основным принципом определения категории и уровня зарплат станет, как это предусмотрено постановлением ЦК КПСС по библиотечному делу, не только величина книжных фондов, но в первую очередь масштаб работы по обслуживанию читателей» [14].

Здесь мы тоже должны кратко прокомментировать руководящие разъяснения В. В. Серова. Действительно, по науке и логике библиотеки существуют именно для читателей. Качество их обслуживания – главнейший показатель эффективности всей библиотечной деятельности. Но как хорошо известно специалистам, выявить объективные, универсальные критерии качества в библиотечной сфере до сих пор не удаётся.

Легко можно подсчитать количественные показатели: число читателей, посещений библиотек, книговыдачу и т.п. Но они во многом формальны. Кроме того, советская и российская действительность свидетельствует, что такие показатели регулярно «приписывались» и «приписываются». Когда от библиотекарей «сверху» стали требовать плановую цифру по обслуженным читателям, они, естественно, начали успешно это делать «на бумаге». Но действительная эффективность библиотечного обслуживания в СССР – России при этом не увеличилась, скорее – наоборот.

Но даже с учётом изменений в определении категорий и уровня зарплаты библиотекарей В. В. Серов о заметном её повышении не сообщил ничего. Забегая вперёд, констатируем, что в итоге так и получилось: массы библиотекарей на своём кошелечке не ощутили реальных преимуществ

централизации. А зачем работать интенсивнее за практически те же деньги?

И ещё одно важное замечание. «Положение [о централизации государственных массовых библиотек] является обязательным для всех органов культуры и библиотек. Это означает, что в республиках не должны разрабатывать Положения самостоятельно, а ранее выпущенные такого рода документы утрачивают силу. В имеющиеся материалы необходимо внести изменения и дополнения, вытекающие из данного Положения» [14, с. 36].

После апреля 1975 года мы не обнаруживаем каких-либо серьёзных документов по политике централизации, корректирующих её принципы. С одной стороны, это говорит о стабильности в управлении – чрезвычайно важном обстоятельстве, как мы сегодня в XXI веке осознали. Но с другой стороны, это свидетельство оскудения брежневского режима в смысле новаций и государственного творчества.

Итак, разработка библиотечной политики закончилась. Во второй половине 1970-х годов происходило окончательное её осуществление в реальной советской жизни. Если взять официальные источники, всё было в целом хорошо. Например, в приказе министра культуры РСФСР Ю. С. Мелентьева «О завершении централизации сети массовых библиотек Министерства культуры РСФСР в 1980 году» от 28 ноября 1979 года [3, с. 70–73] отмечалось: «За 1974–1979 годы в РСФСР создано около 2 000 централизованных библиотечных систем. Более 30 автономных республик, краёв, областей завершают централизацию в 1979 году» [3, с. 70–73]. По уточнённым данным, число ЦБС в СССР на начало 1980-х годов увеличилось до 4 с лишним тыс. [1, с. 118],

то есть примерно в 10 раз сравнительно с 1974 годом [1, с. 117].

В приказе приводились некоторые важные цифры, демонстрирующие достижения библиотечной централизации. «Количество читателей в библиотеках Министерства культуры РСФСР увеличилось за пятилетие на 8,7 млн. и составило на конец 1978 года 54,1 млн., книговыдача за этот же период возросла на 222,5 млн. экз.» [3, с. 70–73].

Однако «некоторые органы культуры не обеспечили ритмичного внедрения централизации. Так, на завершающей стадии централизации в 1980 году предстоит создать 15 ЦБС в Алтайском крае, 16 – в Красноярском, 16 – в Пермской области, 12 – в Ростовской, 10 – в Саратовской, 7 – в Дагестанской АССР» [3, с. 70–73].

Особо обратим внимание на то, что сквозь официальный елей просочились значимые проблемы, не решённые на практике. Необходимо было «повысить эффективность взаимодействия фондов ЦБС, принять меры к завершению создания сводных каталогов, укреплению материально-технической базы библиотек, их телефонизации, улучшению комплексного использования автотранспорта и копировально-множительной техники» [3, с. 70–73]. В заключение стояла типовая фраза: «Подготовить для доклада в вышестоящие организации к 10 декабря 1980 года материал о завершении централизации сети библиотек Министерства культуры РСФСР. Контроль за исполнением приказа возложить на Управление библиотек (тов. Бачалдин Б. Н.)» [3, с. 70–73].

Даже в столице, где имелись изначально не лучшие условия для реализации библиотечной политики, всплыло немало проблем.

В Постановлении коллегии Министерства культуры РСФСР и Главного управления культуры исполкома Моссовета «О состоянии и мерах улучшения библиотечного обслуживания населения Москвы массовыми библиотеками» от 14 мая 1981 года констатировалось завершение централизации массовых библиотек в 1980 году, создание 32 ЦБС на базе государственных и 67 на базе профсоюзных библиотек [3, с. 218–226]. Однако «в фондах многих библиотек систематически снижается доля художественной и детской литературы, в то время как выделяемые на комплектование ассигнования используются не полностью ... Недостаточно активно проводится работа по перераспределению фондов между районами и внутри районов. За пятилетие перераспределено всего лишь 500 тыс. экз. литературы, или 1,9% от всего фонда. Не приняты должные меры по повышению эффективности внутрисистемного книгообмена, который равен лишь 0,025% от общей книговыдачи ЦБС ... Не полностью решены вопросы размещения массовых библиотек ... В Кировском районе на 41 тыс. учащихся 1–8 классов и 48 школ приходится всего 5 детских библиотек, а в Ясенево Черёмушкинского района с населением в 170 тыс. – одна детская библиотека; 120 тыс. жителей Тёплого Стана обслуживают 2 библиотеки.

Далеко не все помещения библиотек [Москвы. – М. Г.] благоустроены и имеют удобства для читателей ... Большинство государственных библиотек Сокольнического района размещены в непригодных арендованных помещениях, к тому же многие из них находятся на длительном ремонте ... В тесных малоприспособленных 2–4-комнатных квартирах размещены некоторые детские библиотеки Воро-

шиловского, Кировского, Люблинского, Первомайского, Севастопольского, Советского районов. 60% библиотек Черёмушкинского района не имеют читальных залов» [3, с. 218–226]. И такое положение было в столице СССР, где уже отрапортовали об успешном выполнении централизации!

Даже в Москве не удалось не только решить, но хотя бы существенно переломить негативные кадровые тенденции. «Велика текучесть библиотечных кадров, до 5 лет работают лишь 57,0% библиотекарей, в ЦБС Люблинского района свыше 5 лет работают только 19 человек (29%). Недостаточное внимание уделяется материальному и моральному поощрению библиотечных работников» [3, с. 218–226]. Под этой деликатной формулировкой могли бы подписаться чуть ли не все библиотекари Советского Союза эпохи развитого социализма.

В архивах найден документ, весьма показательный для оценки итогов политики библиотечной централизации в рассматриваемые годы, причём без столичной «наценки». Это приказ министра культуры РСФСР Ю. С. Мелентьева от 14 июля 1981 года [4]. Он был обусловлен широкой комплексной проверкой республиканскими финансовыми органами 310-ти ЦБС в 23 автономных республиках, краях и областях. Очевидно, что в ходе проверки требовалось соблюсти «честь» не библиотечных, а фискальных мундиров. Отсюда некоторые откровенные пассажи, которых мы не находим в собственно библиотечных документах. Протицируем значимые, по нашему мнению, фрагменты приказа.

«Проверкой установлено, что в ряде территорий централизация проведена формально, без должного учёта состояния материально-технической базы библиотек.

Многие здания центральных городских и районных библиотек и филиалов, особенно в сельской местности, размещены в старых тесных, непригодных зданиях с печным отоплением, без телефонной связи. Так, в Краснодарском крае из 20 проверенных ЦБС помещения 2-х центральных библиотек и 38 филиалов требуют капитального ремонта. 12 центральных библиотек и 51 филиал нуждаются в значительном увеличении площадей. В Кемеровской области ряд библиотек размещён в ветхих помещениях, где зимой температура не превышает 6–10 градусов тепла. Уровень материально-технической базы центральных библиотек не отвечает современным требованиям во всех [! – М. Г.] проверенных территориях. Многие ЦБС недостаточно оснащены оборудованием и техническими средствами ... Спецавтотранспорт во многих проверенных ЦБС находится в неудовлетворительном состоянии, используется в течение года от 40 до 70 дней.

... Проверка выявила расхождение отчётных и фактических данных по числу читателей, книговыдач и посещений в ЦБС Алтайского, Красноярского, Приморского, Хабаровского краёв, Горьковской, Иркутской, Куйбышевской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Пермской, Псковской, Тюменской, Челябинской, Читинской областей. Отмечена неудовлетворительная работа ЦБС по сохранности книжных фондов в Краснодарском, Красноярском краях, Кемеровской, Куйбышевской, Московской, Пермской, Псковской, Челябинской областях ... Имеют место факты, когда на должностях, требующих высокой квалификации, работают лица со средним общим образованием и не имеющие среднего образования. Уста-

новлены случаи неправильного определения стажа работы и образования, ошибки в определении ставок заработной платы» и другое [4].

Приказ предусматривал меры по устранению выявленных комплексной проверкой недостатков. Контроль за выполнением приказа был возложен на Управление библиотек (Б. Н. Бачалдин). Но фактически общероссийская проверка доказала неудовлетворительное состояние централизованных библиотечных систем на 1981 год.

В брежневский период, несмотря на неоднократные постановления и распоряжения, не удалось решить базовую проблему комплектования библиотек. 1 марта 1982 года Министерство культуры СССР и Государственный комитет СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли издали приказ «О мерах по улучшению комплектования и использования книжных фондов библиотек» [3, с. 149–150]. В нём, в частности, признавалось, что «52% читателей не удовлетворены составом имеющейся в библиотеках художественной литературы. В ряде централизованных библиотечных систем отсутствуют тематико-типологические планы комплектования, имеют место случаи неравномерного и нерационального распределения литературы между филиалами и центральными библиотеками ... В комплектовании и использовании книжных фондов, организации библиографической и информационной работы библиотек отсутствует необходимая координация и кооперация» [3, с. 149–150].

В аналогичном приказе Министерства культуры РСФСР и Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли от 30 ноября 1982 года [3, с. 81–90] указывалось: «Зна-

чительное количество читателей не полностью удовлетворены состоянием имеющейся в библиотеках художественной и детской литературы. Заказы библиотек на эту литературу выполняются библиотечными коллекторами лишь на 20–30% ... Некоторые книготорги нарушают порядок первоочередного снабжения библиотечных коллекторов литературой, в ряде случаев выделяют им книги в крайне ограниченных количествах» [3, с. 81–90].

Также отмечался слабый контроль местных органов культуры и библиотек – методических центров – за качеством комплектования и эффективностью использования централизованных книжных фондов. Констатировалось, что «медленно развивается внутрисистемный книгообмен. Серьёзного улучшения требует работа по учёту и сохранности фондов» [3, с. 81–90]. Из-за отсутствия необходимых помещений в целом ряде регионов России даже «не начата централизованная библиотечная обработка книг...» [3, с. 81–90].

Итак, анализируя итоги государственной политики централизации в библиотечном деле 1974–1982 годов, следует заметить, что всё вновь замкнулось на «вечных» проблемах. Базовые из них – это слабая, недостаточная материально-техническая база библиотек, а также неудовлетворительное и не оперативное комплектование их фондов. Совершенно очевидно, что без решения данных ключевых проблем любая библиотечная политика не могла не пробуксовать, осуществляться формально. Ясно, что для улучшения ситуации нужны были крупные финансово-материальные вливания в отрасль. И рассматриваемый период – редкое время для нашей страны, когда подобные вливания были объективно воз-

можно, исходя из экономического и политического развития Советского Союза. Однако вместо вливаний высшие власти вновь решили «сэкономить» на культуре и просвещении. И вскоре получили разрушенный СССР.

Обратим внимание на то, что, согласно исследованиям крупного современно-го историка А. И. Колпакиди, после 1975 года Л. И. Брежнев, в связи с заметным ухудшением здоровья, отходит от реального управления государством. Фактически власть получает тройка наиболее влиятельных членов Политбюро: А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов и Ю. В. Андропов, с решающим голосом последнего. Следовательно, правильнее говорить не о брежневском, а об андроповском «застое».

Среди специальных проблем централизации на первое место мы бы поставили недостаточное взаимодействие внутри библиотечной сети, вплоть до полного отсутствия координации и кооперации в работе. Ещё внутри одной районной ЦБС что-то совместно делалось, хотя и с изъянами и перекосами, обычно в пользу центральной библиотеки. Но уже на городском, а тем более на областном или краевом уровне координация была сугубо формальной и показной. А ведь задумывался ещё и республиканский и всесоюзный уровень взаимодействия, о котором в данном контексте говорить вообще не приходится. Ситуацию усугубляло отсутствие требуемого транспортного парка при библиотечных системах.

Как одно из значимых следствий, не удалось наладить действенный МБА, межбиблиотечная пересылка литературы так и осталась минимальной. А страдали прежде всего читатели, не получавшие

необходимые книги и периодику в рамках декларированного внутрисистемного книгообмена.

Только в конце 1970-х годов стали предприниматься слабые, административно не акцентированные попытки организации межведомственных ЦБС, прежде и более всего объединяющих государственные массовые и профсоюзные библиотеки. Однако власти так и не нашли для ведомств нужной мотивации, у тех не оказалось заинтересованности в налаживании согласованной работы с общедоступными библиотеками. При не вполне удовлетворительном состоянии централизации массовых библиотек создавать системы более сложного, межведомственного уровня представлялось для отраслевых руководителей вовсе обречённым на неудачу делом. Пресловутые «параллелизм и дублирование», межведомственную разобщённость, нерациональное расходование средств в библиотечной сфере преодолеть не удалось.

Главные задачи, поставленные перед Государственной межведомственной библиотечной комиссией и перечисленные выше, остались не выполненными. Историческая объективность заставляет сказать об ответственности официального идеолога и куратора централизации в библиотечном деле В. В. Серова за неудачи данной политики. Хотя мы понимаем, что решить названные проблемы единолично он, разумеется, не мог. Требовалось постоянно отстаивать многие острые позиции перед министерской властью и выше, чего сделано не было. Зато мы имеем изданную книгу Василия Васильевича об успехах централизации [15] и его соответствующую докторскую диссертацию, защищённую в 1982 году.

В рассматриваемый период значительного прогресса достигло отечественное библиотечное образование. Во многом советскую систему обучения кадров в отрасли можно называть эталонной [6; 8]. Однако из-за нерешённости высшей властью вопроса низкого среднего уровня зарплаты библиотекарей и малопрестижности профессии, централизованные библиотечные системы не получили требуемого контингента квалифицированных сотрудников. К 1985 году в СССР в государственных общедоступных библиотеках работали только 26% библиотекарей с высшим образованием (из них с библиотечным – 16%). В Российской Федерации – соответственно 25% и 15%. Большой оставалась текучесть кадров массовых библиотек [1, с. 128]. Реально задействовать мощный человеческий фактор для решения задач государственной библиотечной политики в целом не удалось.

Выявляя серьёзные проблемы и недостатки политики централизации библиотек, мы должны видеть и положительные явления в отечественной библиотечной сфере 1974–1982 годов. Многие важнейшие показатели библиотечной статистики продолжали расти.

В начале 1974 года в Советском Союзе имелось 360 тыс. библиотек всех типов

и видов с фондом 3,3 млрд. экз. Они обслуживали более 180 млн. читателей [11, с. 418]. В 1983 году совокупный библиотечный фонд увеличился до 5 млрд. экз. По разным подсчётам общее количество библиотек в начале 1980-х годов равнялось 350–360 тыс. Суммарное число их читателей в 1980 году превысило 200 млн. [2, с. 325–326; 10; 12]. Ни одна другая страна мира даже близко не подошла к подобным рекордным показателям.

СССР являлся мировым лидером в перспективной области библиотечного обслуживания детей и юношества. Развивалась передовая система депозитарного хранения библиотечной литературы. Отечественное библиотековедение, иные профильные научные дисциплины являлись ведущими в мире, высоко оценивались даже нашими идейно-теоретическими противниками [6; 8]. Как самая читающая, наша держава не имела никаких конкурентов.

Однако по названным выше причинам высокие, глобальные цели и задачи государственной политики централизации массовой библиотечной сети выполнены не были. Эта неудача вошла в перечень системных неполадок советской политико-экономической и культурной сферы. Уже через несколько лет СССР был разрушен.

Примечания

1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в России : учебно-методическое пособие для студентов, преподавателей и библиотекарей-практиков : [в 2 частях]. Москва : Изд-во Либерия, 2000-. Часть 2. 2001. 160 с. : ил., табл.
2. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР : [учебник для библиотечных факультетов институтов культуры, педагогических вузов и университетов]. 3-е издание, переработанное и дополненное. Москва : Книга, 1980. 352 с.
3. Библиотечное дело в Российской Федерации (май 1974 – февраль 1984) : документы и материалы / авт.-сост. А. Л. Дивногорцев. Москва : Пашков дом, 2016. 310 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 9699. Л. 163–166.
5. Глазков М.Н. Государственная политика централизации библиотечного дела в первые годы советской власти // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 1 (93). С. 182–193. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10120

6. Глазков М. Н. Отечественная библиотечная наука и образование (1964–1982 годы) // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. № 2. С. 70–81.
7. Глазков М. Н. Разработка и первый этап реализации политики централизации сети массовых библиотек в СССР (1964 год – апрель 1974 года) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 116–127. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10414
8. Глазков М.Н. Расцвет библиотечной науки в период «застоя». Создание кузниц подготовки кадров // Библиотечное дело. 2020. № 5 (359). С. 31–36.
9. Глазков М. Н. Формирование политики централизации библиотечного дела в СССР в 1960-е гг. // Культура: теория и практика. 2019. Вып. 2. С. 8.
10. Карташов Н. С. Актуальные проблемы советского библиотековедения // Актуальные вопросы библиотечной работы. Теория и практика. Москва : Книга, 1984. С. 13–30.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Том 12. 1971–1975. 9-е издание, дополненное и исправленное. Москва : Политиздат, 1986. С. 418–423.
12. Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник. Москва : Финансы и статистика, 1989. 432 с.
13. Руководящие материалы по библиотечному делу : справочник / под ред. В. В. Серова. Москва : Книга, 1982. С. 112–116.
14. Серов В. В. Новый этап централизации // Библиотекарь. 1975. № 4. С. 35–36.
15. Серов В. В. Совершенствование системы библиотек в развитом социалистическом обществе: вопросы теории и практики. Москва : Книга, 1981. 272 с.

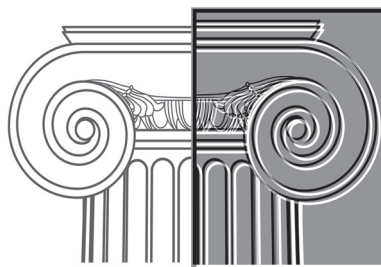
References

1. Abramov K. I. *Istoriya bibliotchnogo dela v Rossii. V 2 chastyakh, chast' 2 [History of Librarianship in the Russia. In 2 parts, part 2]*. Moscow, Liber Publisher, 2001. 160 p. (In Russian)
2. Abramov K. I. *Istoriya bibliotchnogo dela v SSSR [History of Librarianship in the USSR]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house “Book”, 1980. 352 p. (In Russian)
3. Divnogortsev A. L. *Bibliotchnoe delo v Rossiyskoy Federatsii (may 1974 – fevral' 1984): dokumenty i materialy [Librarianship in the Russian Federation (May 1974 – February 1984): Documents and Materials]*. Moscow, Russian State Library ‘Pashkov Dom’ Publishing, 2016. 310 p. (In Russian)
4. State Archive of the Russian Federation. Fond A-501, inventory 1, document 9699, list 163–166. (In Russian, unpublished)
5. Glazkov M. N. State Centralization of Librarianship Policy in the First Soviet Authority Years. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2020, no. 1 (93), pp. 182–193. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10120 (In Russian)
6. Glazkov M. N. Native Library Science and Education in 1964–1982. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2018, no. 2, pp. 70–81. (In Russian)
7. Glazkov M. N. The Development and Realization of Mass Library Network Centralization Politics in USSR (1964 – April 1974). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2019, no. 4 (90), pp. 116–127. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10414 (In Russian)
8. Glazkov M. N. Rastsvet bibliotchnoy nauki v period “zastoya”. Sozdanie kuznits podgotovki kadrov [The Heyday of library Science during the “Stagnation” Period. Creation of Training Forges]. *Bibliotchnoe delo*. 2020, no. 5 (359), pp. 31–36. (In Russian)
9. Glazkov M. N. Forming the Centralization Librarianship Politics in USSR in 1960s. *Culture: Theory and Practice*. 2019, issue 2, p. 8. (In Russian)
10. Kartashov N. S. Aktual'nye problemy sovetskogo bibliotekovedeniya [Actual Problems of Soviet Librarianship]. In: *Aktual'nye voprosy bibliotchnoy raboty. Teoriya i praktika [Topical Issues of Library Work. Theory and Practice]*. Moscow, Publishing House “The Book”, 1984. Pp. 13–30. (In Russian)

11. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i plenumov TSK (1898–1986). Tom 12. 1971–1975 [Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986). Volume 12. 1971–1975].* 9th edition. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1986. Pp. 418–423. (In Russian)
12. *Narodnoe obrazovanie i kul'tura v SSSR. Statisticheskiy sbornik [Public Education and Culture in the USSR. Statistical Compilation].* Moscow, Publishing House "Finance and Statistics", 1989. 432 p. (In Russian)
13. Serov V. V., ed. *Rukovodyashchie materialy po bibliotechnomu delu: spravochnik [Guidelines for Librarianship: A Handbook].* Moscow, Publishing House "The Book", 1982. Pp. 112–116. (In Russian)
14. Serov V. V. *Novyy etap tsentralizatsii [New Stage of Centralization]. Bibliotekar [Librarian].* 1975, no. 4, pp. 35–36. (In Russian)
15. Serov V. V. *Sovershenstvovanie sistemy bibliotek v razvitom sotsialisticheskom obshchestve: voprosy teorii i praktiki [Improving the System of Libraries in a Developed Socialist Society: Issues of Theory and Practice].* Moscow, Publishing House "The Book", 1981. 272 p. (In Russian)

*

НОВЫЕ КНИГИ

ВОЗМОЖНО ЛИ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ?

Рецензия на книгу А. А. Макушинского «Предместья мысли.
Философическая прогулка» (Москва : Эксмо. 2020. 320 с.)

УДК 1(470) (091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10317

Н. И. Герасимов

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
Московский государственный институт культуры

В статье представлена рецензия на книгу А. А. Макушинского «Предместья мысли. Философическая прогулка». Указаны историко-философские и историко-культурные особенности художественного произведения.

Ключевые слова: художественная литература, роман, русская философия, русское зарубежье.

Nikolay I. Gerasimov

Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow Department of Culture,
Nizhyaya Radishchevskaya str., 2, 109240, Moscow, Russian Federation

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

IS A LITERARY COMPREHENSION OF RUSSIAN PHILOSOPHY POSSIBLE?
REVIEW OF THE BOOK BY A. A. MAKUSHINSKY “SUBURB OF PLACES.
PHILOSOPHICAL WALK” (MOSCOW, PUBLISHING HOUSE “EKSMO”, 2020. 320 P.)

The text of the article is a review of the book by A. A. Makushinsky “Suburb of Places. Philosophical Walk”. The historical-philosophical and historical-cultural features of the work of art are indicated.

Keywords: fiction, novel, Russian philosophy, Russian emigration.

Для цитирования: Герасимов Н. И. Возможно ли литературное осмысление русской философии? Рецензия на книгу А. А. Макушинского «Предместья мысли. Философическая прогулка» (Москва : Эксмо. 2020. 320 с.) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3 (95). С. 190–195. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10317

ГЕРАСИМОВ НИКОЛАЙ ИГОРЕВИЧ – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, старший преподаватель кафедры
философии Московского государственного института культуры

GERASIMOV NIKOLAY IGOREVICH – PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Alexander
Solzhenitsyn’s House of Russian Abroad, Senior Teacher at the Department of Philosophy, the Faculty of
State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: nickgerasimow@yandex.ru
© Герасимов Н. И., 2020

Русские философы нередко становились героями художественной литературы. Достаточно вспомнить хотя бы «Былое и думы» А. И. Герцена, «Дар» В. В. Набокова или «Берег утопии» Т. Стоппарда. В то же время сами русские философы нередко облачали свои идеи в покрывало художественной прозы, будь то В. Ф. Одоевский и его «Русские ночи», Н. Г. Чернышевский и его «Что делать? Из рассказов о новых людях», В. С. Соловьёв и его «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» [2, с. 10–15]. Понятно, что не стоит ставить знак равенства между русской философией и русской литературой. В конце концов каждая сфера культуры, даже при внешней схожести, самостоятельна и обладает внутренним алгоритмом развития [7]. Вместе с тем каждое новое филологическое или историко-философское исследование русской культуры лишь подтверждает тот факт, что отечественная философская мысль выросла из русского литературного логоса. Значит ли это, что философия в России второстепенна по отношению к русской литературе? Вовсе нет. Однако литература как область художественного творчества способна показать природу философского знания в особом свете. Драматургия сюжета, художественные приёмы – всё это не только эстетизирует и делает наглядным сложные концептуальные структуры философского текста, но и даёт возможность через само художественное повествование понять философию как особую интеллектуальную сферу культуры.

Книга А. А. Макушинского¹ «Предместья мысли. Философическая прогулка», с одной

¹ Алексей Анатольевич Макушинский (род. 1960, Москва) – русский поэт, прозаик, эссеист, литературовед. С 1992 года живёт в Германии. В 1999 году

стороны, конкретизирует и индивидуализирует интеллектуальные сюжеты, всякий раз уводя читателя в сторону, когда приводимые им мысли классиков мировой философии могут показаться слишком абстрактными, с другой – использует историю философии как материал для самостоятельного художественного повествования. Как и всякое литературное произведение, книга «Предместья мысли» тематически ограничена. А. А. Ма-

защитил докторскую диссертацию (PhD) в Католическом университете Айхштетт-Ингольштадт. В 2000–2008 годах сотрудник кафедры Восточноевропейской истории Католического университета Айхштетт-Ингольштадт, с апреля 2010 года доцент Института славистики Майнцского университета Иоганна Гутенберга в Майнце. Член редколлегии немецкого журнала «Forum für osteuropäische Idee- und Zeitgeschichte» и его русской сетевой версии «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Лауреат премии «Глобус» за роман «Город в долине». Его роман «Пароход в Аргентину» вошёл в короткий список премии «Большая книга», получил первый приз «Русской премии».

кушинский обращается к теме, совершенно не разработанной в художественном плане, – русская философская эмиграция 1920–1930-х годов. Безусловно, отечественная культура богата разного рода литературными очерками в жанре воспоминаний, написанных очевидцами событий межвоенной Европы, в том числе и русскими эмигрантами. Однако всё, что было написано, создавалось ретроспективно – как ностальгическая консервация атмосферы ушедшей эпохи. Сама русская философия XX века никогда не была специальной темой для художественного осмысления. В этом отношении А. А. Макушинский сделал то, что не довели до завершения русские эмигранты (в том числе и философы) – нашёл литературную форму, в которой эмигрантская философская мысль смогла бы жить вне рамок академических исследований.

Несмотря на то, что жанровое своеобразие книги определить сложно, не будет ошибкой сказать, что данный текст – это большое литературно-философское эссе, созданное автором в процессе неторопливой прогулки по Парижу и его окрестностям. Как это часто бывает, прогулка сопровождается внутренним монологом, который, впрочем, представляет собой не столько внутреннюю рефлексию автора (или его тезки – альтер эго?) с традиционным осмыслением событий прожитых лет, сколько экзистенциальное общение с личностью, пожалуй, самого успешного философа русской эмиграции – Н. А. Бердяева. И это «общение» автора с Н. А. Бердяевым транслируется ровно в той форме, в которой вообще возможна коммуникация с философом ушедшей эпохи.

Читатель наблюдает, как развивается авторская мысль, «цепляясь» здесь и там за различного рода топонимы и аллюзии,

как происходит мысленная реконструкция межвоенного Парижа и его окрестностей, как всякий раз, когда рассуждение уходит в сторону, оно вновь возвращается к личности русского философа.

Видно, как сам А. А. Макушинский, по его собственному признанию, испытывая чувство не просто симпатии, но любви к Н. А. Бердяеву [6, с. 5], проходит путь от умеренного отношения к христианству к экзистенциальному «бунту» (А. Камю), предполагающему нежелание мириться с христианством и с религией в целом. Русский философ становится своего рода «Другим» (Ж. П. Сартр, М. М. Бахтин) по отношению к автору.

Есть в книге и другой «герой» – французский неотомист Ж. Маритен, с которым у Н. А. Бердяева были частые дружеские встречи. По сути, именно связь русского философа с французским католическим мыслителем и стала отправной точкой создания «Предместий мысли». Н. А. Бердяев жил в Кламаре, а Ж. Маритен – в Мёдоне. Один небольшой пригород Парижа плавно переходит в другой. Соседство двух интеллектуалов предполагало частые прогулки от дома в Кламаре до дома в Мёдоне и обратно. Как происходили эти прогулки? О чём думал Н. А. Бердяев, когда шёл к Ж. Маритену? О чём он думал, когда возвращался домой? Что видел русский философ, преодолевая это расстояние, какие мысли и ассоциации у него возникали? Если академической истории философии достаточно знать один лишь факт соседства, для литературы факт – контур незнания, приглашение к более индивидуальной работе над сюжетообразующей историей. И эта история создаётся А. А. Макушинским на глазах у читателя.

Мы видим, как автор отправляется изучать Париж и его «предместья», как он

ждёт поезд в Кламар, как вспоминает Россию, старого друга, и происходит то, что сам автор называет «всё перепуталось навек» [6, с. 7]. Хотя книга и полна разного рода лирических отступлений, А. А. Макушинский удерживает внимание читателя на том, как он познакомился с творчеством Н. А. Бердяева, какие вопросы в его философии ему показались близким, а какие – нет, как он стал интересоваться его биографией и т.д. Параллельно условному «концептуальному» повествованию (непосредственно философские размышления автора) идёт повествование прямое – сама прогулка, само путешествие, которое сопровождается не только описанием улиц, районов, вокзалов, неожиданных встреч с людьми, но и фотографиями, сделанными самим автором.

Помимо образов Н. А. Бердяева и Ж. Маритена, в книге литературно осмыслены различные историко-философские сюжеты: дружба Л. И. Шестова и Э. Гуссерля, судьба учеников Л. И. Шестова Р. Беспаловой и Б. Фондана, драматические повороты в жизни А. Камю и многое другое. Историко-философский материал анализируется автором максимально пристрастно, но и максимально компетентно. К данной книге, разумеется, невозможно применять критерии оценки как к академической работе, однако это не значит, что сочинение А. А. Макушинского бесполезно для современных исследователей. «Предместья мысли» органично вплетаются в традицию философской эссеистики – исходя из этого жанра и стоит оценивать книгу.

В чём может заключаться смысл литературного осмысления русской философии? Литература создаёт художественный мир, законы которого определяют существование тех или иных интеллектуальных сюже-

тов. В данном случае стоит говорить о своеобразных «лабораторных условиях», в которых русская философская мысль сама обращает внимание на те стороны своей жизни, которые могли не учитываться профессиональным сообществом философов. Читая «Предместья мысли», невольно задаёшься вопросом о специфике образа Н. А. Бердяева в книге. Имеет ли он какие-то аналоги в истории русской литературы? Сочинение А. А. Макушинского показывает, что русский философ как «герой» абсолютно самостоятелен. Констатируется его внутреннее одиночество, но оно не возводится в определяющий фактор его жизни. Это приятно удивляет, потому что в книге О. Д. Волкогоновой (серия «ЖЗЛ») [1] Н. А. Бердяев позиционируется чуть ли не как одинокий Пьеро, который за всю свою жизнь так и не испытал радости взаимопонимания. В «Предместьях мысли» Н. А. Бердяев – индивидуалист, творчески одухотворённая личность, чьё общение с людьми является способом найти ответы на философские вопросы. К сожалению, в книге очень мало говорится об артистической натуре русского философа, его продуманном образе, его манере говорить, его способе перформативно работать с метафизическими проблемами – именно здесь художественная сторона книги могла бы раскрыть эстетику философской мысли Н. А. Бердяева, её чувственную сторону. Хорошим решением кажется отказ автора от попыток «придумать» реплики Н. А. Бердяеву, как и «обыграть» те или иные обстоятельства, в которых рождались идеи русского философа. Искусственно созданные диалоги, в которых русскому философу отводилась бы роль «спикера», безусловно, погубили бы весь замысел произведения. В этом смысле романы Р. Гуля про М. А. Бакунина являются отлич-

ным примером того, как не стоит осмысливать русскую философию в рамках литературного произведения [3; 4]. Текст сочинения А. А. Макушинского по меркам романа не очень большой, но по меркам эссе – немалый. Читатель логично ждёт особого нетривиального вывода, к которому приходит автор спустя много-много страниц размышлений. А. А. Макушинский обращает внимание на противоречивый характер религиозности русского философа. С одной стороны, Н. А. Бердяев являлся продолжателем традиции «религиозно-философского ренессанса» [6, с. 209], с другой – философом свободы, желающим «вносить движение в метафизику», желающим парадоксов, жаждущим настоящей жизни, а не «плотно-платоно-плотиновского всепоглощающего, всепоедающего всеединства» [6, с. 209]. Этот противоречивый характер философии Н. А. Бердяева интересен ещё и тем, что весь мир в 1920–1930-х годах поступательно шёл к «разрыву» с эссенциализмом, а в среде русской эмиграции всё ещё пытались говорить о сущностях, об объективно существующих законах бытия (Н. А. Бердяев вместе Л. И. Шестовым в этом смысле как раз создавали будущее мировой философии, а не пытались через философию обновить богословскую мысль). О современном прочтении Н. А. Бердяева А. А. Макушинский пишет так: «Нам ну-

жен в нём просто философ (самый вольный, самый живой); куда бы спрятать этого религиозного?» [6, с. 209].

К сожалению, в книге Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов интегрированы в большей степени в литературное сообщество, чем в философское. Это странно, потому что здесь всё-таки «философическая прогулка». Читатель не найдёт в книге ничего о разногласиях русских экзистенциалистов с другими представителями русской философской диаспоры. С. Л. Франк просто упоминается в произведении несколько раз, а об И. А. Ильине или П. Б. Струве ничего не сказано. Впрочем, это пожелание историка русской философии. Если говорить о диалоге Н. А. Бердяева с мировой философией – тут никаких вопросов нет (А. Камю, Ж. П. Сартр, все ключевые фигуры того времени «на месте»).

Если рассматривать роман в комплексе, например, с вышедшей в 2019 году монографией О. Т. Ермишина «Философия русского зарубежья XX века» [5], то читатель откроет для себя мир русской философии во многих проявлениях: историко-философских, биографических, социокультурных и т.д. Возможно ли сегодня литературное осмысление русской философии? Да, возможно. Книга А. А. Макушинского является лучшим примером того, как эту традицию можно развивать в дальнейшем.

Примечания

1. *Волгогонова О. Д.* Бердяев. Москва : Молодая гвардия, 2010. 388 с.
2. *Гачева А. Г.* «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. Москва : Академический проект, 2019. 734 с.
3. *Гуль Р.* Скиф в Европе (Бакунин и Николай I). Нью-Йорк : Издательство «Мост», 1958. 208 с.
4. *Гуль Р.* Бакунин: историческая хроника. Нью-Йорк : Издательство «Мост», 1974. 208 с.
5. *Ермишин О. Т.* Философия русского зарубежья XX века. Москва : Летний сад ; Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. 304 с.
6. *Макушинский А. А.* Предместья мысли. Философическая прогулка. Москва : Эксмо, 2020. 320 с.
7. *Сиземская И. Н.* О внутреннем согласии русской философии и литературы // Философия и культура. 2010. № 5 (29). С. 79–85.

References

1. Volkogonova O. D. *Berdyayev*. Moscow, Publishing House “Molodaya gvardiya”, 2010. 388 p. (In Russian)
2. Gacheva A. G. “*Ideal ved’ tozhe deystvitel’nost’...*”. *Russkaya filosofiya i literatura [Efficiency is Ideal Too... Russian Philosophy and Literature]*. Moscow, Publishing House “Academic Project”. 2019. 734 p. (In Russian)
3. Gul R. *Skif v Evrope (Bakunin i Nikolay I) [Scythian in Europe (Bakunin and Nicholas I)]*. New York, Publishing House “Most”, 1958. 208 p. (In Russian)
4. Gul R. *Bakunin: istoricheskaya khronika [Bakunin: Historical Chronicle]*. New York, Publishing House “Most”, 1974. 208 p. (In Russian)
5. Ermishin O. T. *Filosofiya russkogo zarubezh’ya XX veka [The Philosophy of the Russian Emigre of the 20th Century]*. Moscow, Publishing House “Letniy Sad”; Alexander Solzhenitsyn’s House of Russian abroad, 2019. 304 p. (In Russian)
6. Makushinskiy A. A. *Predmest’ya mysly. Filosoficheskaya progulka [Suburb of Places. Philosophical Walk]*. Moscow, Publishing House “Eksmo”, 2020. 320 p. (In Russian)
7. Sizemskaya I. N. O vnutrennem soglasii russkoy filosofii i literatury [On the Inner Harmony of Russian Philosophy and Literature]. *Filosofiya i kul’tura [Philosophy and Culture]*. 2010, no. 5 (29), pp. 79–85. (In Russian)

*

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Предлагаем Вам опубликовать статьи в научном журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 года № 90-р на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее – ВАК) с учетом заключений профильных экспертных советов ВАК, журнал «Вестник МГУКИ» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология).
- 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки).
- 09.00.04 – Эстетика (философские науки).
- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности (педагогические науки).
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях.

Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объём статьи не должен превышать 30 тыс. знаков, включая пробелы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05-2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;

б) сведения об авторе, включающие ФИО автора (авторов) полностью, на русском и английском языках (ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-LC), или так, как в загранпаспорте или водительских правах); место учёбы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), обязательно – электронный адрес.

5. Статьи принимаются в двух вариантах — печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.

6. Все статьи рецензируются и публикуются бесплатно.

7. Рецензирование статьи осуществляется редакционной коллегией журнала. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.

ВНИМАНИЕ!

Ответственность за содержание публикаций несут авторы.

При представлении основных результатов своего научного исследования автор обязан находиться в правовом поле, то есть его публикация не должна каким-либо образом нарушать ЗАКОН РФ ОТ 27.12.1991 N 2124-1 (РЕД. ОТ 18.04.2018) «О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ».

Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» обращает внимание на то, что в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов.

От авторов, предлагающих свои материалы к публикации в журнале, редакция ожидает соблюдения следующих принципов:

- оригинальности исследования;
- предоставления достоверных результатов проделанной работы, отсутствия ложных утверждений, безошибочности представления данных;
- объективного обсуждения значимости исследования;
- недопустимости личных, критических или пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других исследователей;
- полного исключения плагиата; признания вклада других лиц, обязательного наличия библиографических ссылок на все внешние источники информации, все публикации, существенные для данной статьи (включая его собственные ранее опубликованные статьи и научные материалы), избегая при этом самоплагиата (повторной, дублирующей публикации). Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьёй и находящимися на рассмотрении в других изданиях;

- получения разрешения на использование (воспроизведение) чужих материалов, таблиц, изображений и обязательного указания автора этих материалов и/или владельца авторских прав на эти материалы;
- представления информации из конфиденциальных источников только с их разрешения;
- представления в качестве соавторов всех участников, внесших существенный вклад в исследование и написание статьи; одобрения окончательной версии работы всеми соавторами и их полного согласия с представлением её к публикации;
- выражения благодарности другим коллегам, не являющимся авторами данной статьи, но повлиявшим на её создание;
- раскрытия потенциальных конфликтов интересов (предоставление информации о работе по найму, консультировании, наличии акционерной собственности, предоставлении экспертных заключений, патентной заявке или регистрации патента, получении гонораров;
- чёткого указания в тексте рукописи сведений о полученных грантах, других источниках финансирования исследования, обо всех других формах поддержки, т.е. фактах, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе);
- незамедлительного сообщения об обнаружении существенных ошибок или неточностей в публикации и взаимодействия с редактором с целью скорейшего исправления ошибок или изъятия публикации, своевременного исправления ошибок и неточностей, выявленных рецензентом или редактором.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода.